

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

ПИНГВИН ВЛЮБЛЕННЫЙ

ироническая трилогия

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
Анатолий Анатольевич

ПИНГВИН ВЛЮБЛЕННЫЙ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 265.

«Когда любовь нечаянно нагрянет, то от неё хорошего не жди»... Известный писатель, прожжённый людоед, влюбился. И, думаете, в кого? В эстрадную певицу Мальвину, знакомую вам по повестям «Рыжая из шоу бизнеса» и «Бегающая под дождём». Что же из этой сумасшедшей любви выйдет?

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

Известный писатель, поэт и сценарист Валерий Суржик потерял Надежду. Не на спасение своей грешной души, и не надежду получить Нобелевскую премию по литературе. Потерял любимую девушку по имени Надя. В столичном мегаполисе ежедневно теряются сотни людей. Пропадают пачками. Дети, старики, школьницы возраста набоковской Лолиты, склочные пенсионерки, демобилизованные солдаты, студентки элитарных вузов. Большинство из них через два-три дня находятся. Максимум через неделю. Но случается, исчезают и вовсе. Как в воздухе растворяются.

Суржик, по общему мнению, друзей и знакомых, похож на добродушного пингвина. Среднего роста, плотный, с огромным в пол-лица носом, лысоватый и с большими глазами, в уголках которых навечно поселились эдакие веселые чертики. С чувством юмора у него всегда был полный порядок. Оно не покидало его в самых безнадежных ситуациях. Именно чувство юмора, неиссякаемый оптимизм и бьющая гейзером энергия всегда привлекали к нему женщин и дружески располагали мужчин. Друзей у Валеры пол-Москвы. Бывших любовниц, чуть поменьше, но тоже предостаточно.

Надя – особая статья. Это любовь. С большой буквы. Подлинная, настоящая, какая бывает только раз в жизни. Большая любовь, как известно, большое несчастье. О ней мечтают многие, о ней болтают все, кому не лень, но выпадает далеко не каждому. Она свалилась на бедного Валеру, когда он меньше всего этого ожидал. Шел по улице и вдруг... на него свалилась груда

кирпичей, в полгрузовика, не меньше, с крыши прямо ему на голову. Естественно, погребла под собой, переломала кости и напроць выбила из его творческой головы все мысли. Остались только чувства. Извержение Везувия и ураган Торнадо в одном флаконе. «Флаконом», разумеется, была душа известного писателя, поэта и сценариста Валерия Суржика.

Все потому, что он просто увидел на улице необычную девушку.

Была суббота, начало лета, дачный день. Жара и сонная одурь безраздельно господствовали над полупустой столицей. Машин мало, прохожих еще меньше. Что неудивительно, все дружными рядами рванули на природу, к речкам и озерам. В худшем случае, на бульвары и в парки, к фонтанам и водоемам. Валера шел от Никитских ворот в сторону Садового кольца. Надо было встретиться в Доме литераторов со своим редактором, договориться об иллюстрациях для новой детской книги. Суржик хотел, чтоб новую книгу иллюстрировал Леня Чуприн, закадычный друг Валеры. Тот был не только художником, но прозаиком. Тонко чувствовал и умел это воплотить на бумаге. Казалось, ничто не предвещало никаких катаклизмов. И тут он увидел ее...

Она шла по той же Никитской улице навстречу ему... босая. Согласитесь, увидеть в самом центре Москвы эффектную рыжую девушку, прекрасно одетую, с прекрасной фигурой и совершенно без всякой обуви. Как-то это... не того. И глаза у нее были с некоторой сумасшедшинкой. На ходу рыжая красавица ела сливы.

Доставала их из целлофанового пакета, кидала в рот, косточки аккуратно выплевывала в ладошку, потом складывала в другой целлофановый пакет, что указывало на ее хорошее воспитание и внутреннюю интеллигентность. Другая плевалась бы прямо на тротуар. Суржик, как и все творческие натуры, был падок на все необычное, неординарное, из ряда вон. Кроме того, кого-то ему напоминала эта эффектная девушка. Где-то он ее видел, эту рыжеволосую красавицу, но где, когда? При каких обстоятельствах?

Судорожно сглотнув и переложив из правой руки в левую дипломат с рукописями, Валера мгновенно развернулся на сто восемьдесят градусов, пристроился к рыжей девушке и засеменял рядом. Своей незаурядной интуицией он почувствовал, если сейчас пройдет мимо, пройдет мимо своего счастья. Никак не меньше.

Еще классиками подмечено, внезапная любовь превращает человека в его полную противоположность. Трус становится храбрецом, жадный щедрым, остроумный превращается в туповатого зануду. Сам того, не замечая, естественно.

— Солнышко! Твои глаза, как два тумана! Полуулыбка, полуплачь! — обаятельно улыбаясь, затараторил Валера, — Черт, как там дальше? Забыл! Неважно. Сюрприз, есть сюрприз! И сюр, и приз одновременно. Кстати, первая женщина у меня была в тринадцать лет. Или даже в двенадцать. Могу поклясться на чем угодно. Хоть на Библии, хоть на Уголовном кодексе. Ты, солнышко, абсолютно ее копия.

Рыжая девушка никак не реагировала.

— Любовь, как ни верти, нечаянно нагрянет, когда ее уж совсем не ждешь! — продолжил Валера. И сам поморщился. Большой пошлости трудно было придумать. «Что это со мной!? Я потерял всякую квалификацию!», промелькнуло в голове. К счастью, Надя никак не реагировала и на этот раз. Может, просто не слышала.

Валера без остановки продолжал молотить подобные глупости, пытаясь, хотя бы, привлечь ее внимание. Надо заметить, в общении с женщинами Суржик собаку съел. Но в данном случае, все его обаяние и красноречие разбивались, как волны о скалы. Линия Маннергейма какая-то! Надя, хоть тресни, просто не замечала рядом Суржика. Только раз, взглянув, как на приставшую бездомную собаку, устало пробормотала:

— Отвали-и!

И Суржик в ту же секунду узнал! Мгновенно вспомнил, где он видел рыжеволосую красавицу! На сцене! Надя Соломатина! «Звездочка» шоу бизнеса! Сценический псевдоним — Мальва, Мальвина! В закулисье ее меж собой так и называли, «Мальва-Отвали!». Год назад от нее сходили с ума все тинейджерки от восьми до восемнадцати. Не отставали от фанаток и мужчины. Шофера, гаишники, МЧСовцы, военные, все поголовно, кто носил погоны, были влюблены в белокурую Мальвину. О ней писали газеты. Клипы с ее участием крутили по всем каналам ТВ. Она уверенно входила в двадцатку самых популярных звезд шоу бизнеса. «Недостижимый идеал!», шептали тинейджерки. «Рыжее солнышко!»,

улыбались умудренные опытом мужчины, поскольку знали, под блондинистым париком Мальва абсолютно рыжая. Еще год назад Надя была в центре всеобщего внимания. Потом какой-то скандал с продюсером. Кто-то там из окна прыгал. То ли кого-то выбросили, то ли кто-то сам выбросился. Что-то такое там было. Скандалное, громкое и очень мутное.

И еще Суржик вспомнил. Группа Мальвины год назад распалась, рассыпалась, как карточный домик. Продюсер скрылся, не заплатив ни музыкантам, ни солистке, ни многочисленным кредиторам. Ходили слухи, будто его выкрали кавказцы с целью получения огромного выкупа. Прямо какая-то детективная история. Журналисты, в то время как с ума посходили. Газеты требовали провести расследование и, почему-то отставки министра культуры. Швыдкой, разумеется, негодяй, как и все министры культуры, но в этой-то ситуации он был явно ни при чем.

Одно время Суржик довольно тесно общался с эстрадным миром. Писал для многих поп идолов тексты песен. Очень прилично зарабатывал. Потом плюнул, послал всех куда подальше и вернулся к написанию книг для детей. С этой эстрадой только свяжись, мигом потеряешь все таланты, какие имел. Мельпомена дама капризная, отвернет свой прелестный лик и потом, хоть головой об стенку бейся, ни строчки не родишь. И все-таки, его неудержимо тянуло в любое закулисье. Будь то театр, съемочная площадка или эстрадные подмости. Там он чувствовал себя, как рыба в воде.

— Почвотерапия, солнышко, разумеется, великая вещь! Никто не спорит! — продолжал наступление Валера, пристраиваясь к экс-звезде, то справа, то слева.

— Вопрос в том, доходят ли живительные токи ма-тушки-земли до твоих ступней, если учесть, их разделяет, как минимум, несколько слоев асфальта.... Метра полтора...

Надя молчала. Продолжала вкушать сливы. Валера чувствовал, что начинает попросту выдыхаться. Еще немного и замолчит. Страшнее этого, на первом этапе знакомства с женщиной, ничего нет и быть не может.

— Солнышко! Хочешь подавиться косточкой и умереть во цвете лет? — предпринял последнюю, довольно жалкую попытку Суржик. — Кстати, солнышко, косточки внутри слив, это от дьявола. И синильная кислота — еще не самое страшное...

— Недостаток витаминов, милый, — неожиданно пропела Надя, глядя мимо него, куда-то на другую сторону улицы. Голос ее, чуть хрипловатый, волнующий, всегда действовал на представителей сильного пола мобилизующе. Валерий Суржик, услышав ее голос, понял, что пропал. Окончательно и бесповоротно. Кроме того, она назвала его «милый». Суржик не мог знать, Надя всех представителей сильного пола, направо и налево, называет «милыми». И это ровным счетом ничего не значит. Оставалось крайнее средство. Нечто экстраординарное, из ряда вон. И Валера решился...

Надя, глядя сквозь него, словно он стеклянная витрина, двинулась дальше по улице, шлепая босыми ногами по теплomu асфальту, Суржик забежал чуть вперед,

громко вскрикнул и, схватившись за сердце, грохнулся на тротуар.

Шарахнулась в сторону молоденькая девушка с коляской. Ойкнула и перебежала на другую сторону толстая баба с объемистой сумкой в руках. Притормозила, но тут же помчалась дальше какая-то иномарка. На противоположной стороне улицы двое лохматых парней остановились и, переговариваясь, глазели на происходящее. Не доходя до лежащего Валеры двух шагов, Надя остановилась, огляделась по сторонам и негромко сказала своим знаменитым, чуть хрипловатым голосом:

— Вставай! Не верю!

Прямо Константин Сергеевич Станиславский в светло-бежевой юбке. Оглянулась по сторонам, проглотила еще одну сливу и добавила:

— Ты тоже участвуешь в заговоре против меня.

Валера Суржик, известный писатель и поэт, валялся на тротуаре Никитской улицы, как последний алкаш, бомж, в довольно нелепой позе. Раскинув руки в стороны, подмяв под себя, дипломат с рукописями, он лежал, как смертельно раненый воин на поле брани. Наверняка, именно в таких позах лежали павшие на Куликовом поле. Только черного воронья над головой не хватало. Кстати, Валера всегда очень прилично одевался. И со вкусом у него был полный порядок. Средства позволяли покупать красивые рубашки, брюки в дорогих магазинах, да и многочисленные друзья постоянно дарили на дни рождения, модные галстуки, запонки и все такое. Короче, распростертый на тротуаре в центре Москвы, в

двух шагах от Дома литераторов прилично одетый мужчина, вызывал, конечно, у редких прохожих желание помочь, они бросали на него озабоченные взгляды, но стоящая над ним эффектная босая девушка, равнодушно поглощающая сливы, всем своим видом удерживала любопытных от желания даже приблизиться. Такая сложилась ситуация. Впрочем, нет правил без исключений.

— Девушка! Как вам не стыдно! У юноши инфаркт...

Рядом с Надей остановились две старушки. Обе в старомодных шляпках, одна даже с зонтиком от солнца. Божьи одуванчики. Теперь такие почти перевелись. Еще совсем недавно их можно было парами-тройками встретить в любом из Арбатских переулков, на Тверском бульваре или в кондитерском отделе Елисеевского гастронома. Увы, те старые добрые времена давно канули в Лету.

— Инфаркт миокарда! — безапелляционно заявила первая.

— Обычная гипоксия! — вмешалась вторая.

— Как врач педиатр с тридцатилетним стажем, могу с полной ответственностью заявить, у этого несчастного юноши обширный инфаркт! — возмущенно продолжала первая. Кстати, «несчастному юноше» уже перевалило за сорок. Хотя, для божьих одуванчиков все, кто моложе шестидесяти, «молодые люди».

— Галочка! Ты ошибаешься! — настаивала вторая, с зонтиком от солнца. — Молодой человек просто слегка «подшофе». Плюс гипоксия.

— Не спорь со мной! Ты всегда споришь! У него явный инфаркт! А вам, девушка, должно быть стыдно. Нужно оказать пострадавшему первую помощь, а вы цинично лопаετε витамины.... Поражаюсь равнодушию нынешних детей!

— У молодого человека гипоксия! Ничего более.

— Не спорь со мной! Всегда споришь, потом выясняется, права я.

— Ярковыраженная гипоксия!

— А я говорю, инфаркт миокарда!

Старушки не на шутку завелись. Надя переводила свой равнодушный, отстраненный взгляд с одной старушки на другую и продолжала поглощать сливы. Как известно, безвыходных положений не бывает. Еще кто-то из великих ученых сказал: «Даже если вас съели, выход всегда есть!».

Выход нашелся, вернее, свершился самым непредсказуемым образом. Из соседнего переулка трусцой выбежал лохматый беспородный пес. Явно бездомный, коих сейчас расплодилось по всей столице в невероятных количествах. Они даже в метро умудряются кататься. Этот меньший хвостатый брат, уже пробежал было мимо, но неожиданно остановился и начал принюхиваться к лежавшему на тротуаре Суржику. Вернее, к его новым ботинкам. Далее произошло непредвиденное и непредсказуемое.... Лохматый меньший брат понюхал, понюхал новенькие ботинки Валеры, потом взял, да и задрал на них заднюю лапу. Что-то в этих ботинках ему не понравилось. То ли фасон, то ли покрой, то ли запах

кожи, кто их разберет, этих хвостатых. Надя выпучила глаза и, чуть не подавившись очередной сливовой косточкой, захохотала. Весело, беззаботно! Схватила за живот и, смеясь, раскачивалась из стороны в сторону.

На противоположной стороне Никитской улицы лохматые парни тоже заржали в полный голос, показывая на Суржика пальцами. Лохматый меньший брат, сделав свое дело, затрусил дальше, держась поближе к домам. Что оставалось бедному Валере в подобной ситуации? Он продолжал прикидываться древним, заросшим мхом, камнем. Недвижимым и абсолютно безучастным ко всему окружающему.

— Какой ужас!!! — дуэтом откомментировали старушки.

— Вставай, милый! — смеясь, сказала Надя. Когда смеялась, она слегка морщила нос, и в уголках ее глаз появлялись едва заметные морщинки, что делало ее лицо по-детски открытым и абсолютно беззащитным.

— Мы с тобой одного поля ягоды, милый, — добавила она.

Валера Суржик глубоко вздохнул, открыл один глаз, оценил окружающую обстановку. Потом рывком приподнялся на локтях, сел и, прищурившись, поглядывая на смеющуюся Надю, начал быстро расшнуровывать ботинки.

Старушки, божьи одуванчики, обменялись возмущенными взглядами и, поджав губы, довольно энергично засеменяли к храму у Никитских ворот. Надя продолжала весело смеяться, раскачиваясь из стороны в сторону, и лицо ее при этом выражало такую искрен-

нюю радость, что это дорогого стоило. Так смеются только очень добрые по натуре люди. В ее смехе Суржик не улавливал ничего, лично для себя обидного или оскорбительного. Прекрасно, когда молодая красивая девушка весело и громко смеется. Другое дело, двое лохматых дебилов на противоположной стороне улицы. Они хохотали, нарушая все мыслимые и немыслимые правила приличия. Явно нарывались. Сняв ботинки, заодно и носки, закатав штанины брюк до колен, Суржик поднялся на ноги и мрачно уставился на лохматых парней, стоявших на той стороне улицы.

— Мо-олча-а-ать щенки-и!!! — неожиданно рявкнул он во всю силу своих легких.

Стая голубей испуганно шарахнулась с карниза соседнего дома и, громко хлопая крыльями, полетела от греха подальше. Когда-то Суржик работал актером в детском театре. Свою творческую деятельность Валера начинал еще в Хабаровской филармонии, где играл Бабу Ягу в нескольких сказках сразу. Одновременно на трех площадках.

Ах, какая это была Баба Яга! Восторг, упоение! Верх злодейства и негодяйства. Дети, сидевшие в зрительных залах друг на дружке, до такой степени ненавидели Суржика, что не ограничивались яростными выкриками и гневными проклятиями. Швыряли в Валеру мандаринами, конфетами и недоеденными черствыми бутербродами из театрального буфета. Успевай, отворачивайся! Дело доходило и до трубочек, из которых особо меткие «стрелки» плевались на сцену кусочками изже-

ванной бумаги. Откусывали, само собой, от театральных программ.

— Мо-олча-а-ать щенки-и!!! — рявкал Суржик–Баба Яга на беснующийся от ненависти зал, битком, набитый детьми от пяти до пятнадцати. Ответом ему всегда было гневное улюлюканье, свист и прицельное метание самых разнообразных предметов питания. Короче, успех Суржика–Бабы Яги был оглушительным и постоянным. Ему даже вручили какую-то почетную грамоту от Горкома профсоюзов, за «лучшее исполнение отрицательного персонажа в детских сказках на площадках города Хабаровска».

— Мо-олча-а-ать щенки-и!!! — рявкнул Валера Суржик на двоих лохматых парней, стоявших на противоположной стороне тихой Никитской улицы.

И в приступе ярости запустил в них своими ботинками. Модные ботинки перелетели Никитскую улицу со свистом, как снаряды из гранатомета и, со шмяканьем, врезаясь в стену двухэтажного дома над головами парней, попадали за их спинами на противоположный тротуар. «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!». Дебильная парочка мгновенно заткнулась. Тут уж не до смеха! Даже через улицу они разглядели полное ярости лицо Суржика и почувствовали, с этим лучше не связываться.

С Валерой Суржигом, действительно, лучше не связываться. Ибо он грозен во гневе. В подобных ситуациях становился абсолютно неуправляемым. Мог ринуться один против пятерых здоровых громил, и те отступали

под его напором. Такое неоднократно случалось в его биографии, насыщенной дальними поездками по стране и самыми разнообразными творческими командировками. Ведь давно известно, побеждает не тот, кто сильнее, тот, кто яростнее. Кто способен, все поставить на карту. К хамам и дебилам Суржик был всегда беспощаден.

Он ступил на проезжую часть и, не глядя по сторонам, двинулся прямо на лохматых парней. Оглушительно взвизгнули тормозами и, чуть не задев известного писателя, испуганно вильнули в стороны сразу две автомашины. Он и бровью не повел. Остановился только на самой осевой линии, пропуская неуклюжий «Икарус». И парочка лохматых парней, нехотя, побрела в сторону метро. Валера Суржик стоял босой посреди проезжей части Никитской улицы и сверлил презрительным взглядом спины удаляющихся парней. Плотный, коренастый, лысоватый, эдакий гриб-боровичок, непонятно каким чудом выросший из асфальта посреди столичной улицы.

— Не связывайся, милый! — раздался за его спиной хрипловатый голос.

Суржик обернулся. Рядом стояла Надя. Протягивала ему забытый на тротуаре дипломат и улыбалась. Только теперь ее улыбка была какая-то другая. Так улыбаются много пережившие, перестрадавшие, подошедшие к роковой черте.

— Они недостойны и одного ботинка.

...Шли по самой середине Никитской улицы двое. ОН и ОНА. Держались за руки и о чем-то весело беззаботно болтали. Редкие прохожие и пассажиры из проезжающих мимо машин удивленно вскидывали брови. Иные даже вертели пальцами у виска. Впрочем, последние просто завидовали. ОН и ОНА топали босиком по асфальту, по самой осевой линии, при этом смотрели исключительно друг на друга. Такое увидишь только в ретроспективных фильмах шестидесятых годов. Не нужно быть особенно проницательным, чтоб понять. На обоих навалилось, (на него с большой силой!), то самое чувство, о котором втайне мечтают все, только выпадает оно далеко не каждому. Как награда, как испытание, как болезнь, как крест. Ходят слухи, судьба каждому посылает крест только такой тяжести, который тот в силах снести...

Четыре сумасшедших дня промелькнули как в тумане. На пятый день Надя исчезла. Ранним утром, на зыбкой грани сна и бодрствования, Валера протянул руку и ощутил пустоту. Нади рядом не было. Мгновенно проснулся, открыл глаза, прислушался. В его огромной квартире на Фрунзенской набережной стояла оглушительная тишина. За окном привычно и монотонно гудел поток машин. Он не прекращался уже ни днем, ни ночью. На секунду мелькнула мысль. «Она в душе! Или на кухне готовит завтрак!». Ни из кухни, ни из ванной не доносилось ни звука. Валера мгновенно вскочил на ноги, сна уже не было ни в одном глазу, будто и ложился вовсе. Натягивая старые джинсы, носки и любимую

футболку «Адидас», бегал глазами по комнате. Все вещи Нади – юбку, кофту, сумочку, пластиковый пакет как корова языком слизала. Только купленные им кроссовки аккуратно стояли около кресла. Именно они, такие же, как у него самого, напугали Суржика.... Как рекламные клипы по телевизору, в голове проносилось...

— Рады, что вы посетили наш магазин!

— Уверены, вы не пожалеете!

Таковыми словами встретили Суржика и Надю в магазине «Золушка» две симпатичные девушки. Обе в униформе, в белых блузках и юбочках, напоминающих скорее надбедренные повязки, нежели мини. Одна светленькая, другая темненькая. Обе вышколены по первому разряду. Даже нарисованными бровями не повели, увидев на пороге босую парочку. Улыбались, будто увидели старых добрых знакомых.

Обувных магазинов нынче развелось по Москве, как собак бездомных. Неизвестно, кого больше. Хотя, первое место, безусловно, держат магазины «Сантехника». Давно пора Кутузовский проспект, правительственную трассу, переименовать в проспект Унитазов. Куда только Лужков смотрит? Наверняка, катается на работу по другой трассе.

— Мы к вашим услугам!

— Что желаете?

— Счастья! — не моргнув глазом, ответил Суржик.

— В каком объеме? — на полном серьезе поинтересовалась светленькая.

Суржик вынул из дипломата бумажник, из бумажника кредитную карточку и, как бы между прочим, как веером обмахнул ею свое лицо. Якобы, очень жарко. Давно замечено, любая кредитка на продавщиц действует завораживающе. В самом деле, кто его знает, сколько у этого носатого мужика лежит на счете в банке.

— Кондиционер у нас исправен, — уверенно заявила темненькая.

— Мы обуем вас по высшему разряду! — брякнула светленькая, сама не поняв двусмысленности фразы.

— Не сомневаюсь, — кивнул Валера.

Девицы моментально усадили Суржика и Надю в центре магазинчика на довольно неудобные банкетки и закружили вокруг них бесконечный хоровод. Появлялись справа и слева с коробками обуви в руках. Обращались в основном к Суржику:

— У нас только эксклюзивная обувь!

— Поставки непосредственно из Парижа и Лондона!

— Вашей даме пойдут вот эти!

— А эти вы должны взять, если хотите выглядеть стильно!

Надя смеялась все громче, веселилась от души. Девицы продолжали почему-то осаждать только Суржика. Он вопросительно поглядывал на Надю, но она, смеясь, пожимала плечами. Потом Суржику все это надоело:

— Тащите кроссовки! Две пары! Ей и мне! И носки, носки, носки...

Через полчаса они вышли из «Золушки» в одинаковых кроссовках «Адидас», что выглядело, конечно, откровенным идиотизмом, но им было абсолютно наплевать на окружающих...

...Валера заглянул в ванную, зачем-то в свой кабинет, потом на кухню. Везде пусто. Опустился на стул и начал тупо смотреть на телефон. Минут двадцать сидел в оцепенении за кухонным столом и почему-то надеялся, сейчас, вот-вот, зазвонит телефон и Надя своим уже ставшим родным, чуть хриловатым голосом объяснит. К ней неожиданно приехала двоюродная тетя, пришлось срочно лететь к трем вокзалам. Не хотела будить, ты так крепко спал и все такое. Или еще какую-нибудь глупость из этого ряда.

Потом навалилось осознание, даже не осознание, нехорошее предчувствие, что это ВСЕ! Больше он никогда Надю не увидит. Судьба подарила четыре безумных счастливых дня, будь, благодарен и за такую малость. Она не могла пойти в магазин или парикмахерскую. Она ушла босая. Стало быть, она просто ушла. Насовсем, навсегда. От этого предчувствия непривычно заломило в груди. Валера заплакал. Потом несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, вдохнул и выдохнул.

Стиснул зубы, разделся и направился в душ. Стоя под тепловатыми струями, поймал себя на том, что даже не прислушивается к звукам в квартире. Как-то мгновенно Валера понял, она не позвонит, незачем и прислушиваться к телефонным звонкам. Кстати, никто в то раннее утро ему не звонил.

Валера Суржик начал судорожные, хаотичные поиски. Сначала сидел на кухне за столом, глотал крепкий чай и беспощадно дымил одной за другой сигаретами. Он и сам не заметил, как опять закурил! Ведь всего год назад бросил.

«Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Святая воля Твоя! На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня».

Теперь он пытался из обрывочных фраз, сказанных Надей, случайно брошенных реплик, составить хоть какое-то единое целое. Мозаика складывалась с трудом. Что конкретно он знает о ней? Практически ничего. Работала на эстраде солисткой группы «Мальвина». Это каждой дебильной фанатке известно. Дальше? Живет, кажется, где-то на Олимпийском проспекте. Господи-и! Он даже ее отчества не знает. Если что-то случилось, найти человека в многомиллионном мегаполисе практически невозможно. Надо срочно найти кого-нибудь их знакомых баб, знающих все обо всех. Валера засел за телефон. Номера один за другим отвечали длинными гудками. Все на дачах.

Суржик записал в блокнот несколько пунктов. Как в детстве, когда пытался себя дисциплинировать. Пункт первый, адрес Нади. Адрес и телефон. Пункт второй, заявление в милицию по месту ее жительства. В это мгновение Суржик ни на секунду не усомнился, просто необходимо написать заявление о пропаже. Он никогда не сталкивался с чем-либо подобным и был абсолютно

убежден, надо действовать сразу по всем направлениям. Раскинуть сеть на весь город, где-нибудь да проклюнется. Написав два пункта, Суржик на мгновение задумался. Потом потряс головой, шумно выдохнул и вычеркнул оба пункта из записной книжки. Опять взялся за телефон.

Наконец из всех знакомых ответила Ирка Агранат. Она сидела дома с маленьким ребенком. Ее мать, Полина Агранат, популярный фотокорреспондент не пропускала ни одной модной тусовки, ежедневно докладывала дочери обо всем. Кто, что, где, когда. Ирка всегда была в курсе всех новостей, событий и сплетен.

Даже не поздоровавшись, Суржик начал:

— Это Суржик! Где живет Мальвина, Надя Соломатина?

Ирка ничуть не удивилась. Она вообще не умела удивляться.

— На Олимпийском проспекте. В одном доме с Игорем Кио. Номера дома не знаю, квартиры тоже.

— Где это?

— Дом рядом с ювелирным магазином. Зачем тебе?

— А телефон?

— Тем более, не знаю. Зачем она тебе?

— Олимпийский, это где, в Крылатском?

— Совсем сбрендил! Между Самотекой и Суцевским валом. Зачем тебе Мальва?

Ирка просто разрывалась на части от любопытства. Валера еще раз уточнил адрес и записал его в свою книжку.

— Хочешь писать для нее? Дурачок! Она давно слетела со сцены. Пустой номер.

— Вернусь, перезвонюсь, доложусь! — ответил Суржик. И бросил трубку на рычаг. Уже через минуту, успев прихватить дипломат, хотя в нем были только рукописи и несколько экземпляров детских книг, и брать его не было никакой необходимости, просто годами выработанная привычка, пригладив хилые волосы на лысине, Валера выбежал из квартиры. Пока ждал лифт, несколько успокоился, решил по возможности не гнать коней. Интуиция подсказывала, поиски займут не один день.

Валера бесконечно доверял своей интуиции. Она вела его по жизни, как собака поводырь. И никогда не подводила. Удерживала от необдуманных поступков, подсказывала необычные, яркие ходы в прозе или в сценариях, не раз даже спасала от смерти. В буквальном смысле слова. Теперь она подсказывала ему, надо запастись терпением. Мысленно он почему-то всегда называл свою интуицию – «Машей». Но не высокомерно, не фамильярно или амикошонски, «Эй, Машка!», отнюдь нет. Скорее нежно и ласково – «Машенька!». И она отвечала ему взаимностью, никогда не подводила. На стоянке перед домом Валера отключил сигнализацию своего замызганного «Форда», бросил дипломат на заднее сиденье и вставил ключ в замок зажигания.

«И ты не подводи меня, старик! В ближайшие дни ты мне просто необходим!» — пробормотал Суржик. Он и со своими машинами всегда разговаривал. Правда, исключительно вслух. Вполголоса, но вслух. С «Ма-

шенькой» мысленно, с железными конями вслух. Сейчас у Суржика были две машины. «Нива» и «Форд».

Водил Суржик безобразно. Особенно, если рядом сидела какая-нибудь женщина. Выворачивал, поворачивал, где хотел, и плевать ему было на все знаки и указатели. Но гаишники его любили. По крайней мере, половина из них знали Суржика в лицо. Для них он был постоянной статьей дохода. На штрафы Валера тратил сумасшедшие деньги. Друзья-приятели только головами покачивали. Правда, зарабатывал Суржик вдесятеро больше. С бешеной энергией хватался за любую работу. Переводы с киргизского народных сказок, тексты песен для эстрады, сценарий о нелегких судьбах строителей очередного газопровода, красочная предвыборная биография очередного бизнесмена с уголовным прошлым.... Он брался за все. Многие презирали его за всеядность, еще большее число коллег по цеху откровенно завидовали. Все потому, что Суржик умудрялся находить время и для подлинного творчества. Его детские сказки и стихи для самых маленьких искрились талантливыми находками. Короче, Суржик фантастически много, (по писательским меркам!), зарабатывал. И еще больше тратил. Постоянно был кому-то должен. Кстати, очень многие должны были и ему. Валера постоянно путался: кто должен ему, кому должен он. Случалось, забегал в Дом литераторов и, вручив сумму очередному приятелю, очень удивлялся и весело хохотал, когда узнавал, должны ему, а вовсе не он. Словом, Фигаро здесь, Фигаро там. Суржик здесь, Суржик там. Он уже

много лет вертелся, как белка в колесе и конца края этому темпераментному забегу не было видно. Так было до того момента, когда он увидел Надю...

Поворачивая под эстакадой с Садового кольца налево на Олимпийский проспект, Суржик успел разглядеть на горизонте тонкую линию грозовых облаков. Уже которое утро темный, со вспышками далеких молний фронт грозовых облаков плотным кольцом окружал столицу. К полудню темное кольцо густело, угрожающе темнело и пугало жителей далекими раскатами грома. Но обычно к вечеру, так и уронив на разгоряченный асфальт ни капли, кольцо грозовых облаков как-то само собой рассасывалось, рассеивалось и исчезало вовсе. Чтоб завтра с утра вновь появиться на горизонте над мегаполисом. Жара в столице с каждым днем только усиливалась.

К кооперативному дому на Олимпийском проспекте Суржик подкатил, когда одна половина его обитателей явно еще спала, другая уже отчалила на работу или службу. «Форд» оставил прямо у подъезда. На его счастье код не работал. Входи, кто хочешь, ломай двери, грабь квартиры, выноси ценности. Дальше тупик. На каком этаже живет Надя, в какой квартире? Не будешь же обзванивать подряд все шестнадцать этажей всех подъездов. В этот день Валере везло. Распахнулись двери лифта, на площадку выскочил спаниель, за ним на поводке пышная дама в домашнем цветастом халате. С не зажженной сигаретой в зубах. Суржик среагировал мгновенно.

— Девушка, прошу! — обаятельно, как мог, улыбнулся Валера. И предупредительно щелкнул зажигалкой.

Пышная особа в цветастом халате несколько секунд испытующе сверлила Суржика пронзительным взглядом маленьких, как у поросенка глаз. Явно хотела обхамить. Потом, видимо, желание затянуться с утра первой сигаретой после чашки кофе взяло верх. Она прикурила и, небрежно кивнув, направилась к выходу. Спаниель уже нетерпеливо скулил у двери подъезда.

— Девушка! Не подскажите, в какой квартире живет Соломатина?

— Кто такая? — уже открыв дверь на улицу, спросила дама.

— Ну... она работала на эстраде, пела.... — на всякий случай неопределенно начал Суржик. — Рыжая такая.

— Зачем она тебе?

— Долг вернуть забыла. Сама исчезла куда-то, — мгновенно сымпровизировал Суржик. Кожей почувствовал, в данном случае, лучше соврать что-то привычное, понятное любому и каждому.

— Плакали твои баксы, — усмехнулась дама. — Такие долги не возвращают.

— В какой она квартире?

— Седьмой этаж. Дверь зеленой кожей обита. Номера не помню.

— Благодарен по гроб! — искренне выдал Суржик. И даже в знак признательности приложил руку к груди.

— Не живет она там больше. Уехала! — со злобной усмешкой добавила пышная дама. И не оборачиваясь, вышла на улицу. Со двора донесся залиvistый лай спаниеля. Пышнотелая спустила хвостатого с поводка.

Суржик поднялся на седьмой этаж, увидел четыре двери и нажал на кнопку звонка зеленой двери. Его сердце почему-то билось, как после забега на стометровку. Из-за двери не доносилось ни звука. Валера стоял и целеустремленно давил на эту проклятую кнопку, словно хотел окончательно вдавить ее в стену.

Наконец за дверью послышалось шлепанье тапочек по паркету. Потом несколько секунд опять тишина. Валеру рассматривали в глазок. Потом дверь распахнулась и перед Суржиком предстала заспанная девица в одной ночной рубашке. Глаза мутные, явно вчера крепко напозволялась. Она зевнула, прикрывая рот сразу обеими руками.

— А-а... это ты! Проходи! — изрекла девица и, кивнув, прошлепала в комнату.

Валера на мгновение удивился масштабам своей популярности. Конечно, он пару раз выступал на ТВ в детских передачах, многие знали его в лицо, его знаменитый нос в литературных кругах давно уже стал причиной во языцах.

— Показался нос Суржика! — говорил обычно кто-нибудь из заштатных остряков Дома литераторов, сидя в нижнем буфете за рюмкой.

— Скоро и сам объявится!

Не такой же степени он был популярен. На улицах пока не узнавали, автографов не просили. До Эдика Ус-

пенского с его «Чубурашкой» или до какого-нибудь Гришки Остера ему было еще плыть и плыть. Хотя, в данном случае, отказываться от приглашения было глупо. Валера вошел в комнату вслед за девицей.

В однокомнатной квартире царил дикий кавардак. Возникало устойчивое ощущение, буквально все вещи не на своих местах. Даже мебель. Даже люстра под толчком.

— Садись! — вяло приказала девица, кивнув на кресло.

Суржик сел в кресло, дипломат положил на колени. Девица, со стоном опустилась на незастеленную тахту, прямо напротив кресла и начала бесцеремонно разглядывать Валеру, словно он диковинное животное, сбегавшее из зоопарка. Валера молчал, осматривался. Перепутать адрес он не мог. В таких делах Суржик не допускал ошибок. Но никаких следов пребывания «звезды» шоу бизнеса не обнаруживал. Ни ярких афиш на стенах, ни фотографий за стеклом единственного книжного шкафа, ничего.

— Ну! Доставай! — мотнув головой, приказала девица.

— Что? — не понял Суржик.

— Я должна сначала посмотреть, как считаешь? — в свою очередь, спросила девица. При этом хохотнула. Дело принимало игривый, но нешуточный оборот.

— Баксы, баксы! — усмехнулась девица. — А ты что подумал?

— Где Надя? — напрямик спросил Суржик.

— Кто? — нахмурившись, спросила девица.

— Надя. Надежда Соломатина. Это ее квартира?

— Ну!

«Баранки гну!» — чуть было не брякнул Суржик. Его уже начинала раздражать туповатая заспанная девица. Но он сдержался.

— Где она? — спокойно, нейтральным тоном поинтересовался он.

— Кто? — опять нахмурившись, пыталась понять девица. Было видно, мыслительный процесс давался ей с чудовищным трудом.

«Дед Пихто!» — промелькнуло в голове у Суржика, но вслух он сказал:

— Надя! Надя Соломатина!

— Я почему знаю, — изумилась девица. — Ты вообще-то, кто?

«Конь в пальто!» — уныло подумал Валера.

— Ты, это... ты, Вадик? — пыталась встать на рельсы реалистического восприятия мира девица. Это ей явно никак не удавалось.

— Нет, я не Вадик. Валерий! Валерий Суржик.

— Значит, ты... не клиент?

— Нет! — отрезал Суржик.

— Тогда, это... что ты тут делаешь?

— Мне нужна хозяйка квартиры. Надя Соломатина. Мальвина-а! — почти по складам, как ребенку начал втолковывать Суржик.

— Мальвина-а! — понимающе кивнула девица. И добавила. — У тебя пиво есть?

— С утра пить, здоровью вредить! Где Надя?

— Так тебе это... Надька нужна? Соломатина? — наконец-то сообразила девица. — Так нету ее.

— А где она?

— Надька-то? — в тысячный раз переспросила девица. И удивленно добавила. — Умотала за границу. Мне квартиру сдала, сама умотала. На три года.

— Когда-а!? — шепотом спросил Суржик.

— Когда, когда... — наморщила лоб девица. — Как мне сдала, так и умотала. Какие-то гастроли у нее. Год назад это было.

— Когда ты ее в последний раз видела!? — чуть не заорал Суржик.

— На фига мне ее видеть? — удивилась девица. — Я ей вперед за два года заплатила. Она баксы взяла, ключи отдала, свои шмотки упаковала и чава-кавава! Год назад это было. С тех пор и не виделись.

— А ты сама-то, кто? — глупо спросил Суржик.

— Конь в пальто! — хмыкнула девица. И добавила, с некоторой гордостью. — Путана я. Тебя это напрягает?

— Мне по барабану! Мне Надя нужна!

— Ты тупой, да? — раздраженно заявила девица. — Сказано тебе, умотала она. За границу. Год назад, как умотала. Я думала, ты... клиент. С утра приспичило.

Валера поднялся с кресла и пошел к двери.

— Извини, что разбудил. Если Надя вдруг объявится...

— Чего ей здесь делать? — в очередной раз удивилась заспанная девица. — Квартира уже не ее. Она ее продала. С отсрочкой, — бормотала она, провожая Суржика.

— С отсрочкой, это как? — приоткрыв дверь, спросил Суржик.

— Как-как. Деньги Надька уже получила и все документы оформила. На ту, на другую. С условием, что та вступит во владение собственностью через год. Пока здесь я...

Валера не стал вникать в юридические тонкости. Он понял одно. Нади здесь нет.

Выйдя из подъезда, Суржик сел за руль, достал записную книжку и принялся ее листать. Друзей-приятелей у Валеры было пол-Москвы. Где-то был телефон одного парня с таможенного терминала в Шереметьево. Сотовым телефоном Суржик пользовался только в исключительных случаях. Почему-то не любил эти игрушки. Ходят слухи, они облучают наши бедные головы отнюдь не безобидными лучами. Сейчас был тот исключительный случай. Набирая номер, Валера мысленно молил Бога, чтоб Андрей Фунтов оказался на службе. Ему повело и на этот раз. Андрей взял трубку сразу.

— Фунтов слушает!

— Андрей, привет! Это Суржик! Приглашаю на ужин в Дом литераторов.

— Что нужно?

— Так, пустяк. Будь другом, окажи маленькую услугу. Узнай там у своих, когда и куда уехала или улетела Надежда Соломатина.

— Кто такая? — удивился в трубке Андрей.

— Звезда эстрады! Мальва! Мальвина! Надя Соломатина! Очень надо. Просто позарез.

— Ты что, пьяный? — еще больше удивился Андрей. — Моя контора не располагает такой информацией.

— Андрей! Не морочь голову! — продолжал напирать Суржик. — У вас там на каждом столе компьютеры. Все обо всех знаете. Кто, когда, куда выехал. Пустяк.

В трубке некоторое время слышалось только легкое пощелкивание.

— Диктуй данные. Фамилия, имя, отчество, год рождения, номер заграничного паспорта и все такое. Попробую, но не ручаюсь. У нас подобных данных нет.

— Запроси через компьютер у соседей. Вы же все друг друга знаете!

— Давай данные.

— Надежда Соломатина. Приблизительно двадцать два, двадцать три. Это все!

— Легко живете, поэты-писатели. Как у вас все просто.

— На том стоим. И стоять будем. Вечно! — пробурчал Суржик.

— Ты хоть отчество ее знаешь?

— Нет.

— Ладно, не отключайся. Учти, с тебя ужин на четыре персоны.

В трубке опять послышалось легкое потрескивание. Ждать пришлось несколько минут. Суржик успел выкурить подряд две сигареты. Очевидно, за это время на счет Суржика набежала фантастическая сумма. Но он никогда не жалел денег. В этой ситуации, тем более. Наконец Фунтов взял трубку.

— Есть две Соломатины. Одна Владимировна, сорок первого года рождения...

— Не моя! — поморщился Суржик.

— Вторая Игоревна, тридцать шестого года рождения. Подходит?

— Значит... ты в этом уверен? — задумчиво пробормотал Валера.

— В текущем году твоя Надежда Соломатина границы Российской Федерации не пересекала! — жестким официальным тоном сказал Андрей и отключился. Явно в тот момент рядом с ним был кто-то из посторонних. Фраза звучала как строка из приговора Верховного суда. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Но он внушал надежду в ближайшее время найти Надю.

2

Суржик уже собирался сунуть ключ в замок зажигания, как у него вдруг, уже в который раз (!), дико заболела голова. Виски стиснуло раскаленным обручем, а затылок налился свинцом. Подобные приступы начались около года назад. Совладать с ними можно было только абсолютным покоем. Никакие таблетки не помогали. Валера осторожно откинул голову на подголовник и, тяжело дыша, застыл в неподвижности. Надя, Надя.... Она единственная, кто могла помочь. За четыре дня, проведенных вместе, она дважды ухитрялась какими-то пассами вокруг его головы снять эту дикую боль.

Неожиданно опять, как вязкий болотный туман, наплыло воспоминание...

Под утро они лежали на широкой кровати, укрытые только простынями. Оба не спали. Спальню заливал нервный неоновый свет от фонарей с набережной.

— О чем молчишь? — вполголоса спросила она.

— Так... ни о чем, — вздохнул Суржик.

И вдруг его прорвало. Уже долгие годы он ни с кем не говорил откровенно, не делился тем, что в действительности волновало, что тревожило и в глубине души даже страшило. Бесконечные общения с друзьями-приятелями, редакторами, режиссерами и просто шапочно знакомыми – не в счет.

— Как жизнь? Все отлично?

— Все тип-топ.

Новые сплетни, новые анекдоты, якобы, новые идеи, которые из года в год оставались все теми же, пересказами старого, много раз слышанного, уже навязшего на зубах. Все это, все эти поверхностные общения, контакты, встречи на бегу очень выматывали к концу дня, наполняли душу каким-то мутным студнем, от которого можно было избавиться только долгим глубоким сном или хорошей порцией спиртного. По душам, откровенно, до доньшка Суржик не говорил ни с кем уже много лет. Рядом с Надей он вдруг ощутил упоительное чувство свободы, когда можешь высказать что угодно, все, что думаешь на самом деле, не боясь показаться глупым, слабым или несостоятельным.

Суржик резко сел и, глядя прямо перед собой куда-то в стену, проговорил:

— Понимаешь... я боюсь! У меня идиотский характер. Мне нужно постоянно преодолевать свой страх. Ес-

ли вокруг нет ничего такого, я сам, искусственно создаю ситуацию риска, чтоб довести конфликт до идиотизма, а потом преодолеть страх.

— Чего ты боишься сейчас?

— Многого. Очень многого.

— Надо же... — в темноте усмехнулась Надя. Лица ее Суржик не видел, не поворачивался, но был уверен, что она именно усмехнулась. При этом явно слегка покачала головой. — Ты не производишь впечатления испуганного человека. Ты самый бесстрашный мужчина из всех, кого я знаю. Чего ты боишься конкретно?

— Утром боюсь, что не смогу больше написать ни строчки. Вечером грабителей и убийц, которые могут, походя отнять жизнь у меня или у тебя. Или у обоих вместе. Или у моего сына. Постоянно боюсь нищеты и старости...

— Старость тебе не угрожает, — попыталась пошутить она.

— Да, да... — горько усмехнулся Валера, — Знаю. Я буду жить вечно. Боюсь сильных мира сего. Богатых и сытых. Боюсь сказать, что... люблю тебя... потому, что боюсь сглазить. Люди злы и завистливы. Всегда завидуют тому, чего лишены сами. Хочешь, открою секрет?

Суржик резко повернулся, схватил Надю за плечи, приподнял с подушки. Теперь они сидели напротив друг друга почти в полной темноте. Под утро все фонари на набережной всегда отключали. Он видел только очертания лица, да едва заметный блеск ее глаз. Крепко держал ее за плечи и взволнованно говорил:

— Каждому человеку отпущена не одна, а три жизни. Понимаешь, солнышко? Целых три! Работяги! Бездельника! И мистификатора, шарлатана! Было время, я вкалывал как никто другой, и даже находил в этом радость и удовлетворение, понимаешь? Получил несколько литературных премий, признание и все такое. Потом только развлекался, лентяйничал и жил свое удовольствие. Сейчас я — ни то, ни другое. Я — имитатор, понимаешь? Вожу всех за нос. Выдаю себя за то, чем не являюсь в действительности. Мельпомена отвернулась от меня. Боюсь, что навсегда. За последние полгода я не написал ни строчки. Это наказание. Это проклятие! И я его заслужил! Нельзя одновременно хапать, хапать и заниматься творчеством. Сейчас я всех обманываю!

...Через десять лет Суржик «родит» забавного поросенка по имени «Вершок». На радость детям, на зависть коллегам. Его, яркие, красочно оформленные книжки, как и раньше, начнут расходиться огромными тиражами по всей стране. Молодые мамы будут вырывать его книжки из рук своих детей, чтобы первыми узнать про все новые и новые приключения Вершка. Малыши в детских садах поголовно забудут человеческую речь и станут общаться друг с другом исключительно: «Хрю-хрю? Хрю-хрю!». Чем приведут в смятение многочисленных дедушек и бабушек. Суржик даже начнет издавать новый иллюстрированный журнал для детей, который так и будет называться, «Вершок». Коротко и выразительно. Но все это потом, а пока...

— Мельпомена отвернулась от меня! — понизив голос, говорил Валера, — Когда-то я хорошо начинал.

Подал надежды. Сейчас просто-напросто зашибаю деньгу. Многие не замечают, многие уже догадываются...

— Ты наговариваешь на себя. Не верю, что все так...

— Так, солнышко. Именно так. И не иначе. Я самый заурядный аферист, мошенник. Раньше таких окунали в бочку с дегтем, и валяли в перьях. А потом гнали через город под свист и улюлюканье толпы...

— Попробуй еще раз.... Начни все сначала...

— Не могу, солнышко. Стоит только сесть за стол и сосредоточиться, тут же начинает дико болеть голова. Организм сопротивляется, понимаешь? Все, я исчерпал себя. Был да весь вышел.... Вот, вот и сейчас.... Извини, солнышко!

Суржик отпустил ее плечи, стиснул ладонями себе виски.

— Даже сейчас, стоит только подумать о работе, голова начинает болеть с такой силой, что... не передать словами. Того гляди, пополам треснет. Ощущение, будто в затылке просверлили отверстие и залили туда кипящее масло. Знаешь, на котором жарят эти гнусные пончики. Не подумай, потому что выпил. Я вообще не пью. Вот только с тобой. Да и то, разве мы много выпили? Извини.... Даже языком ворочать трудно.

— Хочешь, я тебя вылечу? — вдруг каким-то странным голосом сказала Надя. — Я могу снять твою головную боль. Это очень просто. Сядь, вот так.... Повернись спиной.... Не бойся, это совсем не страшно...

Суржик нехотя повернулся в сторону окна. Он категорически не верил во все эти привороты, навороты,

шаманство всех мастей. Надя пристроилась у него за спиной.

— Опusti руки. Закрой глаза и постарайся думать о чем-нибудь... совсем постороннем, приятном, радостном...

— Кроме тебя, в моем положении нет ничего приятного и радостного... — мрачно пробормотал Суржик.

— Вспомни свое детство... — шепотом настаивала Надя.

— Тем более. Нищее, голодное детство. Мать копейки считала, отец пил...

— Тогда просто считай. Один, два, три.... Закрой глаза и считай.

Если бы кто-то неожиданно вошел в спальню и зажег свет, он бы увидел....

ОН сидел в неестественной позе на кровати, опустив ноги на пол, зажмурившись, словно ожидая удара сзади и напряженно ждал. ОНА сидела за его спиной на кровати на коленях и осторожно держала одну ладонь над его лбом, другую над затылком. Их фигуры, почти обнаженные, лишь слегка прикрытые простынями, напоминали какую-то скульптурную, языческую культовую композицию. Взгляд ее при этом был жестким, решительным и в то же время бесстрастным. ОНА будто смотрела куда-то далеко-далеко вперед. Поверх его головы, сквозь стены за линию горизонта...

И чудовищная головная боль, которая последнее время мешала ему жить, работать, думать, даже дышать, неожиданно отступила. Надя откинулась на спину, осторожно подложила себе под голову подушку и за-

стыла в неподвижности. Суржик осторожно повертел головой вправо-влево, не болит. Потом, решившись, как собака после купания, резко потряс ею и замер в ожидании. Боль не возвращалась, куда-то улетучилась, испарилась.

— Потрясающе! — прошептал Валера, пытаюсь в темноте разглядеть выражение ее лица. — Как ты это делаешь?

— Не знаю, — уставшим голосом отозвалась Надя.

— Большие деньги можно зарабатывать!

— Отвали! — прошептала Надя.

— Нет, все-таки! Как ты это делаешь?

— Получается как-то... само собой. Хотела забрать твою боль себе.... Словами трудно объяснить...

— Ну, а все же... — настаивал Суржик. — В чудеса я не верю!

Он потянулся через лежащую поперек кровати Надю к тумбочке, хотел зажечь настольную лампу, специально приспособленную, чтобы читать лежа.

— Не зажигай свет, милый! — сказала Надя глухим голосом. И добавила. — Хочу отдохнуть, я очень устала. Не против, если я немного посплю?

Валера наклонился над ее лицом, хотел поправить прядь рыжих волос, но, увидев, что она уже крепко-крепко спит, передумал. Долго неподвижно сидел рядом...

...Как-то только головная боль чуть отпустила, Суржик завел двигатель и выехал на Олимпийский проспект. Повернул направо, на перекрестке свернул на Трифоновскую улицу. Проехав мимо бензозаправки и

маленькой церквушки на пригорке, свернул во двор дома и заглушил двигатель. За детской площадкой, сквозь зелень кустов, проглядывало двухэтажное кирпичное здание с вывеской «19 отделение милиции».

— Вас приветствует Союз писателей! — энергичным голосом провозгласил Суржик, распахнув без стука дверь комнаты, номер восемь. Улыбаясь, раскрыл дипломат и шлепнул на стол перед молодым парнем в штатском свою книжку «Отважный муравей». Это был коронный финт Суржика. Действовал он безотказно.

Валера уселся на стул напротив хозяина комнаты, непроизвольно повернул голову налево и чуть не вздрогнул. На стене рядом с вешалкой висел яркий красочный плакат. Прямо на Суржика с него смотрела Надя. Мальва, Мальвина, «звездочка» шоу бизнеса прошлых сезонов. Она, раскинув руки в стороны, весело смеялась. Будто кричала: «Я люблю вас всех, люди-и!!!». Валера перевел взгляд с плаката на сидящего за столом парня в штатском. Тот, слегка нахмурившись, листал детскую книгу Суржика.

— Что нужно Союзу писателей от нашего отдела? — не поднимая глаз от книги, спросил парень. Его широкое скуластое лицо не выражало ровным счетом ничего.

«Да, скифы мы! Да, азиаты! С раскосыми и жадными очами!» — непроизвольно пронеслось в голове у Валеры.

— Потеряли свои творческие замыслы? — усмехнулся парень. Поднял на Валеру раскосые глаза и спросил, кивнул на книгу. — Вы автор?

— Разумеется.

— Сами написали? — спросил он.

— Давайте подпишу на память.

— Кто у вас потерялся? Мать, отец, дочь, сын? — равнодушным тоном задавал вопросы «азиат», пока Суржик расписывался шариковой ручкой на титульном листе.

— Она! — кивнул Валера на плакат.

«Азиат» в штатском долго смотрел на плакат, потом перевел взгляд на Суржика. Лицо его по-прежнему не выражало никаких эмоций.

— Мальва? — уточнил он.

— Вы ее знаете? — в свою очередь спросил Валера.

— Кто ж ее не знает? — очень удивился «азиат». Даже чуть расширил щелочки своих глаз. — Лично не знаком, конечно, к сожалению... У нас весь отдел, все наше подразделение ее поклонники. Она вам кто?

— Невеста, — непроизвольно вырвалось у Суржика.

— Давно пропала?

— Сегодня утром. Вернее, ночью. Вышла из квартиры на улицу босая, без всякой обуви... И больше не вернулась. С ней что-то случилось. Не могла она просто так...

— Босая? — изумился «Азиат». Потом резко нахмурился. — Так. Давайте по порядку. Где это произошло, как, когда, в котором часу?

— У меня. На Фрунзенской набережной. Мы были там. Где-то около...

— Фрунзенская набережная, не наш район, — уточнил «азиат».

— Заявления о пропаже принимают по месту жительства пропавшего...

— По месту регистрации, — опять уточнил «азиат».

— Регистрация, прописка... — поморщился Валера.
— Что в лоб, что по лбу!

— Гражданин может быть зарегистрирован по одному адресу, в действительности проживать по другому адресу...

— Хрен редьки не слаще! Мальва прописана по Олимпийскому проспекту. Я правильно понимаю ситуацию?

«Азиат» молча кивнул. Посмотрел на плакат и спросил:

— Хотите объявить ее в розыск?

— Разумеется.

— По закону должно пройти более трех суток.

— Плевать на ваши законы! — разозлился Суржик.
— Речь идет о жизни человека. Не могла она просто так, взять и исчезнуть.... Что-то случилось...

— Может, телевидение подключить? Очень эффективно. У вас есть связи на телевидении? Обычно достаточно одного объявления.

— Нам подобная реклама ни к чему! — жестко ответил Суржик.

«Азиат» равнодушно пожал плечами. Мол, хозяин — барин.

— Босая... — задумчиво протянул он. — Может, за ней кто-то подъехал на машине. Позвонил по мобильнику. Она спустилась, села в машину и... будь здоров!

— Никаких звонков не было!

— Почему она ушла босая? — подозрительно спросил «азиат».

— В чем пришла, в том и ушла! — раздраженно заявил Суржик.

Полтора часа Валера уламывал «азиата» принять заявление. Потомок Чингиз-хана был непоколебим. Бубнил, как заезженная пластинка: «По закону через трое суток!». Хоть стулом его по голове бей. Суржик давил так и эдак. Грозил карами небесными, заискивал, сулил немислимые блага от Союза писателей, вплоть до бесплатных путевок в Переделкино от Литфонда. Как об стенку горох. Растопил лед сурового сердца «азиата» обед из трех блюд. На четыре персоны для всего отдела. Суржик случайно вспомнил уборщицу, с которой столкнулся в дверях отделения. Она выносила в большой коробке множество знакомых упаковок.

На полуслове он выскочил из кабинета, пулей слетал в соседний магазин «Продукты». Через десять минут выкладывал на стол перед изумленным «азиатом»: четыре лапши «Доширак», четыре банки пива «Балтика», четыре салата «Оливье», четыре пакета сока «Наш сад», четыре батона «Столичный», четыре пачки печенья «Юбилейное»... Словом, в четверг четвертого числа, четыре черненьких, чумазеньких...

«Азиат» в штатском сломался. Обозревая изобилие на своем столе, дал честное благородное слово, сего-

дня же отправить ориентировку на Надю во все соответствующие подразделения и службы. И даже пообещал приложить ксерокопию с ее плаката. Поистине, путь к сердцу мужчины, будь он хоть негром преклонных годов, хоть другом степей, лежит через его желудок.

А ранним утром следующего дня Валера Суржик чуть не заработал инфаркт. Или инсульт. Или что там еще бывает от внезапно навалившегося нервного стресса. Где-то около семи раздался телефонный звонок. Резкий, злобный. Или так только показалось? Голос в трубке был ровным, почти механическим:

— Валерий Владимирович Сульгин? Из морга номер семнадцать беспокоят.

— Суржик! Моя фамилия, Суржик, — сразу осипшим голосом ответил Валера.

— Извините. У меня написано, Сульгин. Вы подавали заявление?

— Да.

— Приезжайте на опознание. Коптевский тупик, дом восемь, корпус два. Вход с обратной стороны. Паспорт не забудьте захватить.

— Чей... паспорт? — похолодев от ужаса, спросил Валера.

На том конце провода уже отсоединились.

Ближайший друг Суржика, художник и прозаик Лёня Чуприн лежал дома в гипсе. Само собой, не весь, частично. Точнее, в гипсе была только левая нога. Неделю назад ранним утром выгуливал своего красавца

«дворянского» происхождения Челкаша на Головинских прудах. Ступил на глиняный участок, еще влажный от росы, и в ту же секунду оказался лежащим на спине кверху ногами. В левой ноге, где-то в самом низу, что-то довольно громко хрустнуло, как сухарик в пасти Челкаша. И дикая боль волнами начала пульсировать по всему телу. От ноги к голове, от ноги к голове...

— Меньше по бабам будешь шляться! — сказал бы Суржик, если б увидел в эту минуту лежащего на берегу пруда Леню, который морщился от боли и потирал ногу.

Лохматый меньший брат Челкаш воспринял падение Чуприна, как очередную забавную игру. Начал на него напрыгивать с веселым лаем, хватать зубами за рукава туристической куртки. Они частенько устраивали с хозяином забеги наперегонки по берегу пруда, взаимные засады в кустах и внезапные нападения с угрожающими рычаниями и борьбой до победного конца. В этот раз хозяин повел себя странно. Пару раз пытался встать самостоятельно, но тут же со стоном опять валился на бок. Потом осторожно садился, потирал ладонями ногу и морщился. Челкаш понял, дело плохо. Начал призывно и возмущенно лаять, оглядываясь по сторонам. Чем еще-то он мог помочь?

Представить себе Леонида Чуприна предельно просто. Кто не знает кумира восьмилетних актера театра и кино Олега Янковского? Так вот, Леня Чуприн и Олег Янковский один тип. Только у Леонида лицо помужественнее, да и ростом он чуть повыше Янковского. В остальном, один в один. Разумеется, при виде того и другого, девочки падали. Можно было укладывать шта-

белями и складировать. Леонид с Олегом никогда не встречались. Хоть и проживали оба в столице нашей Родины. Были и еще некоторые различия. Один актер, другой художник иллюстратор и писатель-прозаик. Дома на книжной полке у Леонида уже несколько сборников рассказов теснятся. Вообще, иметь две профессии удобно. Если друзья-приятели выказывали недовольство его иллюстрациями, был ответ:

— Я писатель, прозаик.

Если кто-то, прочтя последний сборник рассказов Чуприна, вываливал на голову автора ведро критических замечаний, и тут ответ наготове:

— Я художник, иллюстратор.

Справедливости ради стоит заметить, Леня лукавил. Его проза, и его иллюстрации всегда были на хорошем профессиональном уровне. Талантами Бог не обидел. Давно замечено, если Господь награждает талантами, то сразу несколькими. Там, на небесах, социальной справедливостью и не пахнет.

Суржик с Чуприным познакомился, когда Леня иллюстрировал его сборник стихов для детей «Отважный муравей». Книжка получилась. За ней последовала «По секрету всему свету...». Потом еще одна, и еще... Короче, подружились. Надолго, если не навсегда. Более противоположных индивидуумов трудно представить. Даже внешне они разительно контрастировали. Худой, высокий, чуть сутулящийся Леонид и плотный, коренастый, гриб-боровичок Валерий. Суржик всегда быстр, остроумен и находчив. Готов, как в омут с головой, кинуться в любую авантюру. Все потерять и в сотый раз начать сна-

чала. Чуприн лиричен, склонен к размышлениям и обобщениям. Предпочитает пять раз отмерить, один раз ошибиться. Суржик человек действия, Чуприн человек раздумий. Обоих любили женщины. Всех мастей, калибров, возрастов и оттенков. Тут уж ничего не попишешь. Они потому и подружились, что не чувствовали друг в друге конкурентов. У обоих комплексов на этот счет не было ни малейших. Оба уже были женаты и оба благополучно развелись. У обоих дети. У Суржика сын, у Чуприна дочь. Оба в возрасте сорок с небольшим гаком, чувствовали себя юношами «второй свежести». Открылось второе дыхание. Поскольку оба холерики, наверняка, у обоих будет третье дыхание, четвертое....

Лохматый Челкаш продолжал громко и возмущенно лаять на всю округу. Чуприн делал попытки встать и, каждый раз со стоном, опять валился на бок. Редкие прохожие, издали, завидев валяющегося на земле парня, отворачивались и обходили стороной, не желая с утра связываться с пьяным. Да еще с собакой.

Выручила попавшую в беду парочку, проходившая мимо девушка с детской коляской. Она набрала на своем сотовом номер Суржика и подробно растолковала, где именно, в каком месте у Головинских прудов валяется в беспомощности его ближайший друг Леонид Чуприн. Суржик примчался на своей «Ниве» через полчаса. С Кронштадтского бульвара свернул прямо на газон и, не разбирая дороги, через клумбы, детские песочницы и тропинки, направил машину прямо к Головинскому пруду. Истинные друзья познаются в случае перелома какой-нибудь ноги.

— Какая нога? — спросил он, вылезая из машины.

— Левая-а... — простонал Чуприн.

— Это хорошо, — кивнул Суржик. — Стало быть, одной левой больше работать не будешь.

В их кругу выражение, «работать одной левой», означало верх небрежения к профессии. Халтуру, одним словом. Уровень, ниже плинтуса.

— Чего разлегся? — продолжил Суржик, оглядываясь по сторонам. — Вставай давай, вставай!

— Не могу, — жалко усмехнулся Леня. И виновато пожал плечами.

— Появись сейчас какая-нибудь красивая баба, мигом бы вскочил! — злорадно усмехнулся Валера. — Знаю я тебя. Сам такой.

— Никакие мне не нужны. Ни красавицы, ни уродины! — простонал Леня. — Мне в больницу нужно.

Суржик нагнулся к лежащему Чуприну, закинул его правую руку себе на плечо и легко поднял с земли. Когда-то Валера занимался сразу несколькими видами спорта. Во всех умудрился добиться заметных результатов. В том числе, в занятиях тяжелой атлетикой. Поднять с земли худого Леню Чуприна ему не составило труда.

Он доволлок друга до «Нивы», не без трудностей, (мешала левая нога!), усадил на переднее сидение. Запихнул Челкаша на заднее и, утерев пот со лба, уселся за руль.

— Где у вас тут ближайший травмопункт? — спросил он.

— Думаешь, я каждый день ноги ломаю? — прикрыв глаза, сквозь зубы, пробормотал Леонид. На него

уже волнами накатывал озноб. Явный признак перелома.

— Вперед! И горе Королеве! — выкрикнул Суржик фразу явно из какой-то пьесы и, сняв с ручного тормоза машину, нажал на газ.

В травмопункте на Фестивальной улице было не пробиться. Старики, старушки и молодежь всех мастей сидели и стояли вдоль длинного коридора. Дверь единственного кабинета периодически со скрипом раскрывалась, оттуда, хромя, выползал очередной пациент. Было впечатление, в Ленинградском районе в разгар лета идут боевые действия. Что в таком случае творится здесь осенью и зимой во время гололеда? Об этом лучше не задумываться. Суржик потолкался пару минут среди переломанных и покалеченных, искал кабинет Главного врача. Когда уяснил, Главный врач обитает совсем в другом здании, на другой улице, вернулся к «Ниве». Ждать своей очереди можно было до Второго пришествия. Ждать Суржик не любил, не тот характер.

Лучший друг Леня Чуприн полулежал на переднем сидении и тихо постанывал. Челкаш на заднем сидении в унисон тихо поскуливал. Под аккомпанемент дуэта несчастных Валера рванул, ни много, ни мало, в медицинскую академию им. Фурманова. Благо она находилась рядом, всего в двух кварталах от Головинских прудов.

Перед центральными воротами, естественно, стояла внушительная охрана. Двое солдат, оба зачем-то с автоматами. Две зеленые бумажки с портретами аме-

риканского президента оказались победительнее «Калашниковых».

Суржик долго мотался по коридорам, этажам и лестницам. Пока не нарвался на рослого седого старика с белом халате. На его мужественном лице красовался нос, раза в два больше Суржиковского. Да еще с горбинкой. Что навевало какое-то древнегреческое строение. Подобные мужественные лица не оставляют равнодушным ни одно женское сердце. Валера сразу почувствовал, это тот человек, который нужен.

— Союз писателей приветствует Вас! — энергично доложил он, вытянувшись перед стариком по струнке.

Старик с мужественным лицом и огромным носом несколько секунд пристально смотрел в глаза Суржику. Потом неожиданно гаркнул:

— Сми-ирна-а!!!

Мгновенно вспомнив все солдатские привычки, Суржик замер. И начал, как и положено, по Уставу, пожимать начальство глазами. Седой старик был явно из главных начальников. Если не самый Главный. Он еще несколько секунд сверлил глазами наглую физиономию Суржика, потом скомандовал:

— Круго-о-ом!!!

Валера, естественно, повернулся, сказался инстинкт. Но не на сто восемьдесят градусов, а на все триста шестьдесят. Оказался вновь нос к носу с седым стариком.

— Из палаты-ы... интенсивной тер-рапии... пошел во-он!!! — рявкнул старик.

Знал бы Валера Суржик, что ему отдает команды не кто-нибудь, сам Вениамин Ильич Котельников, главный хирург всея медицинской Академии им. Фурманова, легендарная личность, спасший жизни многих сотен, если не тысяч солдат и офицеров. О нем впору книги писать и снимать художественные фильмы. Помчался бы к своей «Ниве», достал из бардачка диктофон и записывал каждое слово грозного старика в белом халате. Но ничего этого Валера не знал. Потому и не подумал подчиняться приказам. Наглость, говорят, города берет. Что там, какие-то медицинские Академии. Продолжая пожирать Главного старика глазами, Валера скороговоркой доложил последнему о свалившемся на его друга несчастье. Услышав слово «друг», грозный старик в белом халате слегка смягчился. Очевидно, это слово для него многое значило.

— В приемное отделение! К Наташе! — приказал он. И четко повернувшись, держа спину, как на параде на Красной площади, удалился в бесконечность коридора.

Потом Суржик возил Чуприна в кресле-каталке по длинным коридорам. Сначала в приемное отделение, где пожилая женщина с красивым усталым лицом, впоследствии оказавшаяся лучшим хирургом Академии, сама закатала левую штанину брюк до колена, вымыла уже опухшую ногу несчастному страдальцу в тазу холодной водой, ощупала со всех сторон и отправила на рентген. Покатили в противоположный конец коридора. Суржик все норовил вскочить сзади на кресло и прокатиться, как рикша в трущобах Гонконга. Почему-то не

получалось. Кресло-каталка теряла управление и задевала большими колесами то правую стену, то левую.

— Э-э-эх!!! Прокачу-у!!! — хохотал Суржик, врезаясь на полном ходу в какой-нибудь очередной стул.

— Не идиотничай! — морщился Чуприн от боли и неудобства за друга. — Веди себя прилично! Нас сюда пустили из милости.

После рентгена опять в приемное отделение, где та же женщина с красивым усталым лицом, долго рассматривала снимок, моментально доставленный медсестрой.

— Жить будет? — поинтересовался Валера.

— Вообще-то лучше ее просто отрезать... — задумчиво сказала она.

— Я тоже так считаю! — радостно поддержал ее Суржик. — Ведь сразу, какая экономия. На ботинках, на носках. На мыле и шампунях всяких.

— Не кощунствуй! — отозвался Леонид.

— Так уж и быть. Оставим! — отложив снимок, сказала женщина. И добавила, обращаясь к Леониду. — Снимайте штаны.

— Мне выйти? — деликатно поинтересовался Суржик.

— Выйди! — не моргнув глазом, ответила женщина с красивым лицом. — Постой в коридоре. На шухере. Если кто пойдет, стукни в дверь три раза. Вот так. Та, та, та!

— На чем постоять? — уточнил Суржик.

— На чем сможешь, на том и постой! — невозмутимо ответила она. Почему-то Суржика она называла «на ты», Леонида исключительно «на вы».

— Жаль, я не в вашем вкусе! — вздохнул Валера. — Между прочим, мы оба очень серьезные люди. Писатели, — добавил он, открывая дверь в коридор.

— Я так и подумала, — отозвалась женщина с красивым и усталым лицом. — Оба писатели. Документалисты. Любовные романы пишете.

Она замесила в миске на столе какую-то белую, как тесто массу. Потом очень ловко обмотала ногу Леонида бинтами и облепила со всех сторон этой самой массой.

— Вот! Очень симпатично получилось, — сказала она, отмывая руки в умывальнике. — Костыли можете купить в любой аптеке. Они вам будут очень к лицу. Через шесть недель, ко мне! Эй, там! На шухере-е! — повысила она голос. Голос у нее тоже был очень красивым. Низковатый, чуть с хрипотцой. Курила, наверное, много.

В двери моментально возникла физиономия Суржика.

— Выметайтесь! Оба! — распорядилась женщина с красивым и усталым лицом.

На Кронштадтском бульваре Леонид проживал один на третьем этаже в трехкомнатной квартире. С Челкашем. После смерти матери изредка приводил женщин, но мысль, жениться на одной из них, даже не залетала в его творческую голову.

Подкатив на «Ниве» к самым дверям подъезда, Валера с превеликими трудами и осторожностями из-

влек друга из машины, почти на себе поволок к лифту. Из дверей кабины вышла молодая женщина с грудным ребенком на руках. Вслед за ней какой-то бородатый тип с двумя огромными клетчатыми сумками. В таких челноки возят товары. Темные очки закрывали почти пол-лица бородача. Челкаш повилял им хвостом.

— Господи! Что с тобой, Леня! — воскликнула женщина.

— Все нормально! — поморщился Чуприн. — Не бери в голову. Мелочи жизни.

— Если что нужно, ты звони. Постирать, погладить...

С трудом, но все-таки разошлись в узком пространстве перед лифтом. Бородатый мужик в темных очках не проронил ни слова. Пока затаскивал в кабину Чуприна, Челкаша, нажимал на кнопки, (лифт до третьего ходил, только если сначала нажать на пятый, а потом спуститься!), Суржик судорожно пытался вспомнить. Где он видел этого бородатого типа? Так и не вспомнив, обратился к Леониду:

— Соседи?

— Наталья! — кивнул Чуприн. — Где-то на эстраде работает. То ли гримершей, то ли в реквизите. Родила недавно.

Суржик понимающе кивнул, но ощущение, что где-то они пересекались с этим бородатым мужиком, не оставляло. Так бывает, пока не вспомнишь, где видел человека, будешь мучаться, не спать ночами. Лифт, гремя всеми шестеренками, тросами и подшипниками, медленно, но верно пополз наверх.

Выйдя из подъезда, Игорь Дергун, бывший продюсер скандальной группы «Мальвина», год назад бежавший ото всех и от всего, скрывающийся под фамилией своей новой жены Натальи Кочетовой, подошел к скромным «Жигулям» четвертой модели, уложил увесистые сумки в багажник, повернулся к женщине с ребенком. Поцеловал, сначала грудного младенца, потом женщину.

— Будь осторожен! — сказала она.

— Не волнуйся, Натали!

— Береги себя!

— Я не мальчик! Все будет хорошо!

Дергун еще раз поцеловал Наталью, сел в машину и медленно отъехал от дома. Наталья некоторое время смотрела вслед машине и махала рукой. Потом направилась в сторону Головинских прудов.

Расположились друзья на узкой кухне. После смерти Ольги Петровны трехкомнатная квартира как-то мгновенно обрела нежилой вид. Цветы, как по сигналу, завяли, занавески выцвели и пожухли, даже черное пианино, когда-то взятое матерью в кредит, расстроилось. Клавиши западали, струны чудовищно фальшивили. Выйдя на пенсию, Ольга Петровна по самоучителю разучила «Полонез» Огинского, вечерами, «для настроения», вдохновенно исполняла это произведение. Леонид терпеть не мог этот самый «Полонез» Огинского. Когда слышал по радио, морщился и выключал приемник.

Леня Чуприн работал и спал только в большой комнате. Тут тебе и кабинет с большим удобным сто-

лом, и спальня с тахтой в полкомнаты. На столе пишущая машинка, две лампы, горы книг и рукописей. Что еще нужно писателю-прозаику? В дальнюю комнату, где когда-то обитала мать, старался поменьше заходить. Вообще, твердо решил в ближайшее время продать эту квартиру, купить меньшую. Разницу положить на счет в банк и жить на проценты.

Суржик резал колбасу, кромсал на куски непокорный сыр, откупоривал шпроты и бутылки с вином. Чуприн, вытянув ногу в гипсе на середину кухни, задумчиво курил. Челкаш бдительно следил за манипуляциями Суржика.

— Блистательный мультфильм недавно повторяли по телевизору. Я его раньше и не видел! «Ежик в тумане»! Класс! Я даже откровенно позавидовал, чего за мной не водится,... — сказал Валера.

— Ну! — недоверчиво буркнул Леонид. Это была его обычная манера. Ко всему относиться настороженно. На всякий случай. — В чем там дело?

— Симпатичный такой ежик... заблудился в тумане...

— Глупость! — мгновенно отреагировал Леонид.

— Топают по поляне, дорогу домой найти не может.... — продолжал Суржик, кромсая колбасу. — Встречает белую лошадь.... А она яблоки хрумкает...

— Лошадь тоже заблудилась?

Леонид из принципиальных соображений не смотрел телевизор. Считал, этот поганый ящик только отвлекает от восприятия подлинной, реальной жизни. Кстати, он у него и не работал. Был давным-давно сломан.

— Погоди! Не перебивай! Со вкусом так хрумкает...

— Глупость! — мрачно настаивал Леонид.

— Ты дослушай сначала!

— Ежик не может заблудиться.

— Заткнись, говорю! И послушай!

— У ежика, между прочим, прекрасное обоняние.

— Это сказка! Талантливая сказка-а!

— Зрение плохое, обоняние отличное, — стоял на своем Чуприн, — Ежик всегда дорогу домой найдет, по запахам. Почитай Брэма!

— При чем тут Брэм!? — начал заводиться Суржик.

— Примитив! Это сказка!

— Сказка должна основываться на правде.

— Засунь себе свою правду... куда лучи солнца не достают! — окончательно разозлился Суржик. И даже шваркнул на стол полотенце, которым вытирал нож.

— Твой ежик, форменная глупость! На чем вы детей воспитываете? На лжи!?

— Сказка ложь, да в ней намек! Не нами сказано!

— Почитай Брэма! Если ты писатель, должен писать только правду!

— На кой хрен тебе Господь Бог фантазию дал, в таком случае!? — повысил голос Суржик.

— Она мне и не нужна, между прочим. Я пишу правду.

— Тебя послушать, Андерсен, Линдгрэн, Экзюпери, все были дураками? Не говоря уж о Пушкине и Гоголе.

— Андерсена оставь в покое. Он был великим писателем. Философом. И писал совсем не для детей. Я о другом говорю!

— Если закольцевался на правде, пиши очерки в газеты!

— Ладно, все! С тобой борщ не сваришь!!!

— А с тобой даже компота!!!

В таком духе закадычные друзья пререкались постоянно. Черное — белое. Зеленое — синее. Если один говорил «да!», разумеется, другой утверждал, «нет!». Случалось, оба заводились всерьез и не разговаривали несколько недель, не перезванивались. Но когда встречались, чаще всего в Доме литераторов, все начиналось сначала.

— Все! Заткнись! Сняли тему!

Суржик налил до краев красного вина в граненые стаканы, один пододвинул Чуприну.

— Давай помянем Ольгу Петровну! Светлой души человеком была.

— Да-а... — задумчиво кивнул Леонид. — Неисправимая оптимистка.

— Молча! Не чокаясь! — провозгласил Суржик.

Друзья выпили, закусили бутербродами. Леонид кинул в пасть Челкашу внушительный кусок докторской. Тот, не разжевывая, проглотил, продолжал сверлить хозяина требовательным немигающим взглядом.

«Дождусь я когда-нибудь говяжьих сарделек или нет?» — думал лохматый меньший брат Челкаш.

— Слушай, Ленечка, скажи откровенно! В прошлый раз мы так и не прояснили этот вопрос... — прищурившись, начал Суржик. — Все-таки, какие женщины лучше? Умные или француженки?

В их кругу «француженками» именовали девушек определенного сорта. Хи-хи, ха-ха, бантики-фантики, трусики-кружавчики... Клинических идиотов, одним словом.

— Некорректная постановка вопроса, — отозвался Леня.

— А все-таки! Ты-то сам, как считаешь?

— Разумеется, умные. Нет вопроса. Умной достаточно сказать: «Дорогая! Твой второй довод не кажется мне убедительным!». И можешь полтора часа отдыхать. Она сама все расскажет, объяснит, растолкует. Теза, антитеза, синтез и все такое. А дурочку ведь постоянно развлекать надо. У кого это? У Вишневого, кажется... «Милая! Да та еще и собеседник!?».

— Тупой ты человек! — сокрушенно покачал головой Суржик. — Так ничего и не понял в жизни. Главное у женщины — задница.

— Не спорю, но...

— Я, почему в свое время на Верке-то женился? Лицо, душа, все потом. Я ее в Хабаровском книжном издательстве увидел. В обтягивающей желтой юбке. Цвет такой, знаешь, вырви глаз! И все... с концами!

— Она и сейчас ничего. В форме.

— Ты давно ее видел?

— Года два.

— Пять, Ленечка! Пять! — растопырив пятерню перед лицом Чуприна, взволнованно говорил Валера. — Годы, увы, бегут!

Поздно ночью друзья сидели за столом и негромко пели:

— «Когда проходит молодость...

Длиннее ночи кажутся...»

Два мужских низких голоса старательно выводили слова некогда очень популярной песни. Кстати, оба довольно неплохо пели. Как уже неоднократно отмечалось классиками, если человек одарен, то одарен разнообразно. Все окна и дверь на лоджию были распахнуты настежь, отдельные фразы выплывали из квартиры, кружились над ночным двором, над припаркованными машинами и тусклыми фонарями на столбах.

— «Что не сбылось, то сбудется...

А сбудется – забудется...»

Лохматый Челкаш изредка влаивал с тахты, на которой всегда располагался с большим комфортом. Леонид бросал ему одно печенье и хвостатый на время замолкал. У Челкаша было свое собственное мнение и по поводу женщин, и по поводу пения песен. Если бы спросили, он бы мог много чего порассказать. Но его не спрашивали.

— «Когда проходит молодость...

Еще сильнее любится...»

Над сонным Кронштадтским бульваром, над Головинскими прудами, над ракушками и беседками плыла старомодная песня из репертуара Леонида Утесова. Бритые наголо подростки, тусующиеся в беседках, услышав отдельные слова, презрительно и снисходительно кривили губы. Пожилые, те, кому не спалось в эту жаркую, душную ночь, выходили на балконы и лоджии, курили, рассеянно хмурились.

До встречи Суржика с Надей Соломатиной оставалось три дня.

Два дня Суржик как на работу приезжал к Леониду на Кронштадтский бульвар. Утром выгуливал Челкаша и набивал холодильник друга продуктами. Вечером чаще всего заезжал просто так, посидеть, потрепаться. На третий день Валера исчез.

Чуприн, уже привыкший к опеке друга, каждый час ковылял на костылях в коридор к телефону и набирал номер Суржика. Без толку. Длинные гудки навевали нехорошие мысли. Только к вечеру по телефону от одного общего приятеля Леонид узнал веселенькую новость. Суржика видели около Дома литераторов с какой-то эффектной рыжеволосой девицей. Оба, почему-то босяком, топали по середине Никитской улицы и были чрезвычайно довольны.

«Валера спятил!» — подумал Леонид. «Влюбился или был крепко выпивши». Что, понимании Чуприна, было равнозначным. Сам он, после развода с Валентиной, пребывал в убеждении — никогда, ни при каких обстоятельствах, никого, даже под наркозом — не полюбит. К такому категорическому выводу привели его ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы.

3

Полдня Леонид Чуприн сочинял объявление. Одним пальцем распечатывал его через копирку на «Эрике». Получилось очень даже симпатично. «Срочно продается трехкомнатная квартира. Чистая, светлая. Ремонт не требуется!». Подумал, подпечатал адрес и телефон.

Потом и цену в долларах указал, которую намеревался получить за квартиру. Мысленно он всю уже распределил, как и на что ее с толком потратить. Что было роковой ошибкой. Леонид, как и большинство творческих натур, в бытовых вопросах был крайне самоуверенным человеком.

Знал бы сорокатрехлетний писатель и художник, – в какие дикие джунгли он бесстрашно вступает голым и босым, какие ему предстоят испытания, порвал бы, к чертовой бабушке, все объявления и занялся чем-нибудь менее безопасным. Написал бы пару рассказов, нарисовал бы три новых картины. Или наоборот. Две картины и три рассказа. А продажу квартиры поручил бы какому-нибудь солидному Агенству. Но природное упрямство — доминирующая черта писателя и художника Лени Чуприна. Если что вбил себе в голову, колом не вышибить.

Он свистнул в распахнутое окно знакомых мальчишек. Через минуту те, шумной ватагой ввалились в квартиру. Леонид вручил каждому по пять объявлений и пообещал провести в Дом литераторов на новый американский боевик. Плюс — прокатить по Москве-реке на своем катере. Его он уже начал строить в гараже своими собственными руками. Такая у него была мечта детства. Построить собственными руками белый катер и поплыть на нем.... Неудачное падение на берегу Головинских прудов внесло некоторые коррективы в сроки строительства.

Судя по всему, мальчишки добросовестно выполнили поручение. За час расклеили объявления по всему

микрорайону. От метро «Водный стадион» вдоль всего Кронштадтского бульвара на каждом столбе красовалась бумажка, напечатанная на портативной «Эрике». Результат не замедлил сказаться. На голову, вернее, на уши бедного писателя обрушился вал телефонных звонков. Поначалу Леня обрадовался, всем подряд расписывал достоинства квартиры. После второго десятка звонков, слегка насторожился. Но всерьез не задумался. Звонили одни и те же голоса. Чаще других, два мужских и один женский. Явно криминальные личности. Или просто болтливые одинокие люди, которым не с кем поговорить. Леонид потихоньку начал звереть.

Уже через день толпой пошли покупатели. Чуприн не успевал отвечать на звонки и ковылять к входной двери. К вечеру третьего дня начал направо и налево отказывать. Иных даже на порог не пускал. Он считал себя неплохим физиономистом и отличным психологом, потому решил ни за какие деньги не связываться с посредниками и прочими проходимцами.

Хорошо хоть соседка Наталья выручала! Вызвалась заодно со своим ребенком каждое утро выгуливать и Челкаша. Попутно и в «Универсам» заходила. Так что холодильник Чуприна не пустовал. Ему самому было бы не под силу. На костылях каждый день по магазинам немного наковыляешь.

На пятый день с утра во входную дверь раздался требовательный звонок. Челкаш радостно залаял у двери и застучал хвостом по стенам узкого коридора. Так он приветствовал только хороших знакомых. Или тех, в ком чувствовал хорошего человека. Леонид добрался

до двери, даже не заглянув в глазок, щелкнул замком и отступил чуть в сторону. Был в полной уверенности, это соседка Наталья. Или наконец-то появился совсем пропащий Суржик. Но это была не Наталья. И уж тем более, не Суржик...

За три минуты до этого Татьяна Котова припарковав свою «девятку» у подъезда дома, заглушила двигатель, чуть наклонила зеркальце заднего вида и начала внимательно разглядывать свое отражение. Что о такой особе можно сказать? Если непредвзято и объективно. Татьяна любила поразмышлять о себе в третьем лице. Ближайшая подруга, врач психотерапевт, Рита Попович просто за голову схватилась, когда узнала, что Татьяна чуть ли не каждый день думает о самой себе в третьем лице.

— Это же первый признак! Ты — моя пациентка!

Татьяна только отмахнулась. У Ритки Попович все подруги и знакомые – носители каких-либо психических заболеваний. Одни психопатии, другие шизофрении, третьи параноидальных психозов. Послушать ее, все должны выстроиться парами и рядами, колоннами маршировать в Кащенко. На себя бы посмотрела. Смолит одну за другой сигареты, а у самой руки трясутся, как у алкоголички.

Итак! ОНА звалась – Татьяна! Что о такой можно сказать? Безусловно, красивая женщина с черными, как смоль волосами. Безусловно, красива. Жаль, фигура подвела. Зато, кожа. Такой коже позавидуют даже малолетки. И глаза. Большие, выразительные. Разговаривает, чаще всего, довольно жестким командным тоном.

Сказываются гены. Отец был военным, в больших чинах. Иногда в ЕЕ голосе проскальзывают певучие нотки, что сразу выдает в ней уроженку юга. ЕЕ грубоватая манера, конечно же, скрывает наивную романтическую душу. ОНА расчетлива, практична. Но никогда не станет, (увы!), по-настоящему ни богатой, ни обеспеченной. Природная вспыльчивость, (опять же, увы!), в мгновение ока рушит все ее тщательно продуманные планы. ОНА ведь и сама, (бедняжка!), страдает от этого, но больше всего перепадает окружающим, подвернувшимся под руку.

Короче, Татьяна Котова самой себе очень даже нравилась. На других наплевать...

...Леонид, придерживая рукой костыль, отступил чуть в сторону. И удивленно вскинул брови. Поскольку это была не соседка Наталья. И уж тем более не Суржик.

В распахнутую дверь стремительно вошла полная, черноволосая женщина лет тридцати. С большими выразительными глазами. Несмотря на жару, одета она была во все черное, но легкое. Черная кофта, черная юбка. Диссонировал с ее обликом только вызывающе яркий шарф на шее.

Не обратив ни на Леонида, ни на Челкаша, ни малейшего внимания, даже не взглянув на них, она прямо с порога начала внимательно и подробно осматривать квартиру. Трогала руками косяки дверей, щупала обои, заглядывала буквально в каждую дырку. Ее туфли на высоких каблуках, как метроном застучали по всей квартире. Челкаш, почему-то радостно виляя хвостом,

сопровождал ее почетным эскортом. С восторгом принюхивался к ее черной сумке.

«Хорошая женщина!» — думал лохматый Челкаш. «Наверняка, хорошо готовит. И кошками от нее не пахнет. Только духами и слегка бензином. В сумке у нее в пакете связка говяжьих сарделек».

— Предатель! — презрительно пробормотал Чуприн. И заковылял на костылях вслед за женщиной, бодрым тоном давая подробные пояснения:

— Квартира отличная. Все друзья завидуют. Теплая, светлая.... Большая комната двадцать или даже двадцать два. Кухня около десяти. Большая лоджия. Кстати, очень хорошие соседи, как на подбор. Вся лестничная площадка — тихие, сплошь интеллигентные люди. Большой плюс.

Тут Чуприн явно подзагнул. Соседи справа и слева, все поголовно, были пьянь зеленая. Квасили с утра до вечера. И с вечера до следующего утра. Но знать это новым жильцам, вовсе не обязательно. Все мы не ангелы, рассудил он. Кстати, одна из повестей Леонида так и называлась, «Все мы не ангелы».

— И потом, всего третий этаж, — продолжал Леонид. — Лично я, терпеть не могу все, что выше четвертого. Вдруг лифт сломается или еще какая-нибудь хвороба...

— Например, нога, — проходя мимо Леонида, буркнула черноволосая.

— Между прочим, у меня до черта предложений. Выбор есть. Но, честно говоря, я еще не решил. Для меня главное, чтоб квартира попала в хорошие руки...

Выходя из кухни, черноволосая в коридоре остановилась прямо напротив Леонида. Они впервые встретились глазами.

«Красивая баба!» — пронеслось в голове Чуприна. «Правда, несколько полновата. И со вкусом у нее... не очень!».

— Не соответствует! — жестко сказала женщина.

— Что? — не понял Леонид.

— Квартира — объявлению, — пояснила она. — Вы написали, все удобства, солнечная, светлая...

— Разве не так?

— Разумеется, не так!

— Что «не так»? — почему-то сходу начал раздражаться Чуприн. Вроде, никаких особых оснований и не было. Так как-то. Бывает, встречаются люди с одинаковыми зарядами. Оба «плюс» или оба «минус». И мгновенно начинается конфликт. Оба и сами не понимают, в чем дело, но уже готовы друг другу глаза выцарапать. Короче, личностям с одноименными зарядами лучше не сталкиваться. Большинству населения стоит особые значки на одежде носить. Плюс или минус.

— Да, все не так, как в объявлении! — командирским тоном объявила черноволосая женщина. — Кухня маленькая. Пять с половиной. Паркет вспучился. Так бы и писали, требует ремонта.

И не дожидаясь ответа, она направилась в дальнюю комнату. Леонид за ней не последовал. Повисив голос, продолжал давать пояснения на расстоянии:

— Не хоромы, конечно. Зато, лоджия, какая! Блеск! На велосипеде гонять можно. У вас дети есть?

— Лоджия стандартная! — выходя из дальней комнаты, заявила женщина.

— Зато прекрасный вид из окон. Обратили внимание?

Черноволокная покивала головой. Несколько раз.

— Гаражи. Одни крыши. Зелени совсем нет. Значит, окон не оторвать. Вся гарь, копоть, шум — напрямик в квартиру.

— Если ветер в эту сторону...

В узком коридоре они опять оказались напротив друг друга. Совсем близко. Леонид даже ощутил запах ее духов. Какой-то французский вариант. Несколько секунд они внимательно смотрели друг другу в глаза. И оба молчали.

— Судя по всему, вы звонили вчера вечером....

Черноволокная молча кивнула.

— Мы это... раньше нигде не пересекались? Ощущение, будто где-то виделись... Странно.... По телефону у вас голос просто девичий...

— Ага! — опять кивнула она. — Юный. Через два «Н».

— Не понял!

Черноволокная не ответила, резко повернулась и скрылась в ванной. Леонид заковылял в свою комнату, со вздохом опустился в кресло у письменного стола, костыли прислонил рядом. Из ванной послышался плеск воды, невнятный, что-то бормочущий голос.

— Эй! — повысил голос Леонид. — Вы часом не мыться у меня собрались?

Женщина вышла из ванной, вытирая руки платочком. Остановилась в дверях его «кабинета», продолжала цепким взглядом осматривать все вокруг.

— В ванной оба крана текут.

— Сильней закручивать надо, — усмехнулся Леня.

— В коридоре по углам обои отходят. Сами клеили?

— Друзья помогли, — улыбнулся Леонид. — Я человек компанейский. Только свисну, набегает куча друзей...

— Представляю, — нахмурилась черноволосая. — Вы, кажется, литератор?

— Писатель, — скромно ответил Леня.

— Классик?

— Почему «классик»? — изумился Чуприн. — Я пока в своем уме.

— Был у меня один... литератор, — неопределенно ответила она. — Так сразу и брякнул — я классик советской литературы...

— Как фамилия? Может, кто-то из моих приятелей?

— Не помню. У нас не заладилось.

— Понимаю, — улыбнулся он. — Писатели народ капризный. По себе знаю.

Продолжая улыбаться, Леонид начал основательно оценивающе осматривать черноволосую с ног до головы. Как породистую лошадь. Она удивленно вскинула брови.

— Потолки сколько? — спросила она.

— Два восемьдесят! — быстро ответил он.

Женщина с сомнением покачала головой.

- Два... сорок. От силы.
- Два восемьдесят пять!
- Два сорок! — настаивала она.
- Я говорю, два восемьдесят пять!
- Сами измеряли?

— Зачем измерять? — удивился Леонид. — Я не только писатель, еще и художник. У меня глаз наметанный. Могу с точностью до одного сантиметра с первого взгляда определить рост человека.

— Какого... человека?

— Любого! Особенно, женщины. И каблуки любого размера ни на миг не введут меня в заблуждение.

Женщина достала из сумочки рулетку, приложила к стене. Подтянула за спинку рукой стул, легко взобралась на него. Челкаш поднялся с пола и встал рядом со стулом. Так, на всякий случай. Он вообще-то не любил, когда кто-то лазил куда-то наверх.

— Подержите, пожалуйста! Если вам не трудно, разумеется.

Леня усмехнулся, взял в руки один костыль и, сунув его под мышку, подошел к женщине. Осторожно, но крепко взял ее за талию. Женщина вздрогнула.

— У вас, что, крыша поехала? — нейтральным тоном спросила она. — Я просила подержать рулетку!

Леонид отпустил ее, проковылял обратно к креслу, опустился в него. Взял со стола пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, закурил. Черноволосая, стоя на стуле, закончив измерения, начала сматывать рулетку.

— Два сорок! — подытожила она. — Можно было и не измерять.

— Ноги у тебя... ничего! — затягиваясь сигаретой, протянул Леонид. Он и сам не заметил, как начал называть ее «на ты».

— Не жалуюсь, — сухо ответила она.

— Муж, почему бросил? — в лоб спросил он.

Черноволосая женщина удивленно вскинула брови, но промолчала.

«В морге призраки не водятся. Души умерших, тем более. Они покидают тела буквально через несколько минут после остановки сердца. Стало быть, и опасаться нечего. Там только оболочки когда-то живших людей. Не более того!» — пытался подбодрить себя Суржик за рулем «Форда». Он еле-еле плелся в колонне машин, растянувшейся по всему Ленинградскому проспекту.

По Москве ездить на машине уже практически невозможно. Стояние в пробках стало чем-то вроде обязательного ежедневного ритуала. Кто-то жуёт, кто-то газеты читает, женщины напрополую красятся и мажутся, как у себя в спальне. Или бесконечно болтают по сотовым телефонам.

Только когда Суржик свернул у метро «Речной вокзал» направо, стало чуть посвободнее. Налево, прямо, опять налево, потом направо.... С дикими трудами Валера все-таки нашел нужный адрес. Коптевский тупик! Название-то, какое! Тупик. Действительно, дальше ехать некуда. Мысль, что в этом обшарпанном желтом особняке он сейчас может увидеть мертвую Надю, отгонял от себя, как назойливую муху.

«Нет! Этого не может быть! Потому что, не может быть! И точка!». Но откуда-то наползал животный страх. Возникал где-то в затылке, сползал мурашками по спине и липким потом расплзался по всему телу.

Нет, никак Валера в этот раз не мог преодолеть свой панический страх.

«Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой».

Спустившись в подвал по замызганной лестнице, Валера попал в чистое и светлое помещение. Неоновые лампы под потолком, стол, стулья, нейтральные дешёвенькие пейзажи по стенам. У стола за компьютером сидел худой парнишка, совсем мальчик, в очках, как две капли воды похожий на Шурика из «Кавказской пленницы». Настроение Суржика слегка выправилось. А когда он разглядел, что парнишка, загородившись компьютером, читает роман Дарьи Донцовой «Гарпия с пропеллером», и вовсе улучшилось. С человеком, читающим эту ироническую писательницу, можно иметь дело.

— Союз писателей привё... — по привычке, чуть было не брякнул Суржик. Но во время осекся. И добавил — Добрый день!

«Хотя, какой он, к чертовой матери, добрый!» — пронеслось у него в голове.

Парнишка поднял голову и улыбнулся. Хорошая у него была улыбка. Добрая, располагающая. Слегка грустная такая, понимающая и сочувствующая одновременно. Да и вообще, сам парнишка весь как-то сразу понравился Суржику. Такие редко нынче попадают на

улицах. Темно-зеленая форма, в которую был наряжен служитель скорбных услуг, наверняка, действовала на всех посетителей успокаивающе.

— Вам морг? — вежливо спросил парнишка, отложив в сторону книгу.

«Мне – нет!» — вихрем пронеслось в голове Суржика. «Рано еще!». Но, судорожно сглотнув, Валера, молча, кивнул.

— Ваша фамилия?

— Суржик! — кашлянув, ответил Валера.

— Посмотрим.

Парнишка пощелкал клавишами компьютера, кивнул головой. Потом, нахмурившись, пронизательно взглянул Суржику в глаза.

— Как у вас со здоровьем?

— Спасибо. Полный порядок!

Докладывать парнишке о своих приступах головной боли почему-то не хотелось.

— Я имею в виду...

— Понял, понял, — кивнул Валера.

— ...некоторые клиенты неадекватно реагируют.

Парнишка пощелкал клавишами, поставил компьютер в режим ожидания. Потом испытующе посмотрел прямо в глаза Суржику.

— Вы верите в загробную жизнь? — строго спросил он.

— Разумеется. Все верят.

— Вы чудовищно заблуждаетесь. Находятся иные индивидуумы, которые не верят. Потому и ведут себя в этой жизни не лучшим образом.

Парнишка в очках явно любил пофилософствовать. Обобщать, делать парадоксальные выводы, проводить сравнительный анализ несовместимых явлений.

— Как вы себе ее представляете? — усмехнувшись, спросил он Суржика.

— Кого, Надю!?

— Да, нет. Жизнь после смерти.

— Ну... как-как... — пожал плечами Валера. — Обыкновенно. Вам-то это известно, лучше других.

— Вы не поняли, — мягко и даже, как бы, укоризненно сказал парнишка в очках. — Представьте, остановилось сердце. С оболочкой все ясно. А душа?

— Что, душа! — пожал плечами Суржик. — Она... отлетает.

— Куда?

— Как куда? В рай, или в ад. Там уж решат.

— По-вашему получается, душа первична, тело вторично?

— Вы считаете, наоборот? — вежливо спросил Суржик.

— А как вы считаете... — все, более увлекаясь, любопытствовал симпатичный парнишка. — Там... женские души чем-то отличаются от мужских. Здесь-то все ясно. Женщина есть женщина, мужчина есть мужчина. Им никогда не понять друг друга. А там? Души имеют половые различия.

Суржик на мгновение впал в ступор. Парнишка в своих рассуждениях явно копал слишком глубоко. Валера никогда и не задумывался на эту тему.

— Сашка-а! Пара-азит такой! — раздался за спиной Суржика резкий женский голос. Валера резко обернулся. На пороге двери стояла очень крупная женщина. Вся какая-то квадратная. В темно-сером брючном костюме, на голове такого же цвета шапочка. Она гневно сверкала глазами на очкастого парнишку:

— Опять компьютер без спросу гоняешь!? Голову клиентам морочишь? Сколько раз сказано, при клиентах держи рот на замке!

Суржик недоуменно повернулся к симпатичному парнишке в очках, но того на месте уже не оказалось. Не оказалось его даже и под столом. Исчез, испарился. Паранормальное явление какое-то! Только что был здесь, сидел на стуле, поправлял очки на переносице, говорил всякие разные умные слова, и вдруг – нету.

Квадратная женщина прошла в комнату, засунула в неприметный шкаф полиэтиленовый пакет с продуктами, и, растерянно улыбаясь, обратилась к Суржику:

— Извините! Ради Бога, извините! Племянник мой! Помогает с компьютером! Я-то в них, честно говоря, ни бум-бум! А этого, хлебом не корми, дай с клиентами про загробную жизнь, ля-ля – тополя! Извините, пожалуйста!

— Ах, во-он оно что... — облегченно протянул Валера.

— Мальчишка совсем, сопляк! Вот и лезет к людям! — вздохнула она. — Не понимает, у людей горе, им не до разговоров. Хоть кол на голове теши!

Квадратная женщина села за стол, достала из ящика стола футляр с очками, нацепила очки на нос. Осто-

рожно, словно они раскаленные угли, несколько раз тукнула пальцами по клавишам компьютера.

— Ваша фамилия?

— Моя или... Соломатиной? — уточнил Суржик.

— Ее мне без надобности, — опять глубоко вздохнув, сказала женщина. — Пусть милиция разбирается.

— Моя, Суржик.

Квадратная женщина подняла голову от клавиатуры, посмотрела на Валеру поверх очков. Взгляд у нее тоже был очень хороший. Добрый, располагающий. Совсем, как у ее племянника. Даже чем-то еще более привлекательный. Таким обычно раскрывают души самые замкнутые натуры.

— Вы не волнуйтесь, — сказала женщина. — Не ваша она.

— Кто?

— Эта... неопознанная! — кивнув на экран компьютера, сказала женщина.

— Почему вы... так уверены? — невольно понизив голос, спросил Суржик.

— Как никак пятнадцать лет здесь работаю. Худо бедно, научилась в людях разбираться. Не вашего она полета птица. Из бомжих... Шрам на правом предплечье... на щеке длинный порез... — продолжала бормотать женщина, вглядываясь в экран. — Сами посмотрите! Не бойтесь.

Женщина чуть отодвинулась в сторону, Валера встал со стула, взглянул через ее плечо на экран компьютера. Как в телевизоре увидел картинку из серии «Дорожный патруль» или «Хроника происшествий». Изо-

браженная на экране, действительно, не имела ничего общего с Надей Соломатиной. У Валеры Суржика отлегло от сердца.

Поднявшись по узкой лестнице из подвала, очутившись во дворе, среди зелени и яркого солнца, Суржик почувствовал необычайное облегчение. Захотелось поскакать на одной ножке, как в детстве. Только три женщины в черном, с заплаканными лицами, сидевшие рядом с дверью на скамейке, удержали его этой детской выходки.

В далеком детстве Валера был фантастически толстым и неуклюжим мальчуганом. На окраине Хабаровска, где тогда в бараке обитала семья Суржиков, сразу за сараями начинался некошенный луг. И тянулся тот луг вплоть до лесной опушки. До зарослей кустарника. Вот на том лугу и устраивали местные мальчишки беготню на скорость. Побеждал тот, кто быстрее других добегал до кустов.

Направляясь к машине, Суржик едва заметно усмехнулся. Если честно, побеждали всегда только двое. Братья близнецы Петя и Павлик. Они абсолютно одновременно пересекали невидимую линию у кустов, оставляя ораву мальчишек далеко позади. Толстый мальчик Валера тоже участвовал в забегах. Чтоб не выделяться. Но где ему, бедному. Всегда приплетался последним.

Однажды братья близнецы, глядя на нечастного Валерика, о чем-то пошептались и, решительно подойдя к нему, ухватили за руки.

— Гляди, не спотыкайся! — в унисон грозно сказали братья.

И великий забег начался!

Подобно молнии, стремительно летела удалая тройка мальчишек по некошеному лугу. Эх, тройка! Кто тебя выдумал? Только гулко стучали по земле голые пятки.... Только ветер свистел в ушах.... Разлетались из-под ног кузнечики.... Да в испуге шарахались в стороны разноцветные бабочки, опасаясь быть затянутыми в водоворот воздуха, производимого проносившейся мимо тройкой...

...Остальная ватага мальчишек далеко позади.... Уже у самого леса, у полосы кустов, двое близнецов просто вытолкнули вперед полноватого Валерика! И он первым пересек заветную, невидимую черту! Он первый! Впервые в жизни!!!

Те, что были по бокам и волокли его весь забег, устало повалились на землю и долго не могли перевести дыхание. А мальчуган Валерик медленно опустил на колени и ладонями стирал со лба и щек обильный пот.

— Спасибо, братцы!

Пройдут годы. Да что там годы, десятилетия. Каких только встреч и событий не будет в жизни Валерия Суржика. Но до самого конца, до самого последнего вздоха он будет помнить тот стремительный забег по некошеному лугу.

— Спасибо, братцы!

Чаще всего еще в далеком детстве Судьба демонстрирует нам знаки, своеобразную схему нашей будущей жизни. Мужская дружба, товарищество с колыбели

были для Валеры Суржика святыми понятиями. Только почему именно этот эпизод из детства вспомнился во дворе Коптевского морга? Нет ответа.

Суржик сел в машину, опустил оба боковых окна и завел двигатель.

Приблизительно в то время, когда Валера Суржик «мчался по некошеному лугу», его друг, Леня Чуприн, усмехаясь, рассматривал стоящую на стуле черноволосую женщину. Она хмурилась и, переминаясь с ноги на ногу, пыталась смотать рулетку. Та никак не желала сматываться. Что-то там такое заело.

— Ноги у тебя... ничего!

— Не жалуюсь, — сухо ответила она.

— Муж, почему бросил?

— Вы, в самом деле, собрались квартиру продавать? Или так... — сделала она неопределенный жест рукой.

— Как еще «так»? — возмущенно спросил он. — Жить на что-то надо! Загоню эту, куплю что-нибудь поменьше, поскромнее.... Кстати, не слышала, куда выгоднее деньги вложить? Чтоб жить на проценты.

Женщина, стоя на стуле, сосредоточенно пыталась смотать рулетку.

— Деньги надо вкладывать в дело, — сухо ответила она.

— Это и дураку ясно. А если нет своего дела?

— Тогда плохо ваше дело.

— Не порадовала... — преувеличенно вздохнул Леонид. — Раньше проще было. В одну редакцию рассказ

подбросишь, в другую иллюстрацию пихнешь, а сейчас.... На одни гонорары не проживешь. Слышала, небось?

— Про что?

— Про наше писательское житье-бытье.

— Сейчас всем нелегко.

Черноволосая женщина легко спрыгнула со стула, спрятала рулетку. Челкаш сунул, было, нос в ее объемистую сумку, но она только грозно взглянула на него, и он, мгновенно сел на задние лапы, скорчил умильную морду, повозил хвостом по полу.

«Нам бы такую женщину!» — думал он. «Она бы нам обеды готовила...».

— Для чего тебе квартира? Жить негде?

— Почему, есть у меня квартира. И у меня, и у дочери. Я — посредница.

— Ах, во-он оно что-о... — разочарованно протянул Леонид.

— Покупка-продажа квартир — мой бизнес.

Леня недовольно поморщился. Откинувшись на спинку кресла, с откровенной неприязнью, как бы заново, стал разглядывать черноволосую женщину.

— Как я сразу не догадался.... Бизнес, бизнес! Терпеть не могу это слово! Воруют так, что треск стоит, а туда же — бизнес! Сплошные аферы, мошенничество...

— Я честно работаю! Ясно!? — вспыхнув, заявила она. — Сами увидите...

Черноволосая начала ходить по комнате, с усилием давила туфлями на паркетины.

— Вижу, моя квартира тебе не нравится?

— При чем тут, нравится, — не нравится! Цена завышена, продать будет трудно. Солнца совсем не бывает.

— Что за глупость! — возмутился Чуприн. — Вечером квартира залита солнцем. Сторона западная. Нынче это даже модно... Квартира окнами на Запад! Звучит!

Женщина остановилась посреди комнаты, в упор взглянула на Леонида.

— Сторона северная! — с ударением сказала она.

— Западная! — мягко возразил Чуприн.

— Нет, северная!

— Нет, западная!

— Северная! — неожиданно громко сказала женщина.

— Именно, что западная! Мне-то лучше знать! — повысил голос Чуприн, — Раз я сказал — западная, стало быть, так оно и есть...

Черноволосая женщина жестом остановила его, достала из сумки компас.

— Господи-и! — возмутился Леонид, — Зачем такие сложности! Куда солнце садится, там и запад. Любому дураку ясно.

Женщина положила компас на ладонку, щелкнула рычажком. Повертелась на месте в разные стороны. Чуприн только головой покачал.

— Компас надежнее! — пробормотала она.

— Надежнее солнца!? Да-а... женская логика, ничего не скажешь. Ты бы еще теодолит с собой приперла.

— В нашем деле нужна точность.

— ...или курвиметр.

Черноволосая женщина возмущенно подняла голову от компаса.

— Это еще что такое!?

— Курвиметр – это... — снисходительно усмехнувшись, пояснил он, — ...для точности измерения извилистых линий. Для таких, как ты, предмет первой необходимости. После французских духов, разумеется. Ну! Что я говорил! Почти западная...

— Вот именно, почти!

Темноволосая женщина спрятала компас в сумочку, строго посмотрела на Чуприна. В ее глазах застыл немой вопрос: «Что дальше?».

— Пусть будет... северо-запад! — снисходительно усмехнулся Леонид.

— Значит, солнца не бывает!

— Далось тебе это солнце! — раздраженно заметил Леня. И даже передернул плечами. — Полумрак тоже имеет свои преимущества. Создание творческое настроение. Большинство своих лучших рассказов я написал как раз в этой комнате. Между прочим, интимные отношения легче завязываются именно в полумраке.

— Нет солнца, значит, — есть сырость! — мрачно заявила женщина.

Чуприн чуть не расхохотался. Уже запрокинул голову назад, но передумал.

— Вот уж чего нет, того нет! — жестко сказал он. — Абсолютно сухая, светлая, теплая квартира. Даже излишне теплая, я бы сказал. На ночь все форточки открываю, иначе не уснуть...

— Паркет вспучился, значит, сыро!

— Паркет вспучился, как раз от сухости, если хочешь знать!

— Да-а... — с откровенной издевкой, усмехнулась она. — Что-то новое!

Леонид не выдержал и стукнул костылем об пол. Для выразительности.

— Квартира у меня – сухая!!!

— А я говорю, сырая!!!

— Сама ты... — рявкнул Леня Чуприн в сильном раздражении.

— Что-о-о!? — широко раскрыв глаза прошептала черноволосая женщина. В это мгновение лохматый Челкаш не выдержал и, решив вмешаться, громко залаял.

«Еще подерутся!» — думал он и лаял все громче, принимая «огонь на себя». Очень во время пронзительно зазвонил телефон. Чуприн и темноволосая женщина сверлили друг друга уже почти ненавидящими взглядами. Но оба при этом пытались улыбаться. Челкаш переводил растерянный взгляд с хозяина на гостью и лаял все громче. Телефон звонил все громче и пронзительнее.

Вдобавок ко всему, за стеной у соседей вспыхнул скандал. Слышимость в квартире Леонида была просто отличная. Акустика, тоже. От соседей отчетливо доносился громкий шум, крики, звон разбитой посуды. Выделялся сиплый мужской голос:

— Мать твою!!! Ты мне всю жизнь покурочила-а! Замолчи-и!!! Все мало!?

Леонид, не вставая с кресла, потянулся к стене, костылем громко постучал в нее.

— Эй-й! Соседи-и! Нельзя ли потише-е!

— Интеллигенция, что с них взять! — язвительно заметила черноволосая.

Чуприн поднялся с кресла, доковылял в коридор к телефону, поднес трубку к уху. Продолжал при этом пристально смотреть на черноволосую женщину. Челкаш стоял рядом, у левой ноги, и вопросительно смотрел на хозяина.

— Да!!! — рявкнул Леонид в трубку. — Да. Продаю! Это... вы не могли перезвонить через... некоторое время.... У меня как раз покупатель! Да! Я всегда дома! Нет, нет... — раздраженным тоном, отвернувшись к стене, продолжал он. — Нет, говорю...

Пока Леонид говорил по телефону, черноволосая подошла к книжному шкафу. Начала с интересом рассматривать корешки книг. Потом наугад вытащила пару из них, посмотрела на обложки. Неожиданно ее лицо засветилось самой неподдельной детской радостью. Она повернулась к Чуприну, уже явно хотела что-то сказать, но тут же... испуганно зажала себе рот ладонью.

Некоторое время в сильном волнении она переводила взгляд с Леонида, в коридоре разговаривающего по телефону, на книги в своих руках. По ее лицу, сменяя, одно другое, пробежала целая гамма чувств. Подобное случается с эмоциональными натурами, ставшими невольными свидетелями чужой тайны. Или чего-либо подобного.

Ничего этого Леонид не видел. Он был увлечен разговором. Никак не мог его завершить. Собеседник явно попался крайне болтливый.

Чем ближе Валера Суржик подъезжал к центру, тем мрачнее сгущались тучи над городом. Когда выехал у метро «Войковская» на Ленинградское шоссе, тучи замкнули свое традиционное кольцо, и вокруг заметно потемнело. При въезде в тоннель у Сокола на лобовом стекле появились первые капли. Суржик едва успел поднять боковые стекла. На выезде из тоннеля «Форд» встретила уже сплошная стена дождя.

Яростные потоки буквально «как из ведра», грохотали по крыше, бились в боковые двери, злобно шипели под колесами «Форда», раскачивали его, швыряли из стороны в сторону и пытались оторвать от асфальта, опрокинуть набок. Валера включил фары, аварийную сигнализацию, очень осторожно, пропуская вперед безмозглых лихачей, мчащихся на предельной скорости, перестроился из средней полосы в крайнюю правую и остановился. Достал сигареты, закурил, чуть опустил боковое стекло. Пускал в него струйки дыма и напряженно думал. Потом, чертыхнувшись, достал мобильный телефон.

Вдобавок к многочисленным делам, Суржик еще ухитрялся читать лекции по литературе в Областном институте культуры. На выпускном курсе. Студенты его терпели за чувство юмора и снисходительность на зачетах. Честно говоря, читал лекции – слишком сильно сказано. Валера забегал в институт через два раза на тре-

тий. Сегодня как раз был лекционный день. Один из последних перед летней сессией.

— Алло! Учебная часть? Мариночка, это Суржик! — орал Валера в мобильник, стараясь перекрыть раскаты грома. — Мариночка! Выручай! У меня опять полный завал, зашиваюсь. Скажи моей группе, пусть сами потихому грызут буквари. И не шатаются по этажам. Я, мол, подъеду чуть позже. Идет? Кому, какое дело, господи! Ты же знаешь, свои полставки я всегда отработаю. Даже сверх того! И вообще! На кой черт этим пайдевочкам знание великой русской... Все равно ни одна не будет работать по специальности. Что? Что достать? Знакомых нет, но обмозгую. Будь спокойна...

Мимо, обдавая его машину потоками воды, пронеслись иномарки всех мастей, моделей и расцветок. Над центром столицы яростно бушевал ливень. С вспышками молний и раскатами грома.

Тем временем Чуприн в своей квартире тоже продолжал разговор по телефону.

— У вас что, плохо со слухом? Или с мозгами? — откровенно зверел Леонид. — Наплевать мне на ваши обстоятельства! У меня своих обстоятельств выше крыши! Да! Нет, нет! Торговаться я не намерен! Ни пяди русской земли, как говорится! Я имею в виду, деньги! Баксы, баксы! И квадратные метры! Нет! Это, как хотите. За чужой щукой зуб не болит! Все!!! Прерываю разговор!

Леонид шваркнул трубку на рычаг, поудобнее пристроил под мышки костыли и проковылял в «кабинет».

Увидев черноволосую со своими книгами в руках, с веселым любопытством уставился на нее.

— Эти у меня дома есть... Дочь покупала. Два года назад, — почему-то виноватым тоном произнесла она. Впервые, она едва заметно улыбнулась.

— Почетно! — бодрым голосом заявил Леонид. — Стало быть, я тоже приложил лапу к воспитанию твоей дочери.

— Думаете, она их читала?

— Она у тебя кто?

— В смысле?

Чуприн слегка раздраженно передернул плечами. Он терпеть не мог, когда его плохо понимают. Любил тех, кто понимает с полуслова.

— Зануда или халда? Все они сейчас... распустят патлы до задницы или наголо побреются, воткнут в уши провода и качаются, как пьяные лунатики.

— Разве лунатики бывают пьяными?

— Это так... — неопределенно повертел пальцами в воздухе Леонид. — К слову.

— Моя спортсменка.

— Да-а! — заинтересованно усмехнулся он. — Метает чего или бегают?

— Хуже! — резко заявила черноволосая. — На велосипеде носится по кругу, как угорелая кошка.

— Кошки бывают угорелыми?

— Это так... — подражая ему, повертела пальцами в воздухе она. — К слову.

— По трэ-эку! — с ударением сказал Леонид. — Это у них трэ-эк называется.

— Один черт! — жестко ответила она. — Однажды заглянула на тренировку, чуть с ума не сошла! Несколько часов подряд — ездит, ездит, ездит... и все по кругу! У меня даже голова разболелась. А она довольна. Говорит, ты ничего не понимаешь. В философском смысле, трэ-эк — это символ нашей суетной жизни.

— В известном смысле она права. Давай тебе вот эту... на память подпишу!

— Мне!? — почему-то изумилась черноволосая.

— Кому еще. Кроме нас в квартире никого.

Леонид пододвинулся к женщине, забрал из ее рук книгу, подковылял к столу, опустил в кресло. Надел очки, раскрыл книгу, взял ручку.

— Итак! Она звалась — Татьяна? Я правильно разобрал по телефону? Ты что-то невразумительное буркнула... Татьяна, Марианна...

— Татьяна, Татьяна...

Чуприн сосредоточенно делает надпись на книге. Татьяна подошла к окну, нахмурившись, смотрит на улицу.

— В центре сейчас, наверняка, гроза.... А здесь — ни капли...

— Согласись, — не поднимая головы от книги, сказал Леонид. — Вид из окна — валютный, можно сказать. В ясную погоду виден даже купол Ивана Великого.

Татьяна никак не среагировала, неподвижным взглядом смотрела на улицу. Леонид поднял голову, быстро взглянул на нее, усмехнувшись, добавил:

— А вечером, если выпить грамм... триста, можно вдалеке увидеть даже Эйфелеву башню!

Татьяна опять никак не среагировала. Леонид разочарованно хмыкнул.

— Послушайте, цена, которую вы указали в объявлении... — не оборачиваясь, начала Татьяна.

— Согласен. Слегка перегнул. Но если разобраться, взглянуть трезвыми глазами, то не так уж и перегнул. Жизнь дорожает. У меня, сама понимаешь, постоянного заработка нет. Сейчас издать даже мизерным тиражом крохотную книжонку, сумасшедшие деньги нужны. Цены на бумагу взвинчивают каждую неделю, полиграфические услуги, о них и говорить тошно, вот тут и вертись.... Жрать что-то надо... Я не самый требовательный человек, мне много не надо...

— Я заметила, — отозвалась Татьяна.

Леонид закончил делать надпись, снял очки, захлопнул книгу. Поднялся из-за стола, подковылял с помощью одного костыля к окну, встал рядом с Татьяной. Челкаш вылез из угла комнаты и тоже подошел к окну, пристроился между хозяином и гостьей. Некоторое время он и она, молча, смотрели на улицу.

— Зимой мрачновато, конечно, не без этого, — вздохнув, сказал Леонид. — Зима вообще, мрачное время года. В городе, я имею в виду.... Зато ранней весной, когда распускаются вишни... — улыбаясь, продолжил он.

— Где? — спросила Татьяна.

Они повернулись и впервые спокойно посмотрели друг другу в глаза.

— Под окнами, где еще! Во-он они...

Лохматый Челкаш встал на задние лапы, передними уперся в подоконник, начал всматриваться на улицу за окном.

— Когда вишня зацветает, поразительные запахи медленно поднимаются от этажа к этажу... все выше и выше.... — улыбаясь, сказал Леонид. — Тогда я распахиваю настежь все окна и сажусь работать! Весна и запах цветущего вишневого сада для меня самый сильный стимул к работе!

— Три хилых кустика вы называете вишневым садом!? — спросила Татьяна.

— А ты чего хотела!? Колхозные плантации в несколько гектаров? В период цветения они, само собой, распускаются, становятся... объемнее, заслоняют даже крыши этих чертовых гаражей!

Неожиданно где-то за домом гроыхнул гром. Челкаш испуганно отскочил от окна и, поджав хвост, забился под письменный стол. Он понимал, конечно, что это всего лишь гром, будет дождь, гроза и все такое. Но никак не мог совладать со своим страхом. И не он один. Все собаки во дворе панически боялись грома. Леонид, глядя на него, снисходительно усмехнулся. Татьяна нахмурилась и, ни слова не говоря, направилась к двери. На пороге обернулась и, недовольно мотнув головой, сказала:

— Кажется, забыла до конца поднять окна в машине. Весь салон зальет!

Она резко повернулась и, плотно закрыв за собой дверь, вышла из квартиры. Леонид доковылял на костылях до двери, распахнул ее и крикнул:

— Эй! Красотка-а! Не понял, как мы договорились?

Из коридора ответа не последовало. Слышен был только грохот закрывающихся створок и шум отъезжающего лифта. Леонид пожал плечами, тщательно запер дверь, медленно вернулся в свой «кабинет», опять подошел к окну. За окном уже всюду бушевал ливень. Крупные капли барабанной дробью стучали по стеклу.

«Все-таки, где-то я эту красотку видел!» — думал Леонид Чуприн.

Челкаш ни о чем не думал, он задремывал под столом. Под дождь хорошо спится.

4

Разбудила Суржика вездесущая Ирка Агранат. Не успел еще и трубку к уху поднести, уже услышал ее взволнованный голос:

— Суржик! Все спишь? Легко живете, писатели-поэты. Другие уже детей накормили, и гулять одели. Нашлась твоя Мальвина!

Суржик мгновенно оказался на ногах. Сна, как ни бывало.

— Пока не скажешь, зачем она тебе, адрес не получишь! — смеялась Агранат.

— Ничего интересного! Хочу о ней написать рассказ. Все дела! — за демонстративной зевотой, Валера попытался скрыть волнение. Судя по ироничному хмыканью Агранат в трубке, это ему не удалось.

— Глупей ничего не придумал? — спросила она.

— Правда, на фоне всеобщего вранья, всегда выглядит глупостью! — изрек Суржик. И удивленно вски-

нул брови. Фраза самому понравилась. Новость от Ирки предельно мобилизовала, добавила адреналина, как модно нынче выражаться. Валера, не отрывая трубки от уха, начал судорожно одеваться.

— Ладно, хрен с тобой! Записывай адрес! Ховрино, знаешь?

— Ну... в общих чертах!

— Третья улица Строителей. Там, говорят, где-то рядом клуб Строителей. Дом четыре, корпус один, квартира восемнадцать. Комуналка.

— Спасибо, Ирэн! С меня шоколадка!

— Мы шоколад не едим. У нас от него аллергия.

Как и все молодые матери, Агранат целиком отождествляла себя со своим ребенком, постоянно говорила только «мы».

— Опасайся фанаток Мальвины! — продолжала Ирка. — Они ее днем и ночью пасут. Совсем дикие. Могут побить.

Выскочив из квартиры, Суржик не стал дожидаться лифта, побежал, перепрыгивая через три ступеньки, по лестнице. Эти чертовы лифты, когда надо, двигаются явно в несколько раз медленнее, последние нервы выматывают.

Машин с каждым часом на улицах и проспектах становилось все больше и больше. Или так только показалось Суржику? Да, нет. Иномарки, иномарки, иномарки.... Всех цветов, размеров, моделей и расцветок стадами скапливались у светофоров, заполняли собой узкие переулки, громоздились на газонах и тротуарах, сгоняли, и без того несчастных пешеходов, страдающих

от жары, на проезжую часть. Но и с проезжей части их обратно на тротуар пытались вытеснить троллейбусы и автобусы, соревнуясь в этом «виде спорта» с вагонообразными «Джипами».

«А ты застраховал свою машину?» — тыкала пальцем в проезжающих автомобилистов гигантская девица с рекламного плаката. Суржик только тяжело вздохнул.

«Страхуй, не страхуй...» — назойливо замелькала в голове очередная эстрадная пошлость. Вот от этих шуток, от скабрзностей, дебильного хохота Валера и бежал несколько лет назад. Быстрее лани. Быстрее, чем камень, выпущенный из пращи. Теперь эта эстрадная пошлость заполонила весь город рекламными щитами.

Москва с каждым днем катастрофически теряла свою индивидуальность. Поглядывая направо или налево, Суржик с откровенной брезгливостью морщился. Ему все меньше и меньше нравится столица. Порой и не поймешь, где находишься? В Мадриде, Берлине, Варшаве или в каком-то Мехико? Афиши и рекламы во всем мире одинаковые. Словно, их штампуют на одном и том же заводе для всего земного шара. Моды на одежду — одинаковые, еда, напитки — одинаковые. Если так пойдет, скоро на всей планете люди и говорить станут на едином языке. Евро-американском.

Ирка Агранат не соврала. В конце улицы Строителей, перед третьим подъездом убогой пятиэтажки кучковалась группа фанаток. Увидев Суржика, вылезавшего из машины, они вскочили с ящиков, на которых, судя по всему, дневали и ночевали, встали плечом к плечу у подъезда, загородили Суржику вход. Валера, конечно,

мог раскидать их, как цыплят в разные стороны, но, зная буйный нрав этих особей, посчитал за лучшее останиться. Последовательно посмотрел каждой из тинейджерок прямо в глаза. И улыбнулся. Своей коронной улыбкой. Открыто и доброжелательно.

На тинейджерок его улыбка не произвела ни малейшего впечатления. Они еще больше помрачнели, плотнее сомкнули ряды.

— Ты к кому? К Мальве?

— Она не принимает!

— Назначено! — произнес Суржик магическое булгаковское слово. Оно многократно выручало Валеру. В любых запутанных ситуациях. Самые угрюмые секьюрити отступали перед этим загадочным словом.

— Ты кто будешь?

— Журналист, небось? — подозрительно спросила самая маленькая.

— Небось! — кивнул Валера. И поспешно добавил, не моргнув глазом. — Газета «Метрополитен стресс»! — О такой газете тинейджерки явно и слыхом не слыхивали. Ее, «небось», и в природе не существует. Но в данный момент это не имело значения.

— Если будешь поливать нашу Мальву грязью... — угрожающе начала одна.

— Лучше б тебе тогда на свет не родиться! — закончила другая.

— Номер машины мы уже записали! Не спрячешься! — из-за спин подруг прошипела третья. — Из-под земли откапает!

Валера, пустив в ход все красноречие и обаяние, попытался убедить тинейждерок в бесконечной чистоте своих помыслов и благородстве намерений. Уламывая фанаток, он бросал быстрые взгляды на окна второго этажа. Ирка Агранат выяснила даже такую немаловажную деталь, Мальвина прячется от всех, под чужой фамилией. И проживает на втором этаже в «хрущобе». Все совпадало. Валера успел заметить, одна из занавесок на втором этаже едва заметно колыхнулась. За ним явно наблюдали.

Господи! Неужели за ней скрывается его Надя? Что это все значит?

Мрачные фанатки ни в какую не желали расступаться и пускать его даже в подъезд. Валера вернулся к машине, достал из багажника четыре банки пива «Балтика» и торжественно вручил их озверелым поклонникам Мальвины. Те приняли пиво как должное, даже спасибо не сказали. Окончательно растопила лед недоверия только пачка жевательной резинки из кармана Суржика, пущенная по рукам мрачных девиц. И две пачки сигарет «Норд стар». Тинейждерки нехотя расступились.

Дверь квартиры на втором этаже открылась сама собой. Суржик не успел даже до кнопки звонка пальцем дотянуться. На пороге возникла маленькая сухонькая старушка с любопытными, как у мышонка глазами. Она кивнула Суржику как старому знакомому и проводила в самую дальнюю комнату. Судя по всему, ей уже не раз и не пять, приходилось встречать и провожать многочисленных посетителей.

— Мальва сейчас явитца! — с гордостью и даже торжественно оповестила старушка и скрылась за тяжелыми портьерами.

Убогая комнатка «звезды» шоу бизнеса была сплошь оклеена афишами и фотографиями Мальвины. В самых разнообразных видах. Суржик и не предполагал, что его рыжая Надя до такой степени популярна. Впрочем, на ее раскрутку были брошены огромные деньги. Такие ходили слухи. Потому нечего особенно удивляться.

Как только Мальва вошла в комнату, Валера мгновенно понял, что напрасно потратил время. И бензин. В проеме двери, раздвинув руками портьеры, словно театральная занавес, стояла.... Надя. В своем эффектном сценическом костюме. Безусловно, это была она. Мальва, Мальвина, «звездочка» шоу бизнеса. С одним незначительным уточнением. Вернее, «дополнением». Эта «Мальва» была толще Нади Соломатиной раза в два. За шесть дней Надя не могла разбухнуть до таких габаритов. И на лице у «этой» лежало не менее килограмма грима. Суржик, было, приуныл, но природное чувство юмора взяло верх. Он вскочил со стула и щелкнул каблуками.

— Союз писателей приветствует звезду эстрады!

— Благодарю! — скромно, но с достоинством ответила дива. — Прошу садиться! Кофе? Чай?

Голос ее слегка смахивал на голос Нади, но эта дива слишком педалировала на хрипотцу. У Нади же она была естественной, органичной.

— Терпеть не могу вашего брата, журналистов! Вам только компромат и нужен! — сходу заявила «Мальвина». И войдя в комнату, плюхнулась в кресло. Кресло под ней жалобно пискнуло.

— Что так? — сочувственно поинтересовался Суржик. И даже чуть голову набок склонил, выражая тем самым беспредельное внимание и уважение.

— Хамы потому что! Так и норовят о нас, артистах эстрады разные гадости написать! И ведь все ложь, ложь... Папараци чертовы! Надеюсь, вы не из таких?

— Отнюдь! — с готовностью отозвался Суржик. — Я из противоположных.

— Думаете, легко быть звездой эстрады?

— Думаю, очень тяжело!

— «Неси свой крест! И Веруй!» — проникновенно, закатив глаза в потолок, с придыханием, произнесла «Мальва».

«Понеслось!» — подумал Валера. «Сейчас начнет голосить, что она — чайка!».

— Я — чайка! Нет, не то... Я — актриса!

«А я — пингвин!» — почему-то пронеслось в голове у Валеры. «Далась им эта чайка! Визгливая противная птица. Питается исключительно отбросами...».

— Знаете, он смеялся над моими мечтами. Считал их глупостью провинциальной девочки... — с придыханием Татьяны Дорониной говорила она.

Валера уселся на стуле поудобнее, закинул ногу на ногу. Хотел достать сигареты и закурить, но передумал. В последнее время он смолил по три пачки в день.

«Звезда» эстрады, между тем, продолжала довольно приблизительно цитировать первоисточник, тексты Антона Павловича. Буквально пересказывала своими словами.

— «Он» – это который? — уточнил Суржик.

— Был там один! — поморщившись, раздраженно передернула плечами «Мальвина». — Наша закулисная жизнь нестерпимо трудна, грязна и жестока! У меня был ребенок... — с самыми натуральными слезами в голосе, выдала она. — И я потеряла его.... А ведь знаете, после каждого спектакля наглые тупые купчишки с их грязными предложениями.... Все это угнетает и наполняет душу...

— Мальчик, девочка? — уточнил Суржик.

— Что? — очнувшись, спросила «Мальвина».

— Вы сказали, потеряли ребенка, — сочувственно сказал Валера. — То был мальчик или девочка?

— Не помню! — опять поморщившись, заявила эстрадная дива. — По правде сказать, у меня их двое. На лето к бабушке в деревню отправила. Но это строго между нами! — спохватившись, испуганно добавила она. — Не пишите об этом!

— Давно участвуете в «Шоу двойников»? — в лоб спросил Суржик.

«Звезда» шоу бизнеса ничуть не смутилась. Наоборот. На ее приятном простоватом лице появилось эдакое горделивое выражение. Мол, знай наших! Мы, не какие-то там, подзаборные. Без роду племени.

— Третий год.

— Заработки приличные?

— Какое там! — устало махнула полной рукой «звезда». — Еле-еле концы с концами свожу. Одни костюмы сжирают Бог знает, сколько.... Знаете, сколько слупил бы с меня какой-нибудь Зайцев, за этот костюм?

— Догадываюсь.

— А я его своими собственными руками сшила.

— У вас ярко-выраженный талант портнихи. Вам кутюрье надо быть!

— Ну, вас... — улыбаясь, махнула полной рукой на Суржика рукой «звезда».

— Гастролируете по стране?

— Ну! — кивнула «звезда». — Средне-Камск, Верхний Волочек, Нижний Уткинск! Сплошное захолустье! На столичные площадки нас не пускают! Видите ли, не тот уровень! А меня, между прочим, сама Мальвина признала. Так и сказала. «Ты, Светка, ничуть меня не хуже!». Меня Светлана зовут.

— Очень приятно. Меня Валерий!

— Знаете! — понизив голос, заявила она, — У нас сложился потрясающий коллектив. Многие даже талантливей тех... — «Мальвина» выразительно кивнула головой куда-то в сторону, — Не просто так, похожи и все. Например, Коля Скурт явно талантливей самого Валерия Леонтьева. Их даже в жизни путают. А на сцене Скурт куда выразительнее и пластичнее. И вообще! А Лена Камышанская! Сто очков вперед даст этой дурынде, Наташе Королевой. У нас и «Отиева» лучше той, и «Марина Хлебникова», и «Винокур», и Володя Хлестов, который «Николай Караченцев».

— Вы кто по первой профессии?

— Фрезеровщица третьего разряда, — с достоинством заявила она. — Меня на заводе очень даже ценили и уважали. И заработки были приличные...

— А потом?

— Потом, суп с котом! — вздохнула «звезда». — Перепрофилировали наш «Моссельмаш». Мы ведь что выпускали? Навозоразбрасыватели! Даже на экспорт отправляли. На Кубу там, в Африку, в другие недоразвитые страны. А теперь что? Кому на хрен нужны наши навозоразбрасыватели в таких количествах? Наш цех и прикрыли...

Разумеется, фрезеровщица Света, по совместительству актриса «Шоу двойников» Мальва ничего не знала о Наде. Да и знать не могла. Но почему-то, покидая крохотную комнатку, сплошь оклеенную афишами Мальвины, уже отъезжая от убогих пятиэтажек, Суржик не чувствовал, что потратил время зря.

«Голодна и неказиста, жизнь российского артиста!» — вертелось у него в голове.

Выбраться из района Ховрино Суржику удалось не сразу. На узкой однополосной дороге, где-то рядом с платформой «Моссельмаш» Валера попал в пробку. Что-то там впереди случилось, какая-то авария, пришлось выключить двигатель и ждать, ждать, ждать, когда возобновится движение. Где-то за густой листвой деревьев периодически грохотали электрички. Суржик откинул голову на подголовник, чуть отодвинул и наклонил назад сидение, прикрыл глаза...

Который день, стоило закрыть глаза, перед ним возникала...

...Надя, широко раскинув руки в стороны, как танцовщица на канате под куполом цирка, осторожно выставляя одну ногу впереди другой, шла по рельсе заброшенной в лесу узкоколейке. Суржик, поминутно спотыкаясь, шел рядом и не спускал с нее глаз, готовый в любую минуту прийти на помощь. На эту, забытую Богом и людьми в подмосковном лесу железную дорогу они вышли совершенно случайно. Узкоколейка, сплошь заросшая лопухами и густой травой, выглядела игрушечной. Напоминала аттракцион из парка им. Горького.

На второй день они с утра решили поехать загород развезаться. Просто так, без адреса и направления. Куда кривая вывезет. Через час свернули с НовоРижского шоссе в сторону, проехали по бетонке несколько километров и въехали в симпатичный березовый лес. Прямо как на картине Левитана «Березовая роща». Свою «Ниву» оставили на опушке и побрели почти по пояс в густой зеленой траве.

В лесу где-то совсем рядом куковала кукушка. Надя остановилась посреди поляны и, рассеянно улыбаясь, начала вопрошать:

— Кукушка! Кукушка! Сколько мне жить на свете?

«Это не Кукушка, а Кукух!» — усмехнувшись, подумал Суржик. «Откуда ему знать, кому сколько жить. У него своя забота, позвать подругу. Он уже гнездо соорудил, вот и старается».

Но Надя этого явно не знала. Она стояла посреди поляны и, рассеянно улыбаясь, загибала пальцы на руках. Суржик нетерпеливо топтался вокруг нее, заходил

то справа, то слева, но прерывать столь важное занятие не решался.

Ждать Валере пришлось довольно долго. Надя насчитала уже больше сотни лет и явно перешла на вторую сотню. Что касается Суржика, в это мгновение он сам свято верил, они с Надей будут жить очень долго. Вместе. И умрут в один день.

Потом ему надоело ждать. ОН схватил ЕЕ за талию и закружил вокруг себя. Кружилась на лесной поляне пара — ОН и ОНА! Над их головами, как в фильме «Летят журавли», кружились березы. Кружились редкие белые облака на бесконечно голубом и бездонном небе. ОНА испуганно вскрикивала и заливалась веселым смехом. Так смеются только по-настоящему счастливые люди. В какой-то момент ОН потерял равновесие и ОНИ, упали в густую зеленую траву...

Из густой зеленой травы взлетали вверх, как из катапульты, предметы женской одежды.... Потом мужской.... Потом опять женской.... В разные стороны фейерверком летели кроссовки, джинсы, женская блузка, юбка и еще какие-то более мелкие предметы...

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! — волнами разносилось по березовой роще.

Любой пролетающей над поляной пернатой птице могло показаться, что там внизу в густой траве двое обнаженных боролись.... Но они не боролись....

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Но никаких пернатых, лохматых, хвостатых или рогатых поблизости не наблюдалось. В траве и кустах кипела, конечно, своя особая созидательная деятель-

ность. Жуки, стрекозы и муравьи строили, добывали и распределяли. И всем вместе им не было никакого дела до двоих на самой середине лесной поляны в густой траве.

Наконец Кукух, явно утомившись, замолк. Но тишины не наступало. Вокруг все стрекотало, щелкало, шуршало, ухало и чирикало на разные голоса.

— Господи! Валера! Оденься!

Суржик лежал, уткнувшись носом в траву. Вернее, правой щекой. Чтоб комфортно лежать «уткнувшись носом», ему пришлось бы выкопать небольшую ямку. Он лежал, левым глазом поглядывая на Надю. Она уже успела одеться.

— Вдруг, кто-нибудь пойдет! — продолжала вполголоса она.

— Медведь? — спросил Суржик.

— Мало ли.... Ты какой-то ненасытный.... Ведь только утром...

— Я такой.

Некоторое время оба молчали. Пробиваясь сквозь тонкие листья берез по их лицам бегали солнечные зайчики. Где-то далеко Кукух возобновил свои призывы.

— Почему ты ушла из эстрады? — неожиданно спросил Валера.

— Кончилось... — после долгого молчания ответила Надя.

— Что?

— Мое время. Я изменилась. Была девочкой. Стала женщиной. Теперь мне предстоит принять одно важное решение. Или... не принять.

Суржик почувствовал, Надя хочет сказать что-то действительно очень важное. Он приподнялся на локтях, подпер голову руками и внимательно посмотрел ей в глаза. Надя лежала на спине и по-прежнему, не мигая, смотрела в высокое голубое небо.

— Какое место в твоей жизни занимаю я? — медленно спросил Суржик.

— Занимаешь...

— Судя по твоему тону, незначительное?

— Еще не знаю. Я должна многое решить. Не многое. Только одно.

— Что решить? — почему-то испугавшись, спросил Суржик.

— Как жить дальше, — просто ответила она. — Давай больше не будем о важном и сложном. Как говорил один тип: «Неприятности у меня будут завтра!».

— Ты так и не ответила на мой вопрос! — нахмурившись, констатировал Валера. И с упорством, достойным лучшего применения, тупо добавил. — Какое место я занимаю в твоей жизни?

— Хорошее место! — повернув к нему лицо, улыбнулась Надя. — Достойное!

— А двигать предметы взглядом ты можешь?

— Ты чего? Отвали!

— Если умеешь снимать головную боль, почему бы — нет. Мы бы могли организовать свое дело. Ты на сцене взглядом предметы двигать, я — деньги подсчитывать.

Надя засмеялась и аккуратно ладошкой закрыла ему рот.

Татьяна Котова припарковала свою «девятку» чуть в стороне от подъезда дома на Кронштадтском бульваре. Пристроилась в тени трех молодых берез. Сквозь лобовое стекло по ее лицу забежали солнечные зайчики, ветви берез едва заметно колыхались на легком ветру. Настроение у нее было превосходное.

Татьяна тщательно закрыла на ключ машину. Она обошла ее кругом, проверила все ручки. Решительной походкой направилась к подъезду. Именно такой походкой и должна ходить современная деловая женщина. Бизнес-вумен. Самостоятельная и уверенная в себе. И окружающие должны в ней чувствовать – независимость и самостоятельность. На НЕЙ легкий серый плащ-накидка, который очень удачно скрывает чуть заметную полноту. В руках изящная, но вместительная сумка. Ничего лишнего.

Татьяна поднялась на лифте до третьего этажа, но тот замер и «задумался». Двери не открывались. Секунду подумав, Татьяна вспомнила специфику этого лифта и нажала на пятый этаж. Потом опустилась на третий. Едва успела нажать на кнопку звонка, как за дверью послышался радостный лай и цоканье когтей по паркету. Продолжительная барабанная дробь собачьих лап по двери.

«Наконец-то!» — ликовал лохматый Челкаш. Его собачья душа пела от восторга.

Дверь распахнулась, и она увидела небритого, мрачного Леонида.

— Явилась, не запыхалась! — проворчал он тоном недовольного супруга. И чуть отступил в сторону, давая Татьяне возможность войти.

Татьяна вошла в коридор и замерла с некоторой нерешительности. Челкаш вокруг ее ног просто какие-то варварские танцы вытанцовывал. Бесперывно лаял, а потом начал крутиться на месте, пытаясь заловить свой собственный хвост.

— Могла бы, и позвонить предварительно, — продолжал ворчливым тоном Чуприн. — Вдруг, я уже квартиру продал.

— Исключено, — сказала она. — За такую цену никто не купит.

— Что с твоей машиной? Не залило дождем? — поинтересовался Леонид, закрывая дверь. Он подхватил под мышки костыли и довольно стремительно переместился в свой «кабинет». Уселся в кресло, морщась, начал массировать себе под мышками.

— Натирает слегка, — ответил он на вопросительный взгляд Татьяны. — У тебя какая тачка? Небось, какая-нибудь «Вольво» или «Ауди»?

— Знаете, — недовольно нахмурясь, ответила она, — при моей работе, машина, отнюдь не роскошь.

Про себя Татьяна тут же отметила странную закономерность. Почему-то вспоминать об этом небритом, грубоватом писателе и художнике было приятно. Она этим вчера весь вечер занималась. Думала о нем. Но как только встретились глазами, заговорили, сразу возникло неудержимое желание во всем ему возражать. Даже грубить.

— Не боишься одна ездить? — усмехнувшись, спросил Леонид.

Татьяна распахнула плащ, демонстративно похлопала рукой по кобуре.

— Я вооружена! — сказала она. И тут же пожалела об этом. Какая-то девчоночья выходка. Зачем, зачем ему показывать кобуру!?

Чуприн словно только того и ждал. Радостно заулыбался.

— Вооружена и о-оче-ень опасна!!! — покачивая головой, заявил он.

— За себя, если что, постоять смогу, не волнуйся! — жестко ответила она.

Леонид понимающе покивал головой, взял со стола книгу, протянул Татьяне.

— Ты забыла вчера. Прочти. Вдумчиво, с толком, с чувством, с расстановкой...

— Благодарю! — сильно выдохнув, сдержанно сказала она. Взяла книгу, спрятала ее в сумку. Потом в упор взглянула на Леонида и заставила себя улыбнуться.

— Ладно, черт с ней! Угостите сигареткой! — решительно сказала она. — Раз в неделю обязательно бросаю курить и все... бестолку.

— Завидное постоянство.

Чуприн преувеличенно вежливо протянул ей пачку, щелкнул зажигалкой, дал прикурить. Еще раз щелкнул зажигалкой, закурил сам. Некоторое время оба молча курили. Челкаш пару раз выразительно чихнул. С намеком, со значением, но они не обратили на него внимания. Продолжали дымить и дымить. Она — жадно и по-

чему-то торопливо, он, – едва попыхивая, насмешливо поглядывая на нее.

Именно этот насмешливый взгляд опять начал дико раздражать Татьяну.

— Жаль! — неожиданно для себя самой, жестким тоном сказала она.

— Чего тебе жаль?

— Ваши книги адресованы в основном детям и юношеству? Молодежи...

— Ну... так, — неопределенно ответил Чуприн. — Так-то не особенно задумывался об этом.

— Заметно! — резко сказала Татьяна. И опять тут же пожалела об этом. Ни ничего с собой поделать уже не могла. Ее опять понесло.

— Что!? — нахмурившись, спросил Леонид.

— Если б вы всерьез занимались своей профессией, своим призванием, как модно говорить в ваших писательских кругах, писали бы иначе.

Леонид глубоко затянулся сигаретой и закашлялся.

— Что-что-о-о!? — переспросил он.

Татьяна затушила сигарету в пепельнице на столе, начала ходить по комнате взад-вперед, как учительница перед школьной доской, строго поглядывая на Чуприна.

— Для начала... — назидательно говорила она, — ... нашли бы более точный адресат! Например, женщин среднего возраста!

— Еще не хватало!

— Все ваши книги... — Татьяна, не глядя, обвела рукой книжные полки, — ...адресованы – в никуда, в пустоту!

— С чего ты решила?

— Читала!

— Неужели?

— Представьте себе! Я читала все ваши книги! — повышая и повышая голос, говорила она. — Я — единственная ваша читательница!!!

Чуприн слегка растерялся. Нахмурился, потом усмехнулся. Опять нахмурился. Челкаш тоже очень заволновался. Вскочил на все четыре лапы и вопросительно посмотрел на хозяина. Он не очень-то разбирался в литературе, но в человеческих отношениях очень даже понимал.

— Одна. Но стоит многих... — машинально пробормотал Чуприн. Потом, подбирая слова, продолжил. — Ты это... чего так разволновалась? Спокойно, спокойно... Может, капель, каких накапать? Корвалол, валокордин...

— Не фиглярничайте! Ваше положение архи-серьезно!

— Черт возьми! Уж не хочешь ли ты сказать... что отлично разбираешься в литературе!?

— Достаточно хорошо!

— Да-а!? — с откровенной издевкой спросил он.

— Представьте себе!

— Ну и... самомнение у тебя... красotka!

— Достаточно хорошо, чтобы понять, ваши книги — луч прожектора, который светит в пустоту, в никуда! Вместо того чтобы освещать путь одиноким путникам, сбившимся с дороги...

Леня Чуприн не выдержал и демонстративно начал смеяться. Сначала тихо, потом все громче и громче. Татьяна смотрела на него с откровенной злостью. Челкаш с откровенной озабоченностью и даже тревогой.

— «Одинокие путники.... Сбившиеся прожекторы...». Откуда такие словесные изыски!? Ты что, спятила... красотка?

— Не смейте меня называть «красоткой»! — заорала Татьяна.

— Констатирую. Не более.

— Еще раз назовете... — угрожающе сказала она.

— Не буду, не буду, не буду... — смеясь, продолжал Леонид. — С тебя станет. Еще выхватишь свой револьвер, устроишь пальбу. А у меня и противогаза нет.

— Газовые револьверы для сопливых девчонок!

— Понимаю. У тебя настоящий. Самый-самый. Какой калибр?

— Подходящий.

— Для чего?

— На все случаи жизни. Лучший друг. Не выдаст, не продаст.

— На крупного зверя, одним словом, — понимающе кивнул Чуприн. — Символично. «Дама с собачкой!». «Дама с револьвером!». Двенадцатого калибра. Честно говоря, тебе к лицу что-нибудь покрупнее... Гранатомет, например.

Неизвестно, чем бы кончилась эта словесная дуэль, если бы не зазвонил телефон. Резко и пронзительно. В тон ему, так же звонко и неожиданно залаял Челкаш. Не

удержался, внес свою лепту. Вернее, в очередной раз попытался разрядить обстановку.

До телефонного звонка он в полной растерянности, раскрыв от изумления пасть, наблюдал за словесной перепалкой хозяина и гостя. Разумеется, хозяин есть хозяин, он всегда на его стороне. Но и черноволосая гостья, тоже... ничего себе. Ведь пахнет от нее очень приятно. Как хозяин этого не обоняет!? Совсем тупой, что ли?

Леонид, кряхтя и постанывая, поднялся с кресла, проскакал в коридор к телефону, поднес к уху трубку. Продолжал при этом, прищурившись, смотреть на Татьяну.

— Да! Слушаю! Да! Продаю! — напористо говорил он в трубку. — Вы не могли бы перезвонить.... У меня тут... покупательница. Да, да.... Звоните, я всегда дома!

Леонид резко швырнул трубку на рычаг и с той же ноты, с той же интонацией, словно и не прерывал разговор, прищурившись, обратился к Татьяне:

— Стало быть, считаешь себя единственной моей читательницей?

— Представьте себе! — оцетинилась Татьяна.

— Единственная и... неповторимая! — задумчиво покусывая губы, сказал он. — Это так. К слову. Не обращай внимания.

Леонид довольно легко переместился из коридора к столу, уселся в кресло.

— А вы думали, литературой интересуются только сопливые студентки МГУ? Ошибаетесь! Кстати, я тоже когда-то кончила МГУ.

— У каждого свои недостатки! — усмехнулся Чуприн. — Какой факультет?

— Подходящий.

— Для чего?

— На все случаи жизни! — ответила Татьяна. И неожиданно, с угрозой в голосе, добавила. — Литература в полном смысле этого слова, явление – общественное!

— Очень интересно! Я и не знал.

Татьяна опять, как и вчера, принялась мерять шагами комнату взад-вперед, как учительница перед школьной доской. Челкаш на всякий случай переместился из угла комнаты на самую середину. Сел на пол точно между хозяином и черноволосой.

— Литература – последняя надежда нашего обманутого народа! А такие как вы отнимают и эту последнюю надежду!

— Ты спятила! — убежденно сказал Чуприн. Без злости, спокойно и просто.

Именно это его спокойствие окончательно выбило Татьяну из колеи.

— Вы – фигляр! — с нескрываемым презрением бросила она. — И не только в бытовом смысле. Вы – фигляр в литературе. Что намного страшнее. Ради мелкого личного тщеславия, ради пустого самоутверждения, вы готовы вылить на чистые листы бумаги любую пакость, любую поверхностную банальность. Вы разлагаете молодое поколение, убиваете в них надежду... — Татьяна на секунду замолчала. Потом, сильно выдохнув, закончила, — К счастью, ваших книг никто не читает!

Леонид не выдержал, вскочил с кресла, отшвырнул в сторону костыль и, балансируя на одной ноге, попытался тоже ходить по комнате. Это у него получалось с трудом. Гипс, да еще Челкаш все время вертелся под ногами. Он оперся рукой о стену.

— Ты кто!? — заорал во все горло Леонид Чуприн.
— Нет, кто ты такая!? Кто тебе позволил!? Ты — посредница по продаже квартир или главный редактор!?

— Я — женщина!!! — заорала в ответ Татьяна.

— Вот и знай свое место!!!

Все трое, раскрыв рты, тяжело дышали. Именно, трое. Челкаш тоже, сильно разволновавшись, раскрыл пасть и тоже тяжело и прерывисто дышал. Даже язык высунул. В отличие от Татьяны и Леонида. Они языков наружу не высовывали.

— Я женщина! — свирепо шипела Татьяна. — У меня есть душа!

— И тело. Много тела.

— Ха-ам!!!

Татьяна схватила свою сумку, направилась в коридор, попыталась раскрыть дверь, но та почему-то не подчинилась. Замок забарахлил. Татьяна вернулась в «кабинет».

— Я женщина. У меня есть совесть. И чувство долга!

— И слишком длинный язык, — спокойно прибавил Леонид.

— Не волнуйтесь! Я сейчас ухожу! И ничто больше не потревожит ваш творческий покой...

— Сам не знаю... — задумчиво пробормотал Леонид. — Зачем я это слушаю?

— Я ухожу! Но запомните мои слова. Если я говорю, ваших книг никто не читает, стало быть, — так оно и есть! — решительно заявила Татьяна. И не менее решительно направилась к двери. Леня Чуприн насмешливо смотрел ей в спину...

...Как прозаик Леонид Чуприн начинал блистательно. Первые его рассказы произвели эффект разорвавшейся бомбы. Несколько месяцев в каждом углу Дома литераторов только и разговоров было, что о прозе молодого парня, только-только демобилизованного из армии. Щедрые на язык коллеги, постоянные посетители кафе и ресторана Дома литераторов не скупились на эпитеты. Ранний Бунин, поздний Чехов! Нагибин, Казаков? Да они ему и в подметки ему не годятся. Правда, кто-то из маститых предупреждал молодого прозаика. «Каждого писателя подстерегают две опасности: ранний успех и позднее признание!». И гром грянул.

Вскоре в одной из центральных газет появилась публикация под заголовком «Осторожно: мыльный пузырь!». За подписью — критик Марк Кречетов. От бедного дебютанта сей критик не оставил и мокрого места. Раздолбал в дым. Стер в порошок. Положил на обе лопатки логикой и вдобавок сломал хребет. Подобная публикация в центральной прессе по тем временам была равносильна приговору. К высшей мере наказания. Без права реабилитации. Кстати, сего критика в литературных кругах именовали исключительно «черный человек». Не иначе.

Леонид держался стойко. Очень переживал, но вида не показывал. Да и в редакциях литературных газет и журналов к нему по-прежнему относились доброжелательно. Печатали. С меньшим энтузиазмом, но все же печатали. Но и критик Марк Кречетов, «черный человек» не дремал. Каждый новый рассказ, каждую новую публикацию он встречал все той же увесистой дубиной. Причем ее увесистость от раза к разу становилась все внушительнее. Друзья сочувствовали, жена Валентина плакала, недоброжелатели торжествовали. В редакциях Чуприна встречали уже без улыбок.

В ту пору в литературных кругах гулял стишок. Очень актуальный.

«Орел был у нас председателем,
Зайчишка был нашим издателем,
А критиком был Медведь.
Что быть российским писателем –
Большое здоровье надо иметь!».

Пару раз Леонид пытался разыскать этого самого Марка Кречетова и поговорить с ним, как мужчина с мужчиной. На крайний случай, морду набить за откровенную травлю. Пустые хлопоты. Ни адреса, ни телефона сего критика никто в редакциях не знал. Скорее, знали, но опасались быть втянутыми в скандал. Времена за окном стояли самые, что ни на есть концлагерные. Удалось выяснить только одно. За псевдонимом «Марк Кречетов» скрывается какой-то очень влиятельный тип. Из высших сфер.

Постепенно в газетах и журналах печатать Леонида перестали. О том, чтоб выпустить сборник рассказов, и

речи не шло. И Чуприн на некоторое время отошел от прозы. Переключился на иллюстрации к детским книгам. Писал только «для себя», в надежде — потом, когда-нибудь и все такое. Со временем шрам на душе зарубцевался, боль ушла, но память о «черном человеке», критике Марке Кречетове осталась...

...Почему-то вдруг, именно сейчас, слушая сбивчивые речи этой неуравновешенной черноволосой особы, Леониду вспомнился «черный человек». Бред какой-то!

Татьяна с силой распахнула непокорную дверь, вышла в коридор, с той же силой захлопнула за собой дверь. Ушла. Окончательно и бесповоротно. Навсегда, короче. Правда, она забыла на тумбочке у телефона свой зонтик. Изящный такой складной зонтик, в чехле. Выложила его на тумбочку когда запихивала в сумку книгу, надписанную Леонидом.

«Достойна девяти баллов!» — думал Леонид. «По моей двенадцатибалльной шкале!». Челкаш преданно смотрел ему в глаза. И вертел хвостом. Леонид вертел в руках зонтик.

Валерий Суржик преследовал серебристую «Ауди». Новенькая мощная иномарка перестраивалась из ряда в ряд, маневрировала, резко тормозила, быстро набирала скорость и норовила скрыться в потоке машин на Ленинградском проспекте.

Погоня! В горячей крови!!!

Стоя перед «красным» светофором у метро «Аэропорт», Суржик абсолютно случайно бросил взгляд направо и... чуть не заорал на весь Ленинградский про-

спект от навалившейся внезапной радости! На заднем сидении новенькой серебристой иномарки, стоящей параллельно его машине через два ряда, он увидел... Надю! Она!! Она!!!

Она сидела, уткнувшись носом в какой-то иллюстрированный модный журнал и по сторонам не смотрела. Валера судорожно переместился на правое сидение, высунулся почти до пояса из окна и отчаянно замахал руками, надеясь привлечь внимание Нади. Почему-то закричать во все горло в этот момент он просто не догадался. Да, наверняка, и не смог бы. Недаром сказано у великого баснописца, «от радости в зобу дыхание сперло!». Парень, сидевший за рулем «Ауди», медленно повернул голову на бычьей шее, недоуменно посмотрел на него и нахмурился. Потом, едва дождав-шись на светофоре «желтого» с визгом рванул с места и начал уходить вперед по проспекту. Все дальше и дальше. Валера мгновенно перескочил обратно на место водителя и погнался за «Ауди».

Какой русский не любит быстрой езды? Суржик не был исключением.

«Ну! Давай! Давай!! Давай!!!» — шепотом уговаривал он свой «Форд». И тот не подвел. Довольно быстро нагнал серебристую иномарку и пристроился у нее на хвосте. Суржик мигал фарами, давил ладонью на клаксон, никакого эффекта. Успел разглядеть только мрачную физиономию водителя в левом боковом зеркальце «Ауди», да знакомый рыжий затылок Нади на заднем сидении. Она по-прежнему листала журнал и ни на что не обращала внимание. Парень-водитель, видимо, как-

то по-своему истолковав преследование «Форда», начал маневрировать, с явным намерением – оторваться и скрыться. Но оторваться и скрыться ему не удавалось.

Визжали тормоза обеих машин, натужно ревели двигатели, испуганно шарахались в стороны остальные, не жаждущие себе на голову приключений водителя... Гонка продолжалась по всему Ленинградскому проспекту.... Промелькнул стадион «Динамо».... На площади Белорусского вокзала к гонщикам присоединилась патрульная машина ГАИ.... Неповоротливый с виду «Форд» по громкой связи расшугал всю остальную колонну машин и цепко пристроился за машиной Суржика...

— Водитель «Форда»! — заревел на всю Тверскую улицу патруль. — Поставьте машину справа! Машину – справа, я сказа-ал!!!

— Водитель «Ауди»! Вас это тоже касается! Машину – справа-а!!!

Но парень, сидевший за рулем «Ауди», явно плевать хотел на указания патрульной машины. Он выскочил на резервную полосу и помчался к площади Маяковского. Суржик рванул за ним. Патрульная машина ГАИ – за «Фордом» Суржика.

Очевидно, такое непочтительное отношение к правилам дорожного движения, и к приказам, исходящим от стоящих на страже соблюдения этих самых правил, окончательно взбесило сидевших в патрульной машине ГАИ.

— Машины справа-а!!! Господа-а, ма-ать вашу-у!!!
— ревел один голос.

— Сто-оять ко-озлы-ы!!! Обои-и, сто-оять!!! — перекрывал второй голос.

На Пушкинской площади предупредительно зажегся «зеленый». Не иначе, распорядились из патрульного «Форда» — пропустить. Явно чтоб не создавать аварийную ситуацию. Она и так на всем протяжении Тверской улицы накалилась до предела. Истеричные гудки и пронзительные визги тормозов неслись уже со всех сторон. Перекрывая все звуки из динамиков патрульного «Форда» ГАИ уже неслась, знакомая каждому с детства, откровенная апелляция к чьей-то матери.

Сразу за Пушкинской площадью «Ауди» резко свернула направо во второй переулок и скрылась из вида. Суржик едва успел среагировать. Затормозил, подал чуть назад и помчался вслед за «Ауди» по узкой улочке, как по горному ущелью, мимо припаркованных справа и слева машин. Нагнал «Ауди» он только у служебного входа МХАТа им. Горького. Машина стояла у стены огромного и мрачного здания театра. Водитель, парень с бычьей шеей и накаченными бицепсами, как ни в чем, ни бывало, ковырялся в багажнике. Как только Суржик остановил свой «Форд», метрах в десяти от него, и вылез из машины, парень выпрямился и повернулся. В руках у него появилась бейсбольная бита. Поигрывая ею, он пошел навстречу Суржику.

— Надя-а! Надя-а-а!!! — заорал во все горло Суржик, пытаясь обойти парня и заглянуть в салон «Ауди». Тот решительно загородил ему дорогу.

— Ща-ас я те дам... Надю-у! — угрожающе зарычал парень с битой в руках.

В это мгновение на площадку перед служебным входом МХАТа им. Горького с воем сирен и мигающими фарами выскочили сразу два патрульных «Форда». Остановились справа и слева от машин Суржика и парня с бейсбольной битой. Из «Фордов» выскочили сразу четверо блюстителей закона с автоматами наперевес и взяли в кольцо вопиющих нарушителей правил дорожного движения.

— Шумахеры-ы, да!? Шумахеры-ы!? — возмущенно орал старший из блюстителей. Имя всемирно-известного прославленного автогонщика в его устах звучало, как очень неприличное ругательство.

— Руки-и на капот! Обои-и!!! — рявкнул второй из гаишников. Его коллеги мгновенно отобрали у парня из «Ауди» бейсбольную битку. Его и Суржика поставили лицами к машинам, обыскали и оставили стоять с широко расставленными ногами, головами вниз.

Поправляя на плечах автоматы, блюстители дорожного движения передавали друг другу документы обоих «шумахеров» и о чем-то вполголоса переговаривались. В этот момент из серебристой «Ауди» выскочила рыжеволосая девица, даже отдаленно не похожая на экс звезду шоу бизнеса Мальвину. Она в ярости двинулась на гаишников, изрыгая изо рта поток таких ругательств, угроз и проклятий, что даже слышавшие много всякого разного на своем веку гаишники, покраснели. Нет, это была совсем не Надя Соломатина.

— Козлы-ы! Козлы-ы позорные!!! — бесновалась крашенная девица.

Валерий Суржик громко захохотал. Гаишники в недоумении уставились на него. Он повернулся спиной к своему «Форду», опустил на корточки и, прикрыв глаза, покачивая головой, хохотал, хохотал.... Так смеются только в каком-нибудь Монте-Карло безумные фанатики игры в рулетку. Поставившие на одну цифру свое состояние и, разумеется, проигравшие все до последнего цента.

Кто смеется над самим собой, всегда вызывает подозрение.

5

Каждый мужчина должен воспитать ребенка, посадить дерево и написать книгу. И еще построить дом. Хотя, на этот счет существуют разные точки зрения. Возможны варианты, в зависимости от индивидуальности. Некоторые считают достаточно «воспитать» жену и «посадить» печень, остальное приложится. Первые три обязательных пункта Суржик выполнил. С переменным успехом, но все-таки. Сын Игорь получился вялым, апатичным и амбициозным. Не учился и не работал. Сутками валялся на диване, слушал музыку и ждал когда ему принесут на блюдечке с голубой каемочкой миллион долларов. Что касается посадки деревьев и написания книг, Суржик план перевыполнил. Посадил множество деревьев и написал множество книг. Когда выпал шанс построить дом, разумеется, Валера впал в строительную лихорадку.

Вступив в Союз писателей, Суржик хапнул участок в садово-огородном товариществе «Прозаик». Аж, целых

восемь соток. И загорелся отгрохать – Дом! С большой буквы. Виллу, фазенду, коттедж и все такое. Чтоб Дом тот, не был похож ни на какие другие. Чтоб в Доме том — было все! Большая уютная гостиная с камином, бильярдная в подвале, просторная кухня с длинным столом, множество спален на всех этажах для друзей с их женами или подругами, душевые комнаты, два балкона. И, разумеется, его личный кабинет, чтоб в случае необходимости послать всех и с головой окунуться в работу. В тишине и покое, на свежем воздухе.

С присущей ему неумемной энергией Валера ринулся в строительство. Планировал возвести дом в рекордно короткие сроки. За полгода. Максимум – за год. Блажен, кто верует. Строительство растянулось на целых девять лет!

Более уродливого сооружения и по сей день не найти в ближайшем Подмосковье. Раз в неделю Суржик наезжал на участок. Каждый раз с новой идеей, с новым проектом. Бригады строителей менялись с частотой пригородных электричек в субботний день. Результат бурлящей фантазии Валеры не замедлил сказаться уже на первом этапе. Часть фундамента была кирпичной, часть из бетонных блоков, часть покоилась на железных сваях. Первый этаж наполовину из красного кирпича, наполовину из белого. Второй этаж из деревянного бруса, третий надстроен из асбестоцементных плит, пригодных только для внутренних перегородок. Все материалы были некондиционными, большинство просто бракованными. Часть крыши покрыта шифером, часть

кровельным железом, козырек над центральным входом красной черепицей. Это было нечто!

— Эkleктика-а! Боже мой, какая эkleктика-а! — качали головами соседи справа, муж с женой, Феликс и Нора. Оба искусствоведы с учеными степенями.

Справедливости ради стоит заметить, даже само понятие «эkleктика» содержит в себе некую систему законов и правил. «Эkleктичный» особняк Суржика нарушал и эти, да и вообще все возможные архитектурные законы, инженерные правила и инструкции. Как он вообще-то стоял, не завалился набок и не рухнул, оставалось только удивляться.

— Самодурство! — хмурился и возмущенно кашлял сосед слева, Игорь Самосеев, отставной военный. В прошлом журналист-международник.

Комментарии и оценки остальных соседей и обитателей писательского поселка были аналогичными. Особняк мгновенно стал местной достопримечательностью. Японцы, как-то заехавшие в гости к переводчику Яну Краснянскому, все чуть в обмороки не попадали, увидев сие сооружение. Непрерывно щелкали фото-видеокамерами со всех возможных ракурсов, и в раскосых глазах жителей страны Восходящего солнца надолго поселился самый неподдельный ужас.

На третий день Суржик повез Надю на свою дачу. По Волоколамскому шоссе до Истры домчались всего за полчаса. Она высовывала руку и подставляла ладонь жаркому упругому воздуху, с гулом несущемуся мимо окна. Будто хотела его поймать, удержать. Он весело хохотал и все давил, давил на педаль газа. Если б у

«Форда» были небольшие крылья, он бы без видимых усилий взлетел...

Это были фантастические мгновения радости. В чистом виде, без подмеса.

Шоссе в тот час было пустым. ОНИ были совершенно одни на всем протяжении Волоколамки, от Кольцевой дороги до самой Истры. Только ОН и ОНА в бешено мчащемся «Форде». Казалось, на много-много километров вокруг жизнь замерла, остановилась. ОНИ летели по шоссе, над шоссе, и только редкие стайки воробьев испуганно шарахались с обочин дороги. Да какая-нибудь задумчивая корова провожала их машину равнодушным взглядом своих огромных глаз. И только когда въехали в Истру, когда на переходах появились прохожие и откуда-то возникли встречные и попутные машины, только тогда ОНИ, очнувшись, вернулись на землю...

В самом центре города, после плавного поворота налево, перед ними возник во всем величии НовоИерусалимский монастырь. Точная копия того, с которого все и началось. Надя незаметно перекрестилась.

— Ты крещеная? — удивился Суржик.

Надя не ответила, только головой кивнула. Если бы тогда он подробно расспросил ее или хотя бы был чуть проникательнее, ему не пришлось бы впоследствии мотаться по всей Москве. Узнавать адреса, телефоны, волноваться, страдать и чувствовать себя бесконечно одиноким молодым человеком третьей свежести. Он бы знал точный адрес. Но нет, в тот момент Валера Суржик был упоен ездой, послушной мощной машиной, своей

удачливостью и даже могуществом. Так ему тогда казалось.

Наде особняк, как ни странно, очень понравился. Она восторженно захлопала в ладоши и засмеялась своим знаменитым смехом.

— Смотри сюда, смотри туда! Посмотри наверх!

Как заправский гид Валера Суржик водил Надю по этажам, комнатам, лестницам и закоулкам. Даже на чердак затащил. Лицо его светилось неподдельной радостью.

Посмотреть было на что! Достаточно сказать, во всем доме не было двух одинаковых стульев. Купленные в комиссионках, подаренные друзьями, подобранные на свалках самые разнообразные предметы мебели и обстановки поражали воображение. Полутораметровый глобус, позолоченные рамы без картин, бюро, секретеры, этажерки, тумбочки, банкетки. Детские игрушки, коллекции пустых винных бутылок самых причудливых форм, светильники, бра, люстры, торшеры, древняя радиола, последней модели телевизор. Как ни странно, все это обилие вещей и предметов создавало своеобразный уют. Многочисленные друзья очень любили загородный дом Суржика. Хоть и окрестили его «Титаником», посещали многократно. По любому поводу. И вовсе без повода.

В углу подвала с потолка капала вода. В большую полиэтиленовую бочку. Кап-кап. По стенам в художественном беспорядке висели афиши эстрадных концертов, в которых поп идолы когда-то исполняли песни на стихи Валеры Суржика. Разумеется, если их можно было

назвать песнями, а тексты стихами. Как-то не сговариваясь, Суржик и Надя с первого дня знакомства не особенно касались темы «эстрады».

Еще в разгар строительства Суржик мечтал устроить в подвале бильярдную, с баром и удобными креслами. Чтоб друзья-приятели могли сыграть партию-другую, покурить трубки или сигары. Мечту не суждено было воплотить. Энергии и денег хватило только на стол для настольного тенниса.

— Сыгранем? — спросил Суржик.

Надя пожала плечами и улыбнулась.

— Я не умею.

— Чего тут уметь? — удивился Валера. — Ракетку в руки и... вперед!

— Я вообще мало что умею. Только петь и танцевать. Я ведь детдомовская. Долгое время не знала даже как чай заваривать. Наша воспитательница Баба Лора сама умела только петь и танцевать. И любить детей. Дрессировала нас танцами и пением с утра до вечера. Не удивляйся, я очень многого не умею в этой жизни.

— Лора? — нахмурившись, спросил Суржик.

— Она была испанкой. Настоящей испанкой! — улыбнулась Надя.

— Я тебя научу! В два счета! — решительно заявил Валера.

— Не надо, — помотала головой Надя. — У меня не получится.

— Хватит болтать! К столу! Главное — отработать неотразимую подачу. Держи ракетку! Вот так!

Надя, улыбаясь, неловко взяла в руки ракетку.

— Так и знал! Ты левша! Давно замечено, левши — более талантливы. Во всех смыслах. Но сейчас переложи ракетку в правую! Встань ближе к столу!

Надя неуверенно подошла к столу.

— Ты что, действительно, никогда не играла? Никогда-никогда?

Она, улыбаясь, отрицательно помотала головой.

— В нашем «Журавлике» настольного тенниса не было.

— Хоть один глазом видела, как играют другие? — не унимался Суржик.

— По телевизору, — кивнула Надя. — Один раз. Но ничего не поняла.

Валера вздохнул, облокотился обеими руками о стол.

— Не понял! Чего не поняла ты?

— Ну... — неопределенно мотнула головой Надя. — Не знаю. Они перебрасывались этим шариком так зло, резко. Будто убить друг друга хотели. Какой в этом смысл?

— Потрясающе! Ты какая-то... действительно... не от мира сего.

— Нас в детдоме вообще воспитывали по-другому. Готовили к какой-то другой жизни. Не к такой, какая сейчас.

— Какой смысл, какой смысл? — презрительно фыркнул Суржик. — Это игра! Азарт, вдохновение! Сейчас, объясню на пальцах. Значит, так! — начал он бодрым тоном учителя по физкультуре. Отложил ракетку и начал показывать.

— Стоять надо вот так. Не дальше и не ближе. Каждый подает пять ряд кряду. Его задача подать так, чтоб соперник не смог принять подачу. А задача соперника – наоборот – отразить. И в свою очередь нанести неотразимый ответный удар. Выигрывает тот, кто первым наберет двадцать одно очко. Понятно?

— Честно говоря, не очень... — растерянно улыбнулась Надя.

— Давай! Чего тебе неясно?

— Ты сказал, задача одного заставить ошибиться другого? — спросила она.

— Естественно! Абсолютно! — пожал плечами Суржик.

— Мне это не нравится, — задумчиво и очень серьезно сказала Надя. — Получается, играющие – соперники, враги?

— Конечно. В некотором смысле – да. Разумеется.

— А если наоборот? — неожиданно спросила она.

— То есть?

— Если каждый будет стремиться помочь другому. Играть так, чтобы другому было легче, а не сложнее.

— Зачем?

— И тот, его соперник тоже будет так поступать. Тогда они будут не врагами, а союзниками, друзьями.

— Ты это... серьезно? — нахмурившись, спросил Суржик.

— Конечно. Разве так нельзя?

Надя смотрела на него широко распахнутыми глазами, как ребенок. В ее взгляде Суржик не видел и тени иронии, насмешки или чего-либо подобного.

— В поддавки, что ли!? Как в шашки? Потрясающе!!!

— Нет, — покачала головой Надя. — Поддавки в шашки я знаю. Это не то. Там кто хитрее, кто кого обманет, тот и победит. А если... кто благороднее, честнее — разве так нельзя играть?

Суржик взлохматил волосы, вернее, то, что от бывшего величия осталось у него на лысине, прошелся взад-вперед перед столом.

— Потрясающе! Честно говоря, никогда еще с такого ракурса не смотрел на это дело!

— Разве так нельзя? — пылливо спрашивала Надя.

— Можно, наверное. Если все наоборот — тогда.... Как это тебе пришло в голову?

— «Снип! Снап! Снуре!», — неожиданно пропела Надя. — «Снуре! Базелюре!». Нас так воспитывала Лариса Васильевна Гонзалес. Наша мать. Не бросай друга в беде. Будь всегда честен. Не подличай, не лги. Не завидуй. Что хорошего в этой игре, если у одного задача — унижить другого?

— Унизить!? Потрясающе!

— Проигрывать, наверняка, обидно.

— Как-то ты все... наизнанку вывернула. По сути, конечно, ты права. Погоди! Один момент! Но в твоём случае все равно тоже будет проигравший, верно?

— Проиграет тот, кто был недостаточно благороден! — убежденно ответила она.

— Ну, знаешь... — засмеялся Суржик. — Признать, что ты был недостаточно благороден — не сахар. Лучше признаться, что был недостаточно ловок.

— Как для кого, — пожала плечами она, — Помоему, лучше несовершенный ангел, чем образцово-показательный черт.

— Образцово-показательный черт!?! — громко засмеялся Валера. — Господи! А ведь ты, действительно, совсем еще ребенок!

Неожиданно настроение его резко переменялось. Веселость как рукой сняло.

Валера глубоко вздохнул и присел прямо на стол, но как-то боком. При этом умудрился даже ногу на ногу закинуть. Это была его обычная манера. Он всегда сидел как-то не так, как все. Другому бы и в голову не влетело, сесть на стол для пинг-понга. Да еще и ногу на ногу закинуть. Но именно в этом был весь Валерий Суржик.

— Знаешь, солнышко... — с грустью сказал он, — ты напомнила мне... меня самого. В далеком детстве. Маленьким я был... — Валера, усмехаясь, сокрушенно помотал головой. — Когда фотограф говорил, смотри сюда, сейчас вылетит птичка, — я верил. И ждал. Мать говорила, в реке живет золотая рыбка. И я верил. И ждал, вот-вот она выплывет и спросит о моем самом сокровенном желании. А самым моим сокровенным желанием было, — чтоб все друг с другом дружили. Делились игрушками, делали подарки и все такое. Тогда я готов был каждому встречному протянуть в своих маленьких руках все свои игрушки. И я протягивал! И они брали!! Охотно брали!!!

Суржик неожиданно соскочил со стола, начал нервно расхаживать по подвалу.

— Потом я вырос! — жестко говорил Валера. — Жизнь на другом замешана, солнышко! Не на состязании в благородстве и порядочности! На другом! Увы, но это так! Эта игра... — хлопнув ладонью по столу, продолжил он, — ...самая невинная модель человеческих отношений.

Надя отрицательно покачивала головой. При этом улыбалась своей обычной улыбкой. Доброжелательной, чуть загадочной и слегка снисходительной. Так улыбается «Джоконда» с картины великого Леонардо. И никто до сих пор понять не может, что за этим стоит? Какая-то загадка? Почему она ТАК улыбается?

— Да, солнышко, да! — настаивал Суржик. — Ты играешь, значит, живешь. Выбываешь из игры, следовательно, не живешь, прозябаешь. Я играю. Пока. И пока выигрываю. Хотя бы у самого себя.

— Такая игра не может принести радости! — спокойно ответила Надя. — Ни тебе, ни кому-то другому. Разве нельзя всем договориться и играть на других условиях?

— На твоих, ты хочешь сказать? Никто не согласится. Людей хлебом не корми, дай обскакать другого. Хоть в игре, хоть в чем!

— Давай попробуем! Что ты теряешь? Ведь никто не увидит. Один разок!

— Значит, что, все наоборот? Хорошо! Попробуем! Потрясающе!!!

Суржик схватил ракетку в руки, подошел вплотную к столу.

— Черт! Волнуюсь, как школьница перед выпускным экзаменом.

Валера Суржик быстро подошел к тумбочке в углу подвала, нажал на клавишу магнитофона. Из динамиков полилась блюзовая мелодия, «Колыбельная птичьей земли». Это была любимая мелодия Суржика. Ее он мог слушать бесконечно.

— Начали!!!

ОН и ОНА заговорчески улыгнулись друг другу. Потом ОН осторожно, даже как-то с трепетом сделал намеренно высокую подачу. ОНА приняла и ответила ему тем же. Белый шарик высоко и плавно скакал по столу. Направо – налево, направо – налево....

Если бы кто-то из любознательных соседей случайно заглянул в подвал уродливого особняка на восьмой южной улице, он бы увидел — ОН и ОНА, стоя по разные стороны теннисного стола, играли в странную игру. Будто танцевали какой-то, полный таинства и изящества, давно забытый танец. ОН и ОНА весело и беззаботно смеялись. Так смеются только по-настоящему счастливые люди.

Когда перед очередной подачей ОНИ застывали по разные стороны стола, их грациозные позы напоминали фигуры со старинных гравюр. Их невольно хотелось переодеть в наряды какого-нибудь восемнадцатого века. Или даже семнадцатого. Но, разумеется, никто из любознательных соседей в подвал уродливого «Титаника» не заглядывал.

Третий визит в квартиру одинокого писателя Леонида Чуприна на Кронштадтский бульвар Татьяна Котова нанесла, вырядившись по все белое. Белые расклешенные джинсы, белые туфли на низком каблуке, белая просторная кофта. Глупости болтают, будто белое полнит. Кого как. Ей очень даже к лицу.

«Может Ей в блондинку перекраситься?» — думала Татьяна, поворачиваясь утром перед зеркалом в коридоре так и эдак. И мысленно сказала той, в зеркале. — «Дура ты!». Сегодня ТА, другая Татьяне Котовой активно не нравилась. Бывают такие дни.

Татьяна приучила себя каждое дело доводить до конца. Пора в отношениях с небритым писателем и художником поставить жирную точку. И забрать свой зонтик. Всегда предельно аккуратная и осторожная на дороге, сегодня Татьяна вела свою «девятку» так, что окружающие только в разные стороны шарахались. Одни, наблюдая ее размашистую манеру вождения, укоризненно покачивали головами, другие беззвучно матерились. Правду говорят, «Женщина за рулем, обезьяна с гранатой!». Сегодня она иллюстрировала это мудрое изречение во всей его полноте и яркости.

На третьем этаже перед знакомой обшарпанной дверью она на секунду замерла. Потом, собравшись с духом, решительно нажала на кнопку звонка. Дальше началась какая-то дикость, какая-то лишенная смысла и всяческой логики, фантазмагория. ОНА, (та, другая!), в нетерпении принялась стучать костяшками пальцев в дверь.

«ОНА сошла с ума!» — успела подумать Татьяна. За дверью слышался знакомый радостный лай и стук костылей по паркету. Дверь распахнулась.

Очевидно, белые одеяния преобразили Татьяну до неузнаваемости. Чуприн и Челкаш оба, как по команде, застыли в изумлении. И даже рты раскрыли.

— Ваших книг, действительно, никто не читает! — провозгласила Татьяна, решительно входя в квартиру. Даже не здороваясь, даже не дождавшись приглашения войти.

— Так уж и никто? — успел только буркнуть Чуприн, закрывая за ней дверь.

Татьяна вошла в «кабинет», остановилась посреди него. Точно по центру. Под люстрой. От нее волнами исходила такая пульсирующая энергия, что Леониду Чуприну впору было защитный скафандр надевать. Или на худой конец хоккейный шлем. Он растерялся.

— Я много езжу по делам, бываю во всех районах города, постоянно заглядываю в книжные магазины и библиотеки.... — пулеметными очередями выдавала она.

— Никогда бы не подумал! — попытался иронизировать Леонид. Но это у него не получилось. Под натиском «женщины во всем белом», любой бы отступил.

— В магазинах из ваших книг не куплен ни один экземпляр! К счастью!

— Неправда ваша! — пытался возразить Чуприн. — Не далее как вчера мне звонили из одного книжного магазина...

— В библиотеках ни одна из ваших книг не выдана на руки!

— Тем более, неправда! Сегодня утром, всего час назад мне звонили из нашей районной читальни, просили зайти. Они устраивают вечер встречи с.... Если б не нога...

— К счастью! — повысив голос, почти выкрикнула Татьяна. — К счастью, сегодня молодежи не до чтения! Иначе, даже трудно представить – какому чудовищному разрушению подверглись бы их нежные души...

Татьяна уже не просто говорила, она – вещала! Таким тоном, с таким напором выступают с трибун. На собраниях, съездах, симпозиумах. Писатель Чуприн потрянул головой, собрался и взял себя в руки. Не до конца, но все-таки.

— Раскрой глаза, красотка-а! — почти весело заорал он. — У нас давно нет никакой молодежи! По улицам бродят стада длинноволосых обезьян!

— У нас прекрасная молодежь! Умная, честная...

— Грязные, тупые...

— В массе – наивные, порядочные, добрые...

— Алкаши, наркоманы, ворье...

— Мо-о-олча-ать!!! — голосом Верховного Главного командующего рявкнула Татьяна. Не иначе, взыграли гены родителя. Военного, в больших чинах. — Не смейте!!! Не смейте всех... под одну гребенку!!!

И в ту же секунду, как дополнение, как выразительный мазок неведомого режиссера, за окном оглушительно гроыхнул гром. Челкаш привычно спрятался под письменный стол. Леонид, еще не успев войти в

свой «кабинет» и основательно обосноваться в кресле за столом, замер на пороге. Попытался в очередной раз усмехнуться, но усмешка у него вышла какая-то кривая. Он ее мгновенно согнал с лица.

Чуприн уже открыл рот, очевидно, чтоб что-то возразить Татьяне. Но тут в дополнение ко всему прочему, раздался громкий стук в стену. Стучали чем-то тяжелым. Настырно и даже агрессивно. Послышался хриплый мужской голос:

— Эй! Писатель, мать твою!!! Нельзя ли потише! Люди после смены отдыхают!

Чуприн стремительно подковылял к стенке, поднял руку, очевидно, хотел постучать в ответ, но передумал. Несколько мгновений он так и стоял у стены с поднятым кулаком. Татьяна неподвижно стояла посреди «кабинета» в той же воинственной позе.

— Моя дочь... не такая! — жестко, почти по складам отчеканила Татьяна.

Леонид резко повернулся, чуть не потеряв при этом равновесие. Но на одной ноге все-таки удержался. Прицеливаясь, оценивающе разглядывал Татьяну.

— Да, да. Понимаю, — задумчиво пробормотал он, — Ей некогда. Носится по кругу на велосипеде, как угорелая кошка...

— Ее подруги... не такие! — настаивала Татьяна.

— Да, да. По трэ-эку! Это у них трэ-эк называется. Интеллектуальное занятие для молодой девушки, ничего не скажешь. Разумеется, им не до чтения книг.

— Вы черните все вокруг по одной простой причине...

— Давай, давай! — усмехнулся Леонид. — Режь правду-матку! Прямо в глаза!

— Просто вы – неудачник! — выпалила она. — Потому и видите мир исключительно в черном цвете! Неудачник!!!

Татьяна тут же пожалела о сказанном, потому что заметила, как Леонид побледнел. Секунду он стоял неподвижно. Потом, опустив глаза, не глядя на нее, он медленно проковылял к столу, основательно уселся в кресло, почти спиной к Татьяне, начал выдвигать и задвигать обратно ящики.

— Ты права... красотка! — неожиданно спокойным, рассудительным тоном сказал Леонид Чуприн. — Когда-то это надо признать и... перестать морочить голову. Себе и окружающим. Я плохой писатель. Ниже среднего. Что делать! Не всем же быть... Хотя, если честно, искорка одаренности во мне была... была...

Леонид достал из нижнего ящика плоскую металлическую фляжку и граненый стакан. Отвинтил крышку, плеснул в стакан чуть меньше половины. Потом нервно закурил. Челкаш под столом пару раз выразительно чихнул. Не упустил возможность выразить свое отрицательное отношение к спиртному и табачному. Чуприн, не поворачиваясь к Татьяне, продолжил глуховатым голосом:

— Я очень хорошо начинал. Подавал надежды, как говорится. Мои первые рассказы были нарасхват во всех редакциях. А потом... в один миг все полетело кувырком...

— Вам ли, писателям, жаловаться! — откликнулась Татьяна. — Живете, как птички. Порхаете с ветки на ветку, от жены к жене, из редакции в ресторан... Легко живете!

Чуприн, не оборачиваясь, раздраженно сморщился и помотал головой.

— Чего молотишь!? — усталым голосом сказал он. — Чего молотишь, красотка!? Уши вянут, тебя слушать! Порхаете... на ветку! Знала бы всю подноготную, не вякала бы...

Татьяна несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула. Потом медленно направилась в коридор. Уже взялась за ручку двери, но опустила ее. Тихо вернулась в «кабинет».

— Хлебнешь за компанию? — не оборачиваясь, спросил Леонид. — Посошок на дорожку!

— Я на работе.

— Понимаю. При исполнении, так сказать... — усмехнулся Чуприн. — А я врежу...

Леонид поднес граненый стакан ко рту, но тут пронзительно зазвонил телефон. Чертыхнувшись, Чуприн поставил стакан, сунул под мышки костыли, поднялся с кресла, заковылял в коридор. На стоявшую в дверях «кабинета» Татьяну даже не взглянул. Только когда поднес трубку к уху уставился на нее тяжелым взглядом.

— Да! Слушаю! Да, продаю! Отличная квартира! Чистая, светлая, все удобства... — говорил в трубку Леонид. Но смотрел при этом прямо в глаза Татьяне. С вызовом и со своей обычной усмешкой. — Сухая, просто-

рная... Потолки очень высокие, два восемьдесят пять! Прекрасный вид из всех окон! Кстати, окна выходят на Запад! Под окнами – целый вишневый сад! И всего третий этаж! Вы записываете? В ясную погоду вдалеке виден даже купол Ивана Великого! Валютный вариант! Да, да! Заходите когда удобно.... Я всегда дома!

Чуприн положил трубку на рычаг, вернулся за стол, на свое привычное место. Челкаш вылез из-под стола, потянулся и выразительно зевнул. Потягивание и зевание означало только одно, «Не пора ли нам, друг Леня, пойти прогуляться?».

Леонид сильно выдохнул, залпом выпил темный напиток из граненого стакана. С удовольствием крикнул и потряс кулаками в воздухе. Таким жестом спортсмены сопровождают очередное достижение. Взятую высоту, поднятые килограммы или забитый мяч.

— Если б ты хлебнула хоть сотую долю тех унижений, через которые мне пришлось продраться... — продолжил Леонид, обращаясь к Татьяне, словно и не отвлекался на телефонный разговор. — Если б на тебя обрушилась хотя бы малая толика тех преследований, которым подвергался я.... Хотя, что я тут перед тобой.... Все равно, ни черта не поймешь. Ты из другой сферы.

— Преследования.... — протяжно сказала Татьяна.
— Разве вы диссидент?

— Бог миловал. И без того хватало?

— Кто же вас преследовал? Завистливые коллеги?

Леонид резко повернулся и слегка нараспев произнес:

— «Черный человек! Черный человек на постель ко мне садится.... Черный человек спать не дает мне всю ночь...».

Он произнес эти есенинские строчки как-то отрешенно, со скрытой горечью. При этом смотрел даже не в глаза Татьяне, а куда-то мимо нее, дальше. И морщился. То ли от боли под мышками от натирающих костылей, то ли еще от чего.

— Есть одна такая... партийная сволочь, иначе не скажешь! — задумчиво продолжил Чуприн. — Критик такой.... Марк Кречетов называется! Одна фамилия чего стоит!

Татьяна вздрогнула. Изменилась в лице. Но Леонид Чуприн этого не заметил.

— Хотя, это не фамилия, псевдоним. Кре-че-тов! — по складам произнес он, будто смаковал каждую букву. — Поберегись! Заклюет к чертовой матери!

Леонид, глубоко вздохнув, медленно повернулся в кресле к своему рабочему столу, продолжил, обращаясь к Татьяне через плечо:

— Начиная с первого моего рассказа.... Между прочим, абсолютно безобидный детский рассказ.... Раздолбал в дым! В центральной газете «Правда»! И пошло, покатилося.... От меня, как от чумного, несколько лет во всех редакциях просто шарахались. Какое-то время вообще не печатали. Потом по-тихому опять начали.... Но он тут как тут! Всегда на страже! Где б ни появился мой рассказ, в любом журнале, везде находил.... И ногами, ногами, ногами...

Татьяна слушала очень напряженно. Лицо ее по-минутно менялось. Пару раз она явно хотела перебить Чуприна, что-то сказать, но так и не решилась. Осторожно пододвинула к себе стоявший поблизости стул, бесшумно присела на него.

Леонид замолчал. Задумчиво смотрел в окно. Лохматый меньший брат Челкаш вышел на середину «кабинета» и, выразительно поглядывая на Чуприна, второй раз потянулся. И второй раз зевнул. Он никак не мог понять, почему уже который день хозяин не ходит с ним на прогулки? Вполне мог бы даже со своими дурацкими палками пройти до Головинских прудов. Их привычным излюбленным маршрутом.

— Он кто? — нейтральным тоном спросила Татьяна. — Этот Кречетов.

— Аппаратчик! Функционер! — зло бросил Чуприн. И нервно закурив, продолжил. — Наверняка, из комсомольских деятелей. Скольким моим приятелем этот «пернатый» жизнь покалечил! Страшно вспомнить! Кто уехал, кто спился.... Целых десять лет, нет, даже пятнадцать, этот «Кречетов», только в печати появится что-то новое, свежее, оригинальное, тут как тут! Налетает и долбает, долбает, долбает! Но ко мне у этого «пернатого» особая любовь была. Таких изощренных оскорблений захочешь, не придумаешь...

— За что он вас... так? — осторожно поинтересовалась Татьяна.

— Как же! С высоких гражданских позиций! — постепенно все больше распалялся Леонид Чуприн. — Гражданственность, партийность и все такое! Я никогда

не входил ни в какие группировки, не подписывал никаких писем. Работал себе и работал. Видно, этого «пернатого» не устраивал сам факт моего существования. Моя полная безыдейность. Я всегда был выше всех этих идеологических идиотизмов. А время тогда было совсем уж уголовное! «Слава КПСС» и все такое! «Кто не с нами, тот против!».

— Все-таки вы состоялись как писатель, — неуверенно вставила Татьяна. — Вон сколько книг напечатали!

— Если по большому, мне тоже, как и многим другим, сломали хребет! — с горечью усмехнулся Леонид. И добавил. — Это тебе, красотка, не квартирами спекулировать!

Татьяна дернулась, побледнела, демонстративно посмотрела на часы. Поднялась со стула, поправила прическу, одернула кофту, переложила из одной руки в другую сумку. Но осталась стоять на месте, явно чего-то ждала.

На Суржика, как гонконгский грипп навалилась депрессия. Для холериков и жизнелюбов депрессия просто беда. Валера ненавидел это состояние. Вялость, раздражительность, апатия. Ему они никогда не были свойственны. Но иной раз даже его «бездумный оптимизм», как выражался Леонид Чуприн, давал сбой. Такое с Суржиком случалось всего два раза в жизни. И вот опять...

Позади три морга, пять отделений милиции, несколько сотен звонков, поездки в противоположные

концы города по разным адресам. Дважды Валера, (за немалые деньги!), прорывался и заглядывал одним глазом в реанимационные отделения двух больниц. Результат, ноль! Никакого результата. Надя как воду канула. Испарилась в душном, липком воздухе необъятного мегаполиса, исчезла без следа.

Глупости говорят, будто отрицательный результат, тоже результат. Эффектная фраза, не более того. Возможно, в каких-то там точных науках, это так. В реальной практической жизни, ноль, он и в Африке ноль. Как ни убеждай себя в обратном.

После очередного отделения милиции Суржик автоматически, не задумываясь, подъехал к Дому литераторов. Остановил машину и несколько секунд соображал: зачем, собственно, он сюда приехал? Инстинкт какой-то!

Валера выключил двигатель, запер машину и через центральный вход вошел в буфет первого этажа. Механически с кем-то поздоровался, кому-то кивнул, вежливо улыбнулся буфетчицам, но в голове его была полнейшая торичеллиева пустота. Ни мыслей, ни чувств, ни-че-го! Только чудовищная усталость. Сел за столик спиной к входу в ресторан, долго глазел на чашку черного кофе и сто граммов коньяка в тонком стакане. Зачем он это взял в буфете? Ведь не хотел пить ни того, ни другого.

Кафе первого этажа было непривычно пустым. Изредка какой-нибудь озабоченный литератор или, не менее озабоченная редакторша, стремительно проходили по залу и скрывались за дверьми ресторана. Обе-

ды уже кончился, вечерние ужины еще не начались. Суржик поднял глаза и в тысячный раз принялся рассматривать надписи на стенах.

«Я, недавно ев тушенку, вспоминал про Евтушенку!» — начертал один из остроумцев-рифмоплетов, за всегдатаев Дома литераторов.

«Съев блюдо из пяти миног, не мни, что съеден осьминог!» — чуть ниже подписал сам Евгений Евтушенко. Он тоже довольно часто посещал сие заведение и не мог пропустить выпад в свой адрес. «У поэтов есть такой обычай...».

Валера тупо глазел на эти строчки и никак не мог понять их смысла. Почему-то именно сегодня они представлялись абсолютной белибердой.

— Привет! В одиночестве? И мрачный, яко туча.

Перед его столом с рюмкой в одной руке и тарелкой, на которой красовался бутерброд с красной рыбой в другой, возник Билл Белов, писатель-детективщик. Вообще, он был Игорем по фамилии Булкин, но псевдоним взял соответствующий жанру, в котором с успехом трудился уже много лет. Кто звал его Биллом, кто Игорем. Булкин откликнулся и на то, и на другое. Худенький, щуплый, с постоянной слегка виноватой улыбкой на лице, он всегда пребывал в ровном элегическом настроении. Никогда ни с кем не спорил. Глядя на него, трудно было поверить, что Игорь долгие годы прослужил в МУ-Ре и раскрыл множество чудовищных преступлений. Потом по болезни ушел со службы и с головой ушел в написание детективов.

Суржик жестом пригласил его за свой столик. Чокнулись, выпили. Белов со вкусом жевал бутерброд, Суржик рассеяно курил. Довольно долго молчали. Каждый о своем. По буфету туда-сюда, из ресторана на выход, сновали редкие посетители.

И вдруг Валера, неожиданно для себя, рассказал Белову-Булкину все. Так и вывалил на голову добродушного детективщика все свои горести и напасти. Все морги, больницы, притоны наркоманов и «обезьянники» на вокзалах. Начиная с того момента, когда впервые увидел Надю босой на Никитской улице. Белов слушал очень внимательно. Ему не привыкать. Он и не такое в своей жизни слышал. Не перебивал и не оглядывался по сторонам. Редкое качество для писателя, умение слушать другого. Будь он хоть детективщиком, хоть кем! Обычно пишущая братия слушает исключительно самих себя.

— Ты стоял у каких-нибудь истоков? — неожиданно спросил Белов, когда Суржик закончил свою сбивчивую исповедь. — Сейчас, выясняется, каждый стоял.

— Ты к чему это? — нахмурился Суржик. — Юмор у тебя...

— Что?

— Хромает на все четыре лапы!

— Извини, хотел развеселить, — виновато улыбнулся Белов.

— Игорек! Мне не до юмора. Помочь чем можешь?

Белов отрицательно помотал головой. Вздохнул и отодвинул пустой стакан в сторону.

— Завидую, — уставившись в одну точку, тихо сказал Белов.

— Что?

— Повезло тебе. Такое выпадает одному из сотни. У меня ничего такого и близко не было. Никогда. Даже в детстве. Я ее помню, твою Мальву. Рыжее солнышко! Видел, правда, только по телевизору, но тебе повезло. Она не такая как все! — с ударением произнес Билл Белов. Помолчал и добавил. — Даже если вы больше не встретитесь...

— Заткнись! — резко перебил его Суржик.

Билл Белов на некоторое время замолчал. Потом встряхнулся, буквально как собака после купания. Помотал головой, передернул плечами и продолжил:

— В нашу контору ты уже обращался? Значит, больше нет смысла. Есть, конечно, кое-какие связи, контакты. Только какой от них прок. Ну, позвонит кто-то из моих друзей, больших начальников, устроит кому-то разнос, твоя Мальва от этого раньше не отыщется. Поверь мне. Мы все — просто люди. Отнюдь не Боги.

— Знаю! — раздраженно поморщился Суржик. Он уже пожалел, что все рассказал Белову. С ним, кстати, никогда и не был особенно откровенным. Так, привет, привет, как дела? Не более. Так уж устроен человек. Самым сокровенным, даже интимным мы охотно делимся с совершенно посторонними людьми.

— Давно исчезла?

— Больше недели.

Опять некоторое время оба молчали.

— Я, почему спросил про истоки. Извини за неудачную шутку, но... — опять виновато улыбнулся детективщик. — Я, когда в расследовании заходил в тупик, всегда возвращался к истокам.

— Не понял.

— Проводил еще раз осмотр места преступления. Всегда что-то находилось. Твоя Надя, насколько я понял, из детдома? Поезжай туда, поговори, расспроси, что-нибудь обязательно накопишь. Надо было начинать оттуда.

В вестибюле, по пути в гардероб, Валера столкнулся с поэтом Гейдаром Занзибаровым. Двухметровый рифмоплет был очень известной личностью. В узких поэтических кругах. Настоящий поэт. Будучи родом, то ли из Ташкента, то ли из Душанбе, Гейдар всю жизнь писал длиннющие поэмы исключительно про пустыню. Караваны верблюдов и бесконечные гаремы наложниц кочевали из сборника в сборник. У окружающих возникало ощущение, что они, эти самые верблюды и наложницы, толпятся за спиной у Занзибарова. Или ожидают на улице перед входом в Дом литераторов. И пахло от него всегда какими-то «восточными ароматами». Ходили слухи, он просил знакомых привозить ему из-за границы мужской одеколон «Ароматы Аравии».

— У тебя в Пенклубе контакты есть? Вхож туда? — не здороваясь, хмуро спросил он Суржика. Последние годы он на полном серьезе искал способ выдвижения своих поэм на Нобелевскую премию по литературе. Собирал подписи, рекомендации, искал ходы-выходы на нужных людей, контакты, связи и все такое.

«Мне бы твои заботы!» — мелькнуло в голове у Валеры.

— Естественно, — на всякий случай, не задумываясь, ответил он.

— Естественно «да» или естественно «нет»? — раздраженно спросил Гейдар. Он всегда и со всеми разговаривал слегка раздраженным тоном. Снисходил, так сказать.

— Естественно, нет! — пожал плечами Суржик. — Не мой уровень. Где нам, дуракам, чай пить.

— Не ценят меня в России! — раздраженно поморщился Занзибаров. — Нет, не ценят!

«Этот и бровью не поведет, если у него пропадет любимая!» — подумал Валера. Но вслух сказал совершенно иное:

— Нет пророка в нашем курятнике! Не нами сказано. Не нам опровергать.

Занзибаров дернулся, явно хотел на что-то обидеться, но секунду подумав, пришел к умозаключению: ничего лично для него обидного Суржик не сказал. Он снисходительно похлопал Валеру по плечу и, заложил руки за спину, направился в ресторан. Настоящий поэт. Сталкиваясь с ним, Суржик почему-то всегда вспоминал одну и ту же фразу из Высоцкого, «Хрен ли нам Мневники? Едем в Тель-Авив!».

«Что-то я расслабился!» — подумал Валера, посмотрел на часы и направился к выходу.

В эту минуту в квартире на Кронштадтском бульваре Татьяна Котова тоже посмотрела на часы, еще раз поправила прическу и одернула белую кофту.

— Что-то я размагнитилась... — привычным, жестким тоном объявила она. — И все-таки, квартира у вас — не подарок!

— Именно, не подарок! — весело поддержал ее Леонид. — Никому и не собираюсь ее дарить. Ни тебе, ни кому-то другому.

Чуприн повернулся в кресле в сторону комнаты, с усмешкой взглянул на Татьяну.

— Тоже не вчера родился. Что почем, знаю. Прежде чем писать объявление, узнавал, приценивался... Моя квартира стоит столько сколько стоит.

— За такую цену ее никто не купит.

— Не учи меня жить, красотка! — язвительно заметил Леонид. — Все твои тайны у тебя на лбу написаны. Крупным шрифтом!

— Что это вы хотите этим сказать? — ошетибилась Татьяна.

— То самое, красотка! — улыбнулся Чуприн. — Решила меня облапошить? Думаешь, если писатель, творческая натура, значит, ни черта не понимает в реальной жизни? Ты, красотка, не на того нарвалась!

Татьяна Котова просто задохнулась от возмущения. Даже ногой топнула.

— Нет, это что вы... себе позволяете!? — неожиданно тонким и высоким голосом выкрикнула она. — Тоже мне... классик! Я честно работаю, ясно!?

— Если решила зашибить на мне огромную деньгу, ошиблась адресом! Уступать, не намерен! Ни пяди русской земли, как говорится!

Татьяна резко повернулась и пошла к двери.

— Ваше дело! — на ходу бросила она. — Только за такую цену...

— К твоему сведению, у меня уже есть покупатель. Даже два. Приезжие из Тюмени. Денег — вагон и маленькая тележка. Согласны на мои условия.

— Им можно только посочувствовать...

Татьяна подошла к входной двери, начала вертеть во все стороны собачку замка. Тот, как обычно, ни в какую не желал открываться с первого раза.

— Оставь адресок, красотка! — смеясь, крикнул ей в спину Леонид. — Продам квартиру, так и быть, подкину тебе на бедность!

Татьяна мгновенно вернулась в «кабинет», остановилась посреди него. Глаза ее сверкали, того гляди, посыпятся молнии. И испепелят все вокруг. Челкаш миролюбиво виляя хвостом, встал перед Татьяной. Но она даже не взглянула на него. Она была во гневе.

— Нет, вы что... с ума сошли!? По какому праву вы меня оскорбляете!?

— Спокойно, спокойно! Не надо корчить из себя невинную девочку! Ах! Ах! Ах! Спекуляция, она и есть — спекуляция!

— Я честно работаю!!! — в ярости выкрикнула Татьяна Котова. И опять топнула ногой.

— Брокеры, шмокеры, дилеры.... Какими новомодными ярлыками не прикрывайтесь, суть все равно – та же!

— Договаривайте! Что ж замолчали!

— До свидания... красотка! — улыбнулся Чуприн.

— Нет, вы договариваете!

— До свидания! До свидания! — весело настаивал Леонид.

— Нет уж, вы давайте договаривайте! Что вы хотите сказать... всеми этими... вашими гнусными намеками?

— Все вы – ворье!!! — не выдержав, брякнул Чуприн.

— Что-о-о!?

— То самое! И ты не глухая! Отлично слышала, что я сказал. А я всю жизнь говорил, что думал! И не намерен...

— Немедленно возьмите свои слова обратно!

— Кто ты такая? — возмутился Леонид. — Нет, кто ты такая? Кому скажи, не поверят! Скажи спасибо, что вообще... на порог тебя пустил!

— Последний раз! — угрожающе зарычала Татьяна. — Возьмите свои слова обратно!!!

— Ты что, окончательно спятила, красотка-а!? — с не меньшей угрозой в голосе, зарычал Чуприн. — Я... у себя... дома-а!!! Ясно тебе-е!?

Татьяна, трясась от возбуждения, возмущения и еще чего-то там, оглянулась по сторонам, подошла к окну и настежь распахнула его. Подошла к столу, схватила пишущую машинку и, высоко подняв ее над головой, подбежала к раскрытому окну.

Через раскрытое окно со двора в «кабинет» доносились возмущенные крики, собачий лай и даже автомобильные гудки.

Бедная, бедная «Эрика»! Сколько чувств, эмоций, неординарных мыслей, далеких воспоминаний и фантастических мечтаний прошло через твои рычаги, клавиши и буквы. За тобой, откровенно говоря, неважно ухаживали. Редко чистили, еще реже смазывали. Но ты не бунтовала, никогда не отказывалась ни от каких текстов. Мало отдыхала и даже ни разу не побывала на профилактике в мастерской. Тебе, «иностранке», рожденной в далекой чужеземной стране, тяжело жилось в этом суровом северном климате. Ты не роптала, ты много трудилась и безотказно выполняла любые поручения. Стоило хозяину только пальцем шевельнуть, на белой бумаге, заправленной вокруг упругого черного валика, как по волшебству возникали четкие и ясные буквы. Ты складывала их в слова, предложения, формировала в абзацы.... Есть что вспомнить! Ты явно достойна лучшей участи, нежели быть выброшенной в окошко какой-то неуравновешенной женщиной! Ах, как несправедлива подчас судьба к предметам, верой и правдой служившим нам долгие годы!

Бедная, бедная, бедная «Эрика»!

6

Суржик гнал свой «Форд» на предельной скорости в сторону Волоколамска. Будто участвовал в международном ралли Париж – Дакар. НовоРижское шоссе и в этот раз было абсолютно пустым. Только изредка по

встречной полосе, отделенной высоким бордюром, с ревом и клубами сизого дыма, как гигантские майские жуки проносились огромные крытые грузовики с прицепами. Дальнобойщики спешили насытить мегаполис товарами и продуктами из прибалтийских государств.

Быстрая езда всегда поднимала Суржику настроение. Но не в этот раз. По закону бутерброда, только выезжая за город, Валера всегда вспоминал о незавершенных делах. Вот и сейчас. Достал ненавистный мобильник, набрал номер, прижал к уху.

— Учебная часть? Будьте добры, Марину! Да, да. Спасибо. Жду, — проорал Суржик в трубку, преодолевая шум и треск. — Мариночка? Это я. Опять полный завал. Последний раз, честное слово. Сегодня никак не смогу, хоть тресни. Да плевать мне на него, он сам бездельник, каких мало. Бумажки только умеет перекладывать. Скажи моим пай-девочкам, что... мол, черт ее знает! Скажи что-нибудь, придумай сама. У меня фантазия иссякла. Да! Даже так? Это которая самая активная? Да, да, помню. Все вопросы задает. Один глупее другого. Ну и Бог с ней! Скажи, что у меня рак или инфаркт. Что меня увезли в Склифосовского, наконец. Я никак не могу. Я наверстаю. Все всё сдадут. Моя группа всегда впереди. На белом коне. Так и передай им. Целую. Естественно, естественно.

За четыре безумных дня он как-то мгновенно привык: всегда рядом Надя. Привык! Теперь, особенно в последние дни, чувствовал себя за рулем крайне некомфортно. Бесконечно одинокий, и уже совсем молодой человек.

Все четыре дня они не расставались ни на минуту. По магазинам, в кафе, в Дом литераторов Суржик везде брал с собой Надю. Даже в издательство «Крот», где планировался выпуск его новой книги, потащил ее с собой. И повсюду они держались за руки. Как школьники. В машине, в издательстве, в кафе. Суржик видел удивленные взгляды друзей, особенно знакомых женщин, чувствовал за спиной насмешливые взгляды, но не придавал этому значения.

Привык! С некоторым удивлением Валера осознал, даже к сумасшедшей любви можно мгновенно привыкнуть. Как ни дико это звучит!

«Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Святая воля Твоя!».

«Форд», оставляя за собой ленту бело-голубого дыма, с недовольным ревом глотал километр за километром. Суржик, не мигая, смотрел прямо перед собой в одну точку.

В эти минуты события в квартире его друга Леонида Чуприна на Кронштадтском бульваре обретали драматический характер. Черноволосая Татьяна, (во всем белом!), сидела на тахте и, закрыв лицо руками, громко и безудержно плакала. Челкаш пристраивался к ее ногам, так и эдак, всячески пытался успокоить гостью. Как и каждый представитель сильного пола, он терпеть не мог женских слез. Сам хозяин расхаживал на костылях по «кабинету» взад-вперед, как молодожен перед дверьми роддома, в ожидании рождения первенца.

Взволнованность его была такого же градуса. Никак не меньше. Только костыли под мышками были в этой ситуации явно лишними.

— Нет, это уже совсем, ни в какие ворота! — пробормотал Леонид Чуприн. — Уронила в речку мячик!

Татьяна на тахте пододвинула к себе сумку, достала из нее платок, шумно высморкалась. Потом начала вытирать слезы, осторожно, стараясь не размазать тушь на ресницах. При этом продолжала судорожно всхлипывать.

— Застрелюсь... к чертовой матери! — негромко выговорила она. — Лучше вообще... не жить, чем так...

Чуприн остановился посреди комнаты, как вкопанный.

— Что не так!? — заорал он, не сдержавшись. — Что тебе... не так!?

— Все только оскорбляют... унижают... обманывают...

— Я-то здесь при чем!?

— Все вы одинаковые!

На подобное глобальное обвинение Леонид не нашелся, что ответить. Любой бы на его месте не нашелся. В самом деле, не станешь же аргументировано возражать: нет, я вовсе не такой как все! Я — особенная, яркая, неповторимая личность, индивидуальность и все такое. Он только с силой стукнул костылями по полу и еще пару раз прошелся взад-вперед. Челкаш в растерянности вертел головой. Глазел то на хозяина, то на плачущую гостью. Наконец, Чуприн не выдержал.

— Прекрати реветь!!! — рявкнул он, остановившись напротив Татьяны. — Терпеть не могу бабских слез!!!

— Сейчас, сейчас... — поспешно кивнула головой Татьяна. Она попыталась взять себя в руки, но не выдержала и всхлипывания продолжились с новой силой. Судорожно глотая слезы, она сморкалась и вытирала платочком слезы.

Леонид проковылял на кухню, взял самый чистый из всех граненых стаканов, налил в него воды из-под крана и вернулся в «кабинет», протянул Татьяне. Она благодарно кивнула, начала пить мелкими глотками. Зубы ее выбивали чечетку о края граненого стакана. Чуприн поморщился и отвернулся.

— Если бы вы хлебнули хоть сотую долю тех унижений, через которые приходится продирааться мне... — глотая воду, бормотала Татьяна. — Если б на вас обрушилась хоть малая толика тех преследований, которым ежедневно подвергаюсь я... Если бы.... А-а... Что говорить! — безнадежно махнула рукой она, — Не поймете! Вы из другой сферы!

— Ладно, ладно! — примирительно сказал Чуприн. — Беру свои слова обратно! Все!!!

Татьяна допила воду, поднялась с тахты, поставила стакан на край стола и несколько раз глубоко вдохнула, — выдохнула. Потом, одернув кофту, не глядя на Леонида, опустив глаза в пол, направилась в коридор, к входной двери.

Леонид Чуприн ее не удерживал. Молча стоял и смотрел ей в спину. Уже приоткрыв дверь на лестнич-

ную площадку, Татьяна замерла. Потом медленно прикрыла дверь и повернулась. Долго-долго смотрела на Леонида Чуприна каким-то странным взглядом. Решительным и испуганным одновременно.

— Я должна... сказать вам... — с усилием выговорила она. — Нечто... очень важное!

Леонид поморщился, помотал головой.

— Знаешь что... красotka! — усталым голосом сказал Чуприн, — Уходя, — уходи! Честное слово! Ты меня до печенок достала!

Татьяна переступила с ноги на ногу, отпустила ручку двери, глубоко вздохнула.

— Ваш «черный человек»... — по складам, выдавила она из себя, — ...критик Марк Кречетов — это... я!

Леонид Чуприн удивленно вскинулся. Татьяна, глядя ему прямо в глаза, виновато развела руками в стороны. Несколько секунд Чуприн напряженно всматривался в ее лицо. Попытался рассмеяться, не получилось. Из его горла вырвался только какой-то хриплый кашель. В это мгновение за стеной у соседей опять вспыхнул скандал. Явственно доносились крики, звон разбитой посуды.

— Козе-ел! Я тебя ненавижу-у, козе-ел!!! — кричал визгливый женский голос.

— Как человека прошу, сука-а! Заткнись! Я за себя не ручаюсь!!! — перекрывал его сильный и сиплый мужской голос.

В квартиру Чуприна распахнулась входная дверь, мимо Татьяны в коридор ввалились трое подростков с

радостными возбужденными лицами. В руках у двоих из них были полиэтиленовые пакеты.

— Дядя Лень! — громко объявил один из «киндеров». — Мы вашу машинку подобрали. Случайно обронили, да?

— Ее еще собрать можно, починить... — уверенно заявил второй «киндер».

Леонид Чуприн не ответил. Вообще не обратил внимания на подростков, возникших в его квартире. Не отрываясь, он во все глаза смотрел на Татьяну. Таким взглядом смотрят на привидение или на воскресшего покойника. Особенно, если не верят в подобные «явления природы». Татьяна взгляда не отводила. Чуть виновато улыбаясь, смотрела ему прямо в глаза. С некоторым испугом и вызовом одновременно.

«Киндеры» переглянулись и, пожав плечами, исчезли из квартиры. Только грустно звякнули «останки» несчастной «Эрики». Подростки оставили два полиэтиленовых пакета в коридоре перед дверью.

Леонид Чуприн и Татьяна Котова так и стояли на значительном расстоянии и напряженно всматривались друг в друга. Челкаш не выдержал вибрирующего в воздухе напряжения и неуверенно залаял. Но и он тут же замолчал.

Вдалеке над центром города прогремели раскаты грома.

Через час на Москву налетел ураган. Невиданной силы и свирепости. Он широкой полосой прошелся с северо-запада на юго-восток. Свирепствовал всего пару

часов, но бед принес невероятное множество. Вырвал с корнем и повалил несколько тысяч старых деревьев, в основном, лип и тополей. Сломал и расшвырял в разные стороны большинство рекламных щитов, сорвал со старых крыш кровлю, выбил несколько сотен беспечно оставленных раскрытыми окон. Два десятка перевернутых легковых машин и небольших торговых киосков, не счет.

Параллельно с завываниями ветра на город хлынул ливень. Кое-где даже с градом. Холодные потоки воды мгновенно превратили узкие переулки в ручьи, улицы и проспекты в полноводные реки. К этому в городе никто не был готов.

Рассказывали, на перекрестке в самом центре города видели бомжа-старика. С торбой за плечами и посохом в руках, он, как древнегреческий оракул, раскинув руки в стороны и тряся седой головой, орал громовым голосом:

— Во-от... оно-о-о!!! Возмездие-е! За грехи ваши!!!

Наблюдавшие сие публичное выступление, не знали: смеяться или плакать.

Уже через час по распоряжению самого Юрия Лужкова при московской мэрии был создан специальный штаб по борьбе с последствиями разбушевавшейся стихии. Пожарные машины с сиренами и включенными фарами катерами буравили залитые на полметра водой улицы. Вызовы «скорой помощи» по сотовым телефонам удвоились. Потом и утроились. На столичных магистралях образовались гигантские пробки. Троллейбусы

встали. Автобусы и легковые «Газели», разумеется, тоже.

Москвичи и гости столицы, застигнутые ураганом на улицах и проспектах, бросились в магазины и кафе. Большинство укрылось в чужих подъездах или в подземных переходах. Но этим повезло меньше. Уже минут через десять, после начала ливня, подземные переходы превратились в подземные озера. Все укrywшиеся в них оказались по колена в воде. Канализационные стоки не справлялись с бурными потоками, хлынувшими с небес. Ходили слухи, где-то даже затопило станцию метро. Не обошлось и без жертв. Особенно пострадали люди преклонного возраста. Перед институтом Склифосовского образовалась очередь из машин «Скорой помощи».

Впоследствии старожилы утверждали, они не припомнят такого урагана. Хотя, старожилы для того и существуют, чтоб чего-то там «не помнить». Московские сторожилы всех уже достали своим беспамятством. Свежей тертой моркови надо больше трескать на завтрак, да сушеных абрикосов. Очень способствует улучшению мозговой деятельности. Просветляет память. Об этом любой медик знает с первого курса.

Москвичи и гости столицы в последними словами обзывали Гидрометеоцентр, который не удосужился заблаговременно предсказать приближение стихийного бедствия. Мало кто знал, что за час до урагана по кабинетам этого заведения гуляла паника.

— Анаконда! Анаконда! — испуганно из уст в уста передавали друг другу сотрудники угрожающее загадочное слово. Они имели в виду, всего-навсего, атмо-

сферное давление. По краям мегаполиса, буквально по Кольцевой дороге оно было аномально низким, в центре, где-то в районе Бульварного кольца, аномально высоким. Идеальные условия для возникновения урагана. Это даже школьники семиклассники знают.

Словом, рядовые граждане, на чем свет крыли власти. Особенно досталось демократам. Каждому трезвомыслящему столичному жителю хорошо известно. Ничего подобного при коммунистах не наблюдалось. Короче, во всем виноват Чубайс!

Ничего этого Валерий Суржик не знал. Приемник в машине отсутствовал, украли какие-то умельцы еще полгода назад. Небо над головой было чистым и безмятежно голубым. Ни облачка. В это время он подъезжал к окраине Волоколамска.

На бензоколонке энергичная девица в окошке охотно и бестолково объяснила ему, как удобнее проехать. По словам королевы бензоколонки, детский дом с ласковым названием «Журавлик» располагался в трех минутах езды.

— Слышали, что у вас в Москве творится?

— У нас всегда так! — пожал плечами Суржик. — А что случилось?

— Вы что, ничего не знаете!? — вытаращила голубые глазищи девица. Они у нее и так были на два размера больше нормального. Теперь превратились в голубые блюдца. Как у бульдогов из сказки Андерсена.

— Конец света! — затараторила девица. — Ураган налетел. Двести метров в секунду. По радио передавала. Метро затопило! Останкинская башня рухнула!

— Как же мы теперь без телевизора? — равнодушно хмыкнул Суржик.

— Вот почему вас, москвичей, все не любят? — начала новый цикл девица.

— Завидуют! — отрезал Суржик.

Девица ничуть не обиделась. И даже помахала вслед ручкой. Она изнывала от безделья. Утро кончилось, рабочий день уже начался. Потому никто не жаждал заправлялся.

Подъезжая к старому барскому особняку, Суржик и сам не заметил, как попал в прошлое. Лет на двадцать назад. Угодил прямиком в славные восьмидесятые годы. Один кумачовый плакат над кирпичными воротами чего стоил. Каждому, кому перевалило за сорок, он был знаком до зубовного скрежета.

«Миру – мир!». Без разночтений. Коротко и выразительно.

В воротах особняка, бесстрашно загородив дорогу его «Форду», возникли два щуплых подростка. Оба в дешевеньких джинсах, в белых рубашках и с красными галстуками на тонких шеях. На рукавах у обоих красовались повязки. Оба, как по команде, дружно взмахнув руками, отдали Суржику салют.

«Взвейтесь кострами! Синие ночи!»

— Вы к кому?

— Пропуск у вас имеется?

Суржик высунулся из машины и предъявил стражам социализма свой членский билет союза писателей. Обычно это производило должное впечатление. Подростки долго и внимательно читали содержание его «корочки». Потом еще дольше сравнивали фотографию в членском билете с оригиналом. Прямо неподкупные суровые пограничники.

«На границе тучи ходят хмуро!».

— Не похож? — озабоченно поинтересовался Валера.

— На фотографии у вас волос больше! — строго сказал один из стражей. Что было совершеннейшей правдой. Членский билет на новый Суржик обменял лет десять назад. В те далекие славные времена волос на его голове было значительно больше.

— Кто-нибудь из начальства имеется? — спросил Валера.

Подростки дружно кивнули, но хмурое выражение не сходило с их пионерских лиц.

— У нас приказ!

— Посторонних не пускать!

— В случае неповиновения, стрелять на поражение! — понимающе кивнул Суржик.

Он раскрыл дипломат, достал две книги «Отважный муравей», два «Сникерса», две пачки жевательной резинки с ментолом. Почти насильно сунул в руки мрачным и неподкупным стражам социализма.

— Что это? — хмуро поинтересовался тот, который стоял чуть ближе.

— Взятка! — бодро ответил Суржик.

Подростки переглянулись и, одновременно вздохнув, распечатали «Сникерсы».

— Нам может нагореть! — прожевывая, заявил тот, который стоял ближе.

— Машину придется оставить! — добавил тот, который стоял чуть дальше.

Пришлось оставить «Форд» у ворот. Отогнать чуть в сторону, под тень старых лип, которые стройными рядами отгораживали территорию детского дома от остального мира. Валера взял с переднего сидения дипломат и, подмигнув стражам социализма, деловой походкой направился к главному корпусу.

Ступив на территорию детдома, Суржик понял, что он спит, и видит бредовый, навязчивый сон. Или попал на съемки фильма «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен!». Все было бы хорошо. Но уж слишком много вокруг пионеров. По разным направлениям, парами или тройками, держась за руки, маршировали. Так и шастали туда-сюда, туда-сюда.... И все поголовно отдавали ему салют.

Мистика усугубилась, когда он услышал за спиной резкий окрик:

— Журналист!

Суржик остановился как вкопанный в землю пограничный столб, повернулся и увидел перед собой на аллее точную копию артиста Евстигнеева. В роли начальника пионерского лагеря. Только у этого на шее не было пионерского галстука. Остальное совпадало до мелочей. Лысина, обтянутые парусиновыми штанами жен-

ские бока, длинный нос и настороженные бегающие глазки.

«Сейчас спросит: «Компоту хочешь?» — подумал Суржик.

— Кто пустил? — спросил начальник пионерлагеря. То есть, детдома.

— Самовольно! — отрапортовал Суржик.

— Не положено!

— Если нельзя, но очень хочется, то можно!

— Демагогия! И нарушение, понимаешь, внутреннего распорядка!

— Союз писателей приветствует вас! — доложил Валера. И на всякий случай отдал некое подобие чести. Козырнул, так сказать.

— Писатель?

— Так точно! Детский. Валерий Суржик.

— По какой надобности?

— Командировка. Опыт воспитания молодежи. Описать и передать другим. Как эстафетную палочку. «Тимур и его команда», «Школа мужества» и все такое, — с комсомольской убежденностью в голосе заявил Валера. Когда надо, он и это умел. Актерство в юности не проходит даром.

— Время собирать камни! — для пущей убедительности добавил Валера.

Взгляд начальника оставался тем же суровым.

— «Мальчиш-Кибальчиш»? Одобряю.

Суржик достал из дипломата экземпляр своей книги, протянул «Евстигнееву». Тот взял «Отважного муравья», небрежно пролистал несколько страниц.

— Вы случаем не... педерас? — подозрительно спросил он. — Среди писателей очень процветает это явление. Особенно, которые вокруг детей увиваются.

«Сходу в лоб закатать или погодить?» — с тоской подумал Суржик. Но, преодолев искушение, вежливо поинтересовался у дубля артиста Евстигнеева:

— Сколько воспитанников у вас в подчинении?

— Шестьдесят семь.

— Поровну? Мальчики-девочки...

— Тридцать семь девиц. Парней тридцать.

— Обучение, проживание — раздельное? — продолжал с напором Суржик. Он давно усвоил истину. Главное, ошеломить вопросами. Не упускать инициативу.

— Не хватало, чтоб они спали в одной палате! — рассудительно отвечал «Евстигнеев», листая книгу Суржика, — Им только дай волю. Такой разврат пойдет по детскому дому, разнесут по бревнышкам. Контингент сложный.

— Понимаю вашу озабоченность!

— Почему «Отважный муравей»? — спросил он, захлопывая книгу. — «Отважный пионер» было бы лучше! Патриотичнее!

Фамилия «Евстигнеева» оказалось, совсем наоборот, Варфоломеев. Андрей Иванович Варфоломеев. Но от этого не было легче.

Идиотизм происходящего усугублялся с каждой минутой.

Кабинет директора детдома являл собой отделение местного краеведческого музея. Не меньше. Эскпо-

зиция, по стенам и стеллажам просторного кабинета отражала славные времена социалистических соревнований. Пятилеток в четыре года. Первенства в космосе и в области балета. Портреты основоположников, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, отличались чудовищно густыми бровями. И суровыми взглядами. Каждый чем-то отдаленно напоминал Брежнева. Явно местный художник поднаторел в написании именно Генерального секретаря ЦК КПСС.

Словом, каждый, входящий в кабинет, должен был ощущать трепет.

Суржик и Варфоломеев-Евстигнеев сидели в креслах. Каждый на своем месте. Как и положено. Варфоломеев-Евстигнеев за массивным столом, писатель Суржик перед оным. С блокнотом в руках.

— Ваше педагогическое кредо? — спросил Суржик.

Начальник Варфоломеев-Евстигнеев крякнул. Очевидно, недолюбливал слово «кредо», но ответил. Четко, как и подобает отставному военному:

— Дисциплина, дисциплина и еще раз — дисциплина!

— Слышал, в вашем «Журавлике» культивируют гармоничное развитие личности. Приобщение к музыке, поэзии, живописи...

— Это все игры Лоры Гонзалес, прежней директрисы. Царство ей небесное! Танцы, шманцы, обжиманцы.... Между нами, распустила она воспитанников до невозможности. Главное в воспитании — что?

— Дисциплина! — не моргнув глазом, ответил Суржик.

— Труд! — подняв вверх указательный палец, заявил директор. — Все беды, преступления, извращенчества от лени. От безделья! Если воспитанник ленится...

— В карцер?

— Без колебаний!

Суржик сделал вид, будто что-то отметил в своем блокноте.

— Меня интересуют выпускники? Как складываются судьбы? Кто кем стал?

— По разному.

— Есть, кем гордиться?

— В должности директора я всего четыре года. Не скрою, отдельными выпускниками можно гордиться. Нашу «Аллею Славы» наблюдали?

— Почему среди них нет звезды эстрады Надежды Соломатиной?

— Да, какая она «звезда»? — поморщился Варфоломеев-Евстигнеев.

Директор зачем-то оглянулся по сторонам и навалился грудью на стол.

— Не для печати. Строго между нами.

Суржик понимающе кивнул. Тоже чуть наклонился к «Евстигнееву». То бишь, Варфоломееву.

— Позорная страница нашего учреждения. Насквозь аморальная девица! Порочная и распущенная! С двенадцати лет вступала, понимаешь, в незаконные половые взаимоотношения. Есть свидетели. Её даже в специнтернат собирались оформлять. Неудивительно, что она на эстраде оказалась. Самое ей там место.

— Не любите эстраду?

Евстигнеев-Варфоломеев чуть не задохнулся от возмущения.

— Вы что, телевизор не смотрите!?

— Очень редко, — успел вставить Суржик.

— Распушенность хуже, чем на западе! Сплошные педерасы и эти, которые женщина с женщиной! И главное, все крупным планом показывают! В цветном изображении! Вы что там себе в Москве думаете? Куда мы призываем нашу молодежь!? Где будет наше светлое будущее!? — грозно вопрошал начальник Варфоломеев-Евстигнеев.

«Думал, такие уже вымерли!» — мелькнуло в голове Суржика. «Вместе с дирижаблями и двухместными велосипедами!».

— Мне говорили, Надя Соломатина не такая, — с самым искренним сомнением в голосе пробормотал Валера.

— Не такая!? — возмутился начальник Варфоломеев-Евстигнеев. — Она как раз еще хуже других остальных! Три раза побеги устраивала. Индивидуальные и даже групповые. Все задокументировано. Могу ознакомить...

— Верю на слово! — с беспредельной искренностью заявил Суржик.

— С двенадцати лет, понимаешь, в половые взаимоотношения вступала!

— С кем? — не выдержал Суржик.

— С нашим участковым милиционером. Его за это понизили в должности...

«Куда уж ниже-то?» — промелькнуло в голове у Суржика.

— Ее собирались оформить в специнтернат. Гонзалес воспротивилась.

— Гонзалес — это...

— Прежняя директриса, — поморщившись, сообщил Варфоломеев-Евстигнеев. — Развела тут, понимаешь, демократизацию. Танцы, шманцы, обжиманцы.... Соломатина у нее в любимчиках ходила. Это, в какие ворота!? С ума сойти можно! Я только после армии девушку поцеловал первый раз...

«И последний!» — мысленно усмехнулся Валера.

— А она!? Несмываемое пятно! На весь трудовой коллектив! Эта Соломатина здесь такие, понимаешь, эстрадные концерты закатывала! Перед моим вступлением в должность восстание организовала, устроила настоящий бунт!

— Бессмысленный и беспощадный? — уточнил Валера. Перед его глазами мгновенно возникла Надя. На баррикадах, с обнаженной грудью и со знаменем в руках.

— Не понял! — нахмурился директор.

— ОМОН вызывали? Или обошлись своими силами?

— Я тогда еще в должность не вступил.

— Какая причина? — любопытствовал Валера. — Не с бухты-барахты, бунт!

— Гонзалес их ненаглядную решили уволить. Уже приказ был подписан, — недовольно морщась, продолжил Варфоломеев-Евстигнеев. — Они и взбесились.

Забаррикадировались в главном корпусе, грозились поджечь здание. Думаете, кто был у них главной заводилой?

— Догадываюсь, — усмехнулся Суржик.

— Рыжая потому что, — вздохнул Варфоломеев-Евстигнеев. — Все рыжие стервы.

— Так уж и все?

— Бог шельму метит! — убежденно заявил Варфоломеев-Евстигнеев. — Если собираетесь писать о нашем учреждении, могу предоставить список достойных кандидатов.

— Значит, о Соломатиной вы ничего не знаете? Не следите за ее судьбой?

— Мы отrekliсь от нее! — жестко ответил Варфоломеев-Евстигнеев. — Всем коллективом! Провели открытое собрание, проголосовали и отrekliсь! Единогласно!

— Воздержавшихся не было? — уточнил Суржик.

— Единогласно! — повторил Варфоломеев-Евстигнеев. — Направили в Министерство культуры открытое письмо. Приложили протокол общего собрания нашего коллектива.

Суржик топал к воротам по «Алле Славы» детского дома с ласковым названием «Журавлик». Портреты выпускников славного заведения поголовно отличались густыми бровями и жесткими глазами. Валера произвольно бубнил себе под нос «Марсельезу».

На обратном пути из Волоколамска Суржик заехал к себе на дачу. С единственной целью. Бывшая жена

Вера уже несколько месяцев доставала с просьбами – воздействовать на сына. По ее словам, Игорь сейчас на распутье. Как Витязь перед камнем с вариантами. «Направо пойдешь.... Налево пойдешь...». Не доезжая до Истры, Суржик свернул к писательскому поселку.

Перед особняком стояла его собственная «Нива». С распахнутыми дверьми. Опять сын Игорь без спроса взял машину, негодяй. Ведь водит отвратительно, хуже некуда. Рискует и красуется, мерзавец.

Дверь «Титаника» тоже была распахнута настежь. Уже в прихожей Суржик услышал из подвала вялое цоканье. Цок-цок, цок-цок.... Как капли нудного дождя. Кап-кап.... Наверняка, сын Игорь играет со своей девицей в настольный теннис, больше некому. Честно говоря, сын Игорь чудовищно раздражал Суржика. Балбес, двадцать два года и ни черта не делает. Не учится и не работает. Все мечтает какой-нибудь аферой заработать миллион и уехать в Америку. Конечно, сам виноват, распустил парня до последней степени. Вот он и бездельничает, бьет баклуши, проматывает отцовские денежки. И девицу себе подобрал под стать. Такая же длинная, худая, как селедка, и такая же вялая. И стерва. Каждый раз норовит ему какую-нибудь завуалированную пакость сказать. Вдобавок она еще и косоглазая. В тусовке сына косоглазие почему-то считается эротичным, сексуальным. Валера не понимал этих глупостей. Если косоглазишь, иди к врачу, мигом исправят. И никакая сексуальность здесь ни при чем.

Суржик спустился в подвал, остановился в дверном проеме. Так и есть! Игорь со своей девицей перекиды-

вались через сетку шариком. Играли как-то вяло, уныло, будто выполняли бесполезную работу. Девушка напялила на себя мини почти до пупа и туфли на высоченных каблучках. Ноги ее оставляли желать лучшего. Были явно кривоватыми. Короче, она довольно сильно раздражала Суржика. Он даже мысленно не называл ее по имени. Только «она». Звали ее то ли Виола, то ли Лола, то ли Виолетта! А может это вовсе не имена, а клички. Они все сейчас под кличками. Игорь и девушка были оба в одинаковых военных рубашках защитного цвета. Тоже глупая мода.

— Все кисните? — с порога спросил Суржик.

— Ага, — кивнул головой сын. — Все киснем. А ты все суетишься?

С сыном Валера давно уже общался, как со сверстником. Как с равным. Сам навязал ему этот стиль. Пытался хоть этим подстегнуть парня. Пустые хлопоты. Апатичного, равнодушного Игоря, казалось, ничто не могло вывести из состояния «сонной мухи». Суржика это просто бесило. В кого он такой уродился? Или они все такие, нынешние? С печалью я гляжу на это поколение! Жена Вера в молодости отличалась бешеным, взрывным темпераментом, была очень заводной. Вдвоем они составляли опасную для окружающих парочку. Меж собой тоже плохо ладили. Даже дрались. Иной раз при всем честном народе. Но все это в прошлом.

Глядя на вяло играющих сына и его девушку, Суржик все больше раздражался. Девушка, всякий раз поднимая с пола шарик, демонстративно поворачивалась к нему

задом. Несколько минут он терпел. Потом, сам того не ожидая, взвился.

— Я в твоём возрасте на пупе вертелся! — с места в карьер начал он, обращаясь к сыну. — Спал по полчаса в сутки. Работал и учился. Учился и работал. И все успевал. Мне всегда хотелось быть сразу в десяти местах...

Суржик начал стремительно ходить по подвалу. Отшвырнул ногой к стене несколько пустых банок из-под пива «Балтика». Потом начал собирать окурки со всех тарелок, стоявших тут и там, по всему подвалу. Вытряхивал окурки в банку и выдавал:

— Я все успевал. И любовь крутил, и ни одной выставки не пропускал. А вы! Вы — дети, родившиеся на асфальте. Промежуточное поколение! Хилые цветы города. Мне, честно говоря, жаль вас. Посмотрите на себя! Разве так играют?

— Что-то не так? — удивленно спросила девица Игоря.

— Все не так! — чуть не заорал Суржик, но во время сдержался. Он уловил злой огонек в глазах сына. Поэтому, не желая скандала, резко сбавил обороты. — Двигаться, друзья мои, надо постоянно двигаться. Гиподинамия — бич нашего времени. Движение — это жизнь, остановка, ясное дело, смерть. Не помню, кто это сказал. Кто-то из великих. Во всяком случае, не я.

— Валерий Владимирович! Вы, правда, были мастером спорта по теннису? — ядовито спросила девица.

— Кандидатом, дорогая моя, — обаятельно улыбнулся Суржик, хотя с удовольствием бы свернул этой девице шею. — Всего лишь, кандидатом.

— Покажите, пожалуйста, книжечку, — в ответ оскалилась девица. — Никогда не видела. Любопытно взглянуть.

— Во-он оно что... — протянул Суржик. — Под сомнение поставлен мой, так сказать, профессиональный статус. Потрясающе! Может, тебе еще и билет союза писателей представить? И выписку с моего счета в банке?

— Мы с Игорьком поспорили тут...

— Понимаю, понимаю,... — кивал головой Суржик. — Если ты, дорогая моя, думаешь, что я дорожу своим, так называемым престижем, ты глубоко ошибаешься. Спорт никогда не был для меня чем-то... основным. Спорт вообще не может быть профессией. Заруби это себе на своем древнегреческом носике. Для меня теннис, как для тебя туфли на высоком каблуке, не больше. Придет время, ты поймешь, главное — иметь красивые ноги, туфли приложатся.

— Это... пошло! — скосив глаза о злости, заявила девица.

— Ого! — усмехнулся Суржик. — Сколько гнева! Тебе это не идет, дорогая моя. А когда косишь глазами, вообще, становишься похожей ядовитую очковую змею, которой наступили на хвост. А насчет пошлости, согласишься... больному спрашивать у хирурга диплом, пассажиру у таксиста права, так же пошло, как если бы я спросил у тебя справку из венерического диспансера.

— Все считают, у меня красивые ноги! — нагло заявила девица.

— И я так считаю! — моментально поддержал ее Валера. — Сказать, просто красивые, ничего не сказать.

У тебя ноги на уровне мировых стандартов. Даже выше. Этих самых мировых стандартов.

— Можно вопрос спросить? — зашипела девица.

— Можно! Даже нужно. Хотя вопрос не «спрашивают», его задают. Но это так, частности. Слушаю тебя. Весь во внимании, дорогая моя. Каждый твой вопрос наполнен таким глубоким содержанием, чтоб ответить на него, необходимо крайнее напряжение всех духовных и даже физических сил. Полет мысли, так сказать! Говори...

Сын Игорь только успевал переводить взгляд. С девицы — на него, и обратно.

— Вы считаете себя неудачником? — глядя на Валеру одним глазом, «ввинтила» девица. Именно «ввинтила», как штопором. Очевидно, надеялась «причинить ему максимум радости». При этом вторым глазом умудрялась смотреть на сына. Или так только казалось Суржику?

— Верно! Молодец! «Бей стариков!» — актуальный лозунг дня. Лучший способ поднять себе настроение, сказать другому гадость. Приз в студию!!! Первое время я думал, тебя, как и каждого из нас произвела на свет женщина. Но я жестоко ошибся. Ты дитя гремучей змеи. Плевать ядом для тебя такая же естественная потребность, как для другого чистить зубы по утрам. Нет, дорогая моя, я не считаю себя неудачником!

Суржик подошел к девице почти вплотную и уже с нескрываемой злостью посмотрел ей прямо в глаза. Девица скрестила руки на своей хилой груди и скривила

губы в презрительной усмешке. Суржик направил указательный палец ей прямо в лицо.

— Я успел прожить не одну, а целых три жизни! Главное, если ты заметила, в слове «неудачник» – приставка «не». Так вот! Для меня никогда не существовало всех этих «не», «нет», «не очень». Всегда было только «Да!». С большой буквы! На моем знамени аршинным буквами было начертано: «Да-а-аешь!!!». Ты понимаешь, о чем я? Мне всегда светил только зеленый свет. Я был на самой вершине, на пьедестале! Правда, и в канаве под забором тоже приходилось коротать время. Ночевать на вокзалах и на лавочках в парке Горького. Но я был везде! И наверху, и внизу! И справа, и слева! И главное – я был! А потому не считаю себя неудачником. Я жил на всю катушку. Не всегда соизмерял желания с возможностями, но ни о чем не жалею. Я достаточно вразумительно ответил на твой вопрос? Или ты поняла только часть? И то – не самую важную.

— Чего ты к ней привязался? — наконец подал голос Игорь. — Если мы тебе мешаем, можем уехать. Хоть сейчас.

— Вы мешаете сами себе! Тебе, мой дорогой сынок, тоже, очевидно, взбрело в голову, что твой отец – заурядный болтун. Имитатор! За все хватается, ничего до конца не доводит. Сам ничего не может, других постоянно поучает. Ты тоже не веришь, что я был кандидатом в мастера спорта? Прошу! Прошу к столу!!! Покажу вам несколько своих коронных финтов!

Суржик скинул куртку, швырнул ее на спинку стула, взял в руки ракетку, несколько раз со свистом рассек ею перед собой воздух.

— Не пугайтесь, детки! Это не так страшно! Тем более вас двое, я – один!

— А что, это даже интересно! — ухмыльнулась девица.

— Учти, отец, у нее первый разряд! — предупредил Игорь.

Он подошел к магнитофону, врубил какую-то громкую ритмичную музыку. Девица скинула туфли и, подойдя к столу, облизнула губы. Оба взяли в руки ракетки и несколько шариков. Распихали их по карманам своих рубашек.

— Подавайте! По очереди!!! — скомандовал Суржик. — Можете оба сразу!

Гремела в подвале особняка в писательском поселке оглушительная музыка. Игорь и его девица почти без пауз делали подачи со своей стороны. Норовили подавать в разные стороны, короткие и длинные, хлесткие и едва перескакивающие через сетку.

Очевидно, действительно, когда-то Суржик неплохо играл. Теперь он с легкостью, изяществом и даже небрежностью отбивал все подачи и наносил в ответ неотразимые удары. Игорь с девицей явно не успевали за ним, торопились, ошибались, мешали друг другу, бежали по подвалу за шариками. Суржик все успевал, и подавать, и отбивать удары, успевал даже повернуться вокруг себя на одной ноге. Он, то вплотную подходил к столу и хладнокровно «расстреливал» обоих, то отхо-

дил в самый дальний угол подвала и оттуда наносил неотразимые удары. Гремела на весь поселок из подвала уродливого «Титаника» ритмичная музыка. Соседи справа и слева морщились и качали головами.

Неожиданно Суржик швырнул ракетку на стол, подошел к нему вплотную и, опершись руками, уставился на взмокшую парочку.

— Вот так, дети мои! — сказал Валера неожиданно тихим, и даже каким-то грустным голосом. — Запомните на всю вашу оставшуюся жизнь. Как бы вы хорошо ни играли, всегда найдется еще лучший. Всегда кто-то будет талантливее, удачливей, сильнее. У кого-то ноги будут длиннее, у кого-то денег вдесятеро больше. Мудрость в том, чтобы уметь проигрывать! Запомните, дети! Проигрывать!

Он резко повернулся, взял со стула свою куртку и, на ходу надевая ее, начал по ступенькам подниматься из подвала.

«Я был! Был!! Был!!!» — со злостью шептал Суржик, вцепившись в руль «Форда» и до упора нажимая на педаль газа. Яркое солнце безжалостно резало глаза.

«Сволочи! Единственная радость была в жизни, и ту отняли!».

Никого конкретно Суржик не имел в виду. Недоброжелатели, завистники, враги представлялись ему бесформенной безликой массой, агрессивной толпой. После исчезновения Нади, на него ежедневно наваливалось мерзкое ощущение, будто он уже глубокий старик и жизнь его практически исчерпана. И вот теперь

о окружающие решили его добить! Но сдаваться он не собирался.

«Не дождетесь! Суржика без хрена не сожрешь! Еще не вся черемуха тебе в окошко брошена! Мы еще увидим небо в алмазах!».

Перед въездом в Истру, поднимаясь в гору, на подъезде к НовоИерусалимскому монастырю, Суржик неожиданно для себя притормозил. Потом повернул направо и въехал через каменные ворота на территорию храма. Войдя внутрь, не стал покупать свечу. Встал чуть в стороне от алтаря и довольно долго стоял в неподвижности.

Под высокими сводами храма, в ровном и спокойном освещении настроение его мгновенно переменилось. Раздражение и злость куда-то улетучились. Без остатка.

К своему стыду Суржик не умел молиться. Потребность в этом к сорока трем годам уже возникала не раз. Единственное, что он помнил наизусть, это отрывки из «Молитвы оптинских старцев».

«Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая, никого не смущая».

Валера мчался на «Форде» по НовоРижскому широкому шоссе на предельной скорости к Москве. Опять до упора вдавливая в пол педаль газа. Упругий горячий

воздух гудел за окнами. «Форд» рычал, будто внутри него поселились не лошади, бенгальские тигры.

«Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение его. Руководи моею волей и научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать. Аминь».

Из Волоколамска Валера Суржик вернулся после полуночи. Долго не мог пристроить «Форд», все места парковки были заняты. Наконец удалось втиснуться между «Запорожцем» и мусорным контейнером. Прямо на тротуар. Валера выключил двигатель и посмотрел вверх. Окна его квартиры, разумеется, были темны. Впрочем, глупо было надеяться на что-то иное. Даже если бы Надя неожиданно объявилась, попасть в квартиру она не могла. Ключей у нее не было.

Валера некоторое время неподвижно сидел за рулем. Потом закурил и повернул голову направо. Там, в тусклом свете фонаря от соседнего подъезда на детской площадке тихо покачивались детские качели.... Скрип-скрип.... Скрип-скрип....

...В тот день они подъехали к его дому тоже после полуночи. Надя вышла из машины, хлопнула дверцей и вдруг по-детски восторженно уставилась куда-то вглубь двора.

— Качели-и! — прошептала она.

Суржик закрыл «Форд», достал из багажника пакеты с продуктами и включил сигнализацию. Надя, как замороженная, не оборачиваясь, медленно пошла к детской площадке. Подошла к качелям, села в миниатюр-

ное кресло и, отталкиваясь ногами, начала медленно раскачиваться. Суржик сложил пакеты на капот машины, тоже подошел к площадке, оглянулся по сторонам. Во дворе в этот час не было ни души.

Пенсионерка Анна Игнатюк ночи напролет проводила у окна, выходящего во двор дома на Фрунзенской набережной. Вооружившись биноклем, она бдила. После смерти мужа, отставного военного, Анна Игнатюк опасалась террористов. Но если честно, бдительная пенсионерка жаждала эмоциональных стрессов. Недели три назад ночью она засекла приبلудную парочку. Явно не из их дома. Они такое вытворяли на скамейке возле детской песочницы! Герои эротических фильмов ночного вещания ТВ им и в подметки не годились. Все нервы вымотали!

Этой ночью внимание ее привлекла другая парочка. Его она знала, жилец из пятидесяти третьей квартиры. Подъезд второй, этаж четвертый. Кажется, какой-то писатель. А вот девица.... Рыжую девицу Анна Игнатюк наблюдала впервые. Не понравилась она ей.

Надя раскачивалась все выше и выше. Вскрикивала и смеялась, как ребенок.

— Эх-х! Люблю качели! Вверх-вниз!

— Солнышко! Неудобно! — вздохнул Суржик.

— Эх-х! Вот так и жизнь у меня.... То в ногах, то — из-под ног! И ни черта не поймешь, где ты! Наверху или внизу! Так бы и качалась всю жизнь.

Валера облокотился спиной об Избушку на курьих ножках. Покачивая головой и усмехаясь, он наблюдал за Надей. Она с упоением раскачивалась. В верхней

точке на какую-то долю секунды волосы на ее голове вставали дыбом и светились ярким рыжим нимбом. В эти мгновения сердце в груди Валеры останавливалось.

— В детстве мечтала стать летчицей, стала певицей.... Вверх-вниз! «Мальчик мой! Я жду тебя-а! Мальчик мой! Я жду тебя-а!» — неожиданно во все горло запела, почти закричала Надя. Она раскачивалась все резче и стремительнее. Детские качели угрожающе скрипели и повизгивали, хотя Надя весила не больше ребенка. Мелькали рыжие волосы, мелькали белые кроссовки.

— Солнышко! — не выдержал Суржик. — Слезай! Они детские!

— Отва-али-и! — громко выкрикнула Надя. — Дети спят давным-давно! Баю-бай! Сейчас время взрослых! «Мальчик мой! Я жду тебя! Мальчик мой!..».

Валера оттолкнулся спиной от Избушки на курьих ножках, подошел совсем близко к качелям. Попытался ухватиться рукой за веревки и остановить их. Надя всем телом наклонялась вперед и еще стремительнее неслась вниз. Суржика только потоком воздуха обдавало, как от проносящегося мимо вагона метро.

— Перестань, Надя-а! — взмолился Суржик. Он не переставал улыбаться, но почему-то это детское развлечение Нади не вызывало у него умиления.

— Отвали-и! Я в детстве... в детдоме... — прерывисто говорила Надя, продолжая раскачиваться все сильнее, — ...очень любила лазить по деревьям... Чем выше, тем лучше! Ближе к солнцу... теплее... Меня снимали и запирали в темный чулан! Я все равно лазила... Жутко

люблю солнце! Солнце и качели! Ох-х! Даже голова кружится!

— Прекрати, Надежда-а! — громко сказал Валера. Он впервые за четыре дня назвал ее официально, «Надежда!». И сам поморщился. Впрочем, Надя не обратила на это ни малейшего внимания.

— Надежда-а! Слезай! — настаивал Суржик. — Упадешь, разобьешься!

— Ты как наша ЛорВася Гонзалес! Она знай себе, твердила, — упадешь, упадешь.... И ключами от чулана гремела! Эх-х! Хорошо-о!

Неожиданно для себя Суржик сделал шаг вперед и оказался на пути движения качелей. Дальше все происходило как в кино, в замедленной съемке. Надя, увидев перед собой стоящего Валеру, почему-то выставила вперед ноги. Суржик не успел отскочить в сторону. Со всего маху Надя ударила его ногами в кроссовках прямо в грудь. Суржик отлетел назад, упал на спину, перевернулся через голову и оказался на карачках посреди детской песочницы. На коленях, носом в песке. И весь рот у него оказался забит песком.

Анна Игнатюк у окна тихо охнула и уже потянулась рукой к телефону, вызвать милицию или «Скорую помощь», но почему-то передумала.

Надя мгновенно соскочила с качелей, подбежала к Суржику, опустилась перед ним на колени. Схватила за плечи, слегка потрясла, пытаясь привести в чувство.

— Валера-а! Ты не ушибся!? Господи-и! — шептала она.

Суржик сплюнул песок изо рта, поднял глаза и с неожиданной злостью влепил Наде пощечину. Изо всей силы. Голова ее дернулась, она схватилась рукой за щеку.

— Идиотка-а! — прошипел он. — Ты могла меня убить! Соображать надо.

Надя автоматически, без особой злости или раздражения, размахнулась и ответила ему тем же. Тоже влепила ему пощечину. Детдомовская привычка, не более.

Анна Игнатюк у окна затаила дыхание. В окулярах мощного бинокля, как на экране телевизора она отчетливо видела....

ОНИ сидели на коленях друг перед другом в детской песочнице. И хлестали друг друга по щекам. Казалось, ОНИ играли в какую-то жестокую детскую игру. И оба явно не понимали, что с ними происходит. «Есть упоение в бою!».

Пенсионерка Игнатюк только тихо вскрикивала, будто это ее хлестали по щекам.

Потом ОНИ одновременно замерли, очнулись от наваждения...

Где-то на соседней улице завывала сирена «Скорой помощи». Ее удаляющийся вой слегка отрезвил обоих. Суржик опять принялся плевать песком и вытирать платком лицо. Надя потирала ладонью левую щеку и во все глаза смотрела на Суржика.

— Ты ударил меня-а!? — потрясенно шептала она.

— Ты была невменяемая! Ничего не слышала и не видела!

— Ты ударил меня-а... Сереженька-а! — продолжала шептать Надя. Она проводила рукой по щеке, будто вытирала ее. И с безграничным удивлением и страхом, во все глаза смотрела на Валеру.

— Что-о!? — переспросил Суржик.

— Ничего! Отвали-и!

— Ты назвала меня – «Сереженька»!

— Оговорилась, с кем не бывает. Ты не ушибся, милый? — усмехнулась она.

— Не твоя забота! — отряхиваясь, зло ответил Суржик. — Кто такой, этот твой знаменитый «Сереженька»?

— Отвали, сказала!

Надя резко поднялась, отряхнула юбку от песка, оглянулась по сторонам. Суржик тоже поднялся с песка, тоже отряхнулся. Он сверлил Надю злым взглядом.

— Все-таки! Кто он такой, этот «Сереженька»?

— Был один. Я ему поверила, он меня предал! И отвали-и, милый!

— Я хочу знать!

— Милый! Мне это не нравится! — с ударением сказала Надя.

— Что это? — начал заводиться Валера. — Что это? Что тебе не нравится?

— Все не нравится! Я не собачка на поводке, понял?! — с вызовом, резко ответила Надя. Несколько секунд молчала, тяжело дыша и откидывая со лба волосы.

— Твой допрос не нравится! Я свободная женщина! Свободная, понял!? И твой тон мне не нравится! Таким тоном ты со мной разговаривать больше не будешь, понял!? — чеканя каждое слово, добавила она.

- Ты меня чуть не убила...
- Чуть не считается!
- Потом обозвала каким-то «Сереженькой»...
- Оговорка по Фрейду!
- Вот-вот! Я это и имел в виду...
- Что теперь прикажешь делать? В ногах у тебя валяться? Просить прощения? Если я тебе надоела, так и скажи.... И нечего финтить!
- Прошлой ночью ты меня уже назвала этим именем!
- Знаешь что, милый! — рявкнула Надя.
- Что!? Давай, давай! Вывали все, что накопила!
- Ты мне тоже... не девственником достался!!!

Несколько секунд оба ошалело смотрели друг на друга. Потом, не сговариваясь, громко захохотали. Оба держались за животы, раскачивались из стороны в сторону и показывали друг на друга пальцами. Потом шагнули навстречу друг другу и обнялись...

ОН гладил ее по волосам и прижимал к себе изо всей силы. ОНА, уткнувшись носом ему в грудь, тихо вздрагивала. То ли всхлипывала, то ли продолжала смеяться. Потом, обнявшись, ОНИ медленно пошли к машине. Захватили по пути с капота полиэтиленовые пакеты с продуктами и скрылись в подъезде...

Пенсионерка Анна Игнатюк еще долго держала второй подъезд в зоне своего пристального внимания. Но оттуда никто не выходил. Потом шарила окулярами полевого бинокля по всему двору. Детская песочница, Избушка на курьих ножках, качели.... Увы! Больше ничего достойного во дворе не наблюдалось...

ОНИ сидели на кухне, пили какое-то светлое вино из длинных бокалов и заедали голладским сыром. Не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. И улыбались. Но что-то такое изменилось в их отношениях, что-то произошло.... Если бы тогда Суржик.... Если бы...

Ночью в постели ОНИ окончательно помирились. И не раз. А утром ОНА исчезла...

7

Москва постепенно приходила в себя от урагана. Бригады рабочих в оранжевых жилетах пилили поваленные деревья на части и методично с грохотом кидали их в кузова самосвалов. Аварийные бригады натягивали порванные провода. Дворники дружно махали метлами и лопатами. Оглушительно чирикали воробьи. Опять ярко светило солнце. Количество пьяных бомжей вокруг коммерческих киосков заметно увеличилось.

Лохматый меньший брат Челкаш пребывал в мрачном расположении духа. Лежал на тахте в «кабинете», сверлил взглядом черноволосую и периодически тяжело вздыхал. После смерти Ольги Петровны в его владениях неоднократно появлялись женщины. Самых разных пород. Оставались ночевать, готовили завтрак, бегали в «Универсам», пока они с хозяином совершали традиционные променады вдоль Головинских прудов. Некоторые задерживались на неделю-другую. Не больше. Но все они вели себя, как подобает. Знали свое место. Эта же...

Эта черноволосая нарушает все правила приличия. Вторую неделю каждый вечер приходит, как к себе до-

мой, и даже не угостит говяжьими сардельками. «Эрику» в окошко выкинула, постоянно пререкается с хозяином, топают как слон своими каблучищами, того гляди, на лапу наступит. А его, полноправного хозяина трехкомнатной квартиры, ни разу не почесала за ухом.

Правда, последнее время ведет себя потише. Не орет больше, как пьяный сосед. Первую неделю вообще веселая была, девочкой порхала. Даже обеды готовила. Два раза. Теперь только вздыхает и страдает. О чем? Неизвестно.

«И скучно. И грустно. И некому лапу пожать!».

Короче, черноволосая все больше и больше разочаровывает.

Да и сам хозяин не лучше. Напялил на ногу белый дурацкий сапог и никакими зубами из квартиры его не вытянешь. Спасибо соседке Наташе, не забывает брать с собой на улицу. Сегодня с утра вообще! Смотреть на обоих противно! Вон...

Черноволосая уселась в кресле за столом на месте хозяина и опять страдает, будто у нее мешок мозговых костей отняли. А хозяин как дурак, скачет на одной ноге по кухне вокруг плиты, завтрак для нее готовит. Смех! Так бы и тяпнул за пятку! Набухал в тарелку холодной овсянки с тушенкой и швырнул на пол. А в миске с водой муха плавает.

Эх, тяжела ты, собачья жизнь! Нет тебе покоя днем, ночью, и говорить нечего!

Татьяна, действительно, сидела в «кабинете» за столом, как египетский Сфинкс. На лице ее застыло выражение равнодушия и безразличия. Если честно, не-

сколько демонстративное выражение. Письменный стол перед ней был девственно чист. И пуст. Ни пишущей машинки, ни рукописей, ничего. Обычный обеденный стол, покрытый цветастой клеенкой. Только в правом углу возвышалась стопка книг.

После признания, неожиданно вырвавшегося из нее, по поводу «черного человека», Леонид ни разу, ни словом, ни взглядом не напомнил ей об этом. Будто этого не было вовсе. Их отношения застыли на какой-то мертвой точке. Ни туда, ни сюда. Не жена, не любовница. Так, проходящая женщина. Правда, в постель затащил сходу, она и сообразить не успела. Очухалась только утром.

Кто в этом виноват? И что теперь делать?

В коридоре пронзительно зазвонил телефон.

— Возьми трубку!!! — донесся из кухни крик Чуприна.

Татьяна по-прежнему сидела, не шелохнувшись, как египетский Сфинкс. Телефон продолжал звонить. В «кабинете» появился Леонид. В одной руке горячая сковородка, в другой горячий чайник. Едва наступая на ногу в гипсе, приблизился к столу.

— Возьми трубку! — жестко сказал он. — Не видишь, у меня руки заняты!

— Что я должна отвечать? — встрепенулась Татьяна.

— Откуда мне знать! Посылай всех... куда подальше!

Татьяна понимающе кивнула головой. Но не встала, к телефону не пошла. Была в каком-то ступоре. Чу-

прин, балансируя у стола на одной ноге, попытался локтем отодвинуть книги и поставить на их место сковородку. Естественно, уронил стопку книг. Они посыпались на пол с шумом и грохотом.

Челкаш встал на тахте во весь рост, демонстративно отряхнулся, спрыгнул на пол и, не оглядываясь, ушел в дальнюю комнату. Смотреть на кошачьи игры ему было противно. Никакого самоуважения.

Леонид поставил в самый центр стола чайник, перед Татьяной грохнул на подставку сковородку с шипящей яичницей. Прихрамывая, вышел в коридор.

— Абонент вне зоны досягаемости! — рывкнул он в трубку.

Ушел на кухню, через секунду вернулся в «кабинет», поставил перед Татьяной тарелку, чашку, вилку. Шмякнул на ее тарелку увесистый кусок пережаренной яичницы. Пристроился сбоку на стуле, с аппетитом начал поедать свою порцию прямо из сковородки.

— Копай! — кивнул он Татьяне. — При твоей работе необходимы калории.

— Спасибо, не хочется, — ответила она.

— Ешь! Я сказал!!! — рывкнул Чуприн, набивая себе полный рот.

Татьяна вздрогнула, будто ее ударили током высокого напряжения.

— Не кричи на меня... пожалуйста!

— Думаешь, почему американцы все такие веселые и здоровые?

— Не видела ни одного американца живьем.

— Каждое утро едят яичницу.

— У меня от яиц аллергия. Я пойду красными пятнами.

— В каких местах? — строго спросил он.

— По всему телу.

— Вечером разберемся, — мрачно пообещал Чуприн.

Он насильно всунул ей в руки вилку, в другую кусок хлеба, пододвинул тарелку с яичницей прямо ей под нос. Сам с аппетитом принялся уничтожать яичницу в сковороде. Татьяна начала вяло ковырять вилкой.

— Мы с тобой как муж с женой, — горько усмехнувшись, вздохнула она.

Чуприн не ответил. Скорчил какую-то неопределенную гримасу.

— Кстати, сколько тебе лет? — неожиданно спросила она.

— Восемьдесят шесть! — без запинки ответил Леонид. В ответ на удивленно вскинутые брови Татьяны, пояснил. — В нашей стране год надо считать за два. Кушай, кушай!

— Ты добрый! — вздохнула Татьяна. — Другой бы меня в окно выбросил. Вслед за «Эрикой». Я тебе приношу одни неприятности.

Чуприн отрицательно помотал головой.

— У меня самого скверный характер.

— Ты добрый! — возразила Татьяна. — Наивный и непрактичный.

— Я недобрый человек!

— Нет, нет, ты добрый!

— Только не начинай все сначала, ладно? Стрижено, — брито, черное, — белое!

— Мы наверняка родились под одним знаком. Я — Стрелец, а ты кто?

— Козел, — усмехнулся Леонид. — Недавно на автобусной остановке подкатился к одной девице. По привычке, не больше. Знаешь, как она меня отбрила? «Посмотри назад! У тебя из задницы песок сыплется! Старый козел!».

— Не разделяю подобного мнения! — сухо откомментировала Татьяна.

— Тебя что, сильно обидели в детстве? — поморщившись, спросил Чуприн. — Чем ты постоянно недовольна?

Татьяна отодвинула от себя тарелку, благодарно кивнула. Достала из сумки платочек, аккуратно промокнула губы. Посмотрела на часы, вздохнула.

— У меня было счастливое детство. Как у всех советских детей.

— На работу опоздаешь, — буркнул Леонид.

— Я вот смотрю на тебя, и знаешь, у меня возникает странное чувство...

— Догадываюсь какое.

— Выслушай сначала! — повысила голос Татьяна. — Почему ты постоянно перебиваешь? — несколько секунд она молчала. Потом продолжила, — Однажды, еще в детском саду. В нашей группе появился один мальчик. Высокий такой, худенький. Как сейчас помню.... Он был чуть старше. Его перевели из другого детского сада. Так вот. Он сразу начал всех терроризиро-

вать! Отбирал игрушки, конфеты. Мы его прозвали – Фриц!

Леонид удивленно вскинул брови, быстро взглянул на Татьяну каким-то странным взглядом. Будто она произнесла вслух нечто крайне неприличное.

— Меня он особенно невзлюбил, — вздохнув, продолжила Татьяна. — Помню, подошел ко мне и вдруг говорит: «Если не будешь отдавать мне свое печенье и конфеты...»

— «...засуну тебе в трусы целый пук крапивы! Целый месяц сидеть не сможешь!» — продолжил Чуприн. И громко засмеялся. Откинул голову назад и начал, смеясь, раскачиваться на стуле из стороны в сторону.

— Откуда-а... ты-ы... знаешь!? — понизив голос, прошептала Татьяна.

Леонид продолжал смеяться. Громко и весело. От души.

— Я тоже, знаешь... детство не на Луне провел. Я тоже, представь себе, ходил в детский сад...

— Около кинотеатра!? — потрясенно спросила она.

— За углом... — смеясь, кивнул Леонид. — Между поликлиникой и аптекой.

— Да, да.... Во дворе две скамеечки.... Песочница...

— И грибок от дождя, — поддержал Чуприн. — Меня перевели из другого детского сада. Помню.... Была там одна такая.... Воображала! Ее так и звали – «Воображала, хвост поджала!». Очень она мне на нервы действовала. Всю дорогу что-то жевала, жевала, как корова. А я в детстве все время жрать хотел. Я ей так сразу и сказал: «Если не будешь делиться по-товарищески,

засуну тебе в трусы целый пук крапивы! Целый месяц сидеть не сможешь!». Подействовало! — весело закончил он.

Татьяна долго молчала, подозрительно смотрела на Чуприна. Тот, как ни в чем, ни бывало, налил в чашки кипяток, кинул в них по пакетик «Липтон».

— Фриц!? Неужели это ты!? — ошарашено спросила она.

— «Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!» — уклончиво ответил Леонид Чуприн.

— Я очень боялась, что не смогу целый месяц сидеть.

Чуприн неопределенно хмыкнул, пожал плечами. Отхлебнул из чашки глоток чая. Поморщился, добавил еще одну ложку сахарного песка. Татьяна опять долго молчала. Недоверчиво прищурив глаза, следила за каждым движением Леонида.

В жизни любого из нас полно мистики, фантастических совпадений. Невероятных, на первый взгляд случайных встреч, больше, чем можно себе представить. У любого выше крыши. Большинство не обращают на эти знаки Судьбы ни малейшего внимания. Равнодушно проходят мимо, озабоченные недостатком денег или отсутствием карьерного роста. Или еще какой-нибудь подобной глупостью.

«Во-он! Видишь?» — показывает тебе Судьба потного старика, который из последних сил волочет на себе в поликлинику полупарализованную старуху с безумным взглядом из-под пряди седых волос. «Это твое будущее. Таковым будет финал!». Но ты этого не видишь, не за-

мечаешь. Ты весь в предвкушении предстоящего свидания с изящной, кокетливой Ирочкой Сафоновой из Театральной библиотеки. У нее такие стройные ножки! Она так весело с готовностью смеется на каждую твою шутку. Прелесть, какая девочка!

«Обрати внимание!» — не унимается Судьба. И сталкивает тебя в лифте с хамоватым толстяком, который в ярости трясет кулаками перед лицом беспомощного испуганного старика. «Ты меня достал! Я тебя сдам в дом для престарелых!». Тебе неприятно, противно, стыдно. Почему-то в большей степени за себя. А Судьба-злодейка нашептывает тебе на ухо пакостным голосом: «Это один из вариантов твоей старости!».

«Попроси эту черноволосую показать тебе фотографию ее матери! Увидишь, какой она станет через пятнадцать-двадцать лет!» — хихикает Судьба, почему-то голосом соседки по лестничной площадке. Алкоголички, состоящей на учете в психдиспансере.

Но ты резко встряхиваешь головой и видишь перед собой красивую черноволосую женщину. Слегка за тридцать. У нее огромные выразительные глаза. Не глупа, образована. В тебя втрескалась по уши. Она явно способна любить до самоотречения.

«Попроси показать фотографию ее матери!».

— Неужели ты был способен? — спросила Татьяна.

— Что?

— Засунуть девочке в трусы крапиву?

— От этого еще никто не умирал.

— Значит, все-таки, это был ты!?

— Опоздаешь на работу... красотка.

— Черт с ней, с работой! Сама себе начальница! Значит, мы уже встречались?

— И не единожды! — усмехаясь, кивнул Чуприн.

— Что ты имеешь ввиду? — напряженно спросила она.

— Ты опоздаешь на работу. Потеряешь всех клиентов. Станешь нищей, голой и босой. Насчет, босой и голой, я не против. Но в смысле баксов...

— Я хочу знать! — жестким тоном заявила Татьяна.

— Правда, красotka, она не всегда приятна, — сказал Леонид. — Отложим до вечера!

— Не уйду, пока не скажешь!

Татьяна демонстративно уселась поудобнее в кресле, закинула ногу на ногу. Сумку положила на пол. Всем видом показывала, что никуда не торопится. Леонид наблюдал за ее телодвижениями со своей обычной иронической усмешкой.

— Запомни этот момент! — направил в нее указательный палец Чуприн. — Сама напросилась. Помню, как-то отдыхал я в пионерском лагере. После отбоя мы с пацанами чуть ли не каждый день делали набег на колхозный сад. Сливы там были-и! — мечтательно улыбнулся он. Потом, закинув руки за голову, продолжил. — Нигде после таких слив не пробовал. Даже за границей. И все бы хорошо...

— Ну! — не выдержала Татьяна. — Что дальше?

— Да была в нашем лагере одна такая... Идейная очень! Всегда с блокнотом ходила...

— С блокнотом? — настороженно переспросила она.

— Очень идейная. Даже слишком! — в упор, глядя на Татьяну, продолжил Леонид. — Всех брала на заметку. Однажды и меня подловила после очередного набега...

— После набега... — как эхо повторила Татьяна.

— Показывает запись в блокноте и говорит...

— «Ты самый злостный нарушитель распорядка!» — неожиданно вырвалось у Татьяны. — «Я напишу на тебя рапорт начальнику лагеря!»

— Именно! — весело захохотал Леонид. — Точно так она и брякнула!

Татьяна несколько секунд смотрела на него широко распахнутыми глазами. В них отчетливо читался страх. И удивление. И еще что-то, чего Чуприн не мог сформулировать.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Чуприн со своей обычной иронической усмешкой. Татьяна испытующе и очень недоверчиво. Потом она схватила со стола чашку уже остывшего чая, залпом выпила. И вытерла рот рукавом.

— А что он сделал... потом? Ты помнишь? Нет, ты помнишь!?

— Отлично помню!

Чуприн встал из-за стола, подошел к Татьяне сзади и положил ей руки на плечи.

— Я схватил ее за плечи и начал трясти, как сливу! — строго сказал Чуприн. И для наглядности, слегка потрясанул Татьяну за плечи, — Голова ее моталась, как привязанная...

— А потом? Что потом?

— Потом... я ее поцеловал. Совершенно неожиданно для себя самого! — сухим, официальным тоном доложил Леонид. — Прямо в губы.... Долго-долго...

— Его губы пахли сливами... из колхозного сада... — рассеянно произнесла она.

Леонид схватил обеими руками ее за голову и... поцеловал в макушку. Пару раз погладил по волосам, как неразумного ребенка. И опять основательно уселся за стол.

— Должен тебя разочаровать, красотка! — доверительным тоном, как бы, по секрету сообщил он. — У меня было совсем другое детство. Ни в каких детских садах, тем более в пионерских лагерях я никогда не был. Обе истории мне рассказали приятели. Про крапиву Гена Снегирев, он даже вставил ее в какой-то рассказ. Про сливы поэт Эдик Бушуев. Стихов, правда, об этом он не написал.

Чуприн с сочувствием взглянул на Татьяну. И даже сокрушенно помотал головой.

— Бедная девочка! У тебя в голове одни литературные штампы. Насквозь вторичные. Ничего подобного, ни с тобой, ни со мной никогда не происходило! Ты это вычитала! Из плохих книг! Сначала фантазировала, мечтала, как это могло происходить лично с тобой. Потом и сама поверила в свои литературные мечтания. И присвоила себе. Ничего этого в действительности и близко не было.

— Ты все... врешь! — убежденно заявила Татьяна.

— Всегда говорю исключительно правду, — пожал плечами Чуприн. — Не раз страдал из-за этого. Хочешь еще чаю? Свежий, цейлонский...

— Не люблю грузинский, — сухо ответила она.

— Это не грузинский.

— У меня от него аллергия.

— Это цейлонский, — мрачно сказал Леонид.

— Я пока в своем уме! — жестко ответила Татьяна.

— Это грузинский!

Леонид вскочил со стула, проковылял на кухню. Через секунду вернулся с пачкой в руках. Поднес ее прямо к лицу Татьяны, тычет пальцем в пачку.

— Видишь? Написано! — повышая голос, сказал он.

— Цей-лон-ский!!!

— В ларьке покупал? — понимающе улыбнулась Татьяна. — Тебя обманули, Ленечка! Они что хочешь напишут. Чай грузинский. Между прочим, даже не первого сорта!

— Я тоже кое-что понимаю в напитках! Этот цейлонский!

— Грузинский! Плохого качества!

— Раз я сказал, цейлонский, значит...

— Я не пью грузинского! У меня от него аллергия! Сыпь по всему телу!!!

— Ты понюхай! Понюхай!

— Грузинский! Третьего сорта!!!

— Третьего сорта вообще не бывает!!! — зарычал Чуприн.

— В ларьках у кооператоров все бывает!!!

Чуприн швырнул пачку на стол, сильно хромая на загипсованную ногу, начал ходить по комнате. В ярости потрясать кулаками в воздухе.

— Надо-о! Надо было-о... — чеканя каждое слово, выкрикивал он, — ... в детстве засунуть тебе в трусы крапиву! Ох, как надо было-о!!!

Привычно раздался громкий стук в стену. И угрожающий сиплый мужской голос:

— Сосе-ед! Кончай базар! Не один в дому живешь!!!

Из дальней комнаты, цокая когтями по паркету, появился Челкаш. Он остановился на пороге, равнодушно посмотрел на хозяина. На его заспанной морде было написано:

«Опять орете как мартовские кошки? Как вы мне надоели-и!».

— Ты все врешь! — убежденно заявила Татьяна. — Все писатели вруны!

— Правда! Только, правда! Ничего, кроме правды!

Чуприн для убедительности даже приложил руку к груди. Как американский президент во время инаугурации перед сенаторами и конгрессменами. Татьяна, не глядя на него, подняла с пола сумку, решительно поднялась с кресла и направилась к двери.

— Вечером забежишь или как? — поинтересовался Чуприн.

Татьяна не ответила. Даже не взглянула на него. Открыла дверь и направилась к лифту.

«За что Ей это наказание!?» — мысленно восклицала Татьяна, опускаясь в скрипучем лифте на первый этаж. «За какие ЕЕ грехи!?».

Выйдя из подъезда, Татьяна решительно села в машину. Завела двигатель. Потом не выдержала, опустила боковое стекло и посмотрела наверх. С лоджии третьего этажа, как с трибуны Мавзолея, ей махал рукой писатель Леонид Чуприн. «Верной дорогой идете, товарищи!». Рядом маячила морда Челкаша. Он встал на задние лапы, передними оперся об ограждение лоджии и тоже глазел на Татьяну. Махал ли он хвостом, видно не было.

«Ноги моей здесь больше не будет!» — думала Татьяна. «Если первый не позвонит...»

«Бедный мой, «черный человечек!» — думал Леонид Чуприн. «Я даже рад, что судьба столкнула нас нос к носу. Ты меня многому научила».

О чем думал меньший брат Челкаш не узнает никто никогда.

Валерий Суржик был пьян. Странно ведут себя молодые сорокатрехлетние люди, когда остаются в одиночестве. В тот день, вернее, уже был поздний вечер, он вошел в свою просторную пустую квартиру на Фрунзенской набережной. Распахнул окна, погасил все светильники. Затем отключил сотовый и выдернул из розетки шнур домашнего телефона. Затем, вне всякой логики, включил оба телефона. За последние два дня был только один звонок. Хотя, лучше бы и его не было.

— Да, я слушаю! — бодрым и решительным голосом отозвался тогда на пронзительную трель Валера. — Суржик у телефона! Мариночка-а! — тут же сменил он тональность. Поскольку звонила завучей частью из института. — Как там мои пай-девочки? Да, да. Ты уверена? Понима-а-аю.... Приказ об увольнении, это не приказ о премировании, дураку ясно. Ты уверена? Ах, сама печатала.... Ошибок много сделала? Нет, это я так. Шучу. Юмор у меня такой. А как я должен реагировать? Плясать от радости, вроде, нет оснований. Как считаешь? Нет, нет. Хоть из пушки в меня пали, разговаривать с ним не буду. У нас разные группы крови и все такое. Хорошо бы я был, заявился бы на занятия. Представлю физиономии моих пай-девочек. Ладно, Мариночка! Спасибо за информацию. Предупрежден, значит, вооружен. До зубов. Спасибо тебе. Целую. Во все места!

Теперь, один в пустой квартире, Суржик зажег две свечи в массивных подсвечниках, поставил их на круглый стол в гостиной. Достал из бара бутылку дорогого армянского коньяка. Налил до половины в фужер и подошел к огромному трюмо, главному украшению его квартиры. Его когда-то за большие деньги он отхватил в комиссионке.

Долго рассматривал свое отражение в зеркале. Сегодня он себе активно не нравился.

— Ну, что! — глухо сказал он своему отражению. — С днем рождения тебя, мальчик! Желаю здоровья, успехов в работе! И счастья в личной жизни!

Суржик вытянул вперед руку с бокалом, чокнулся с отражением. Вопреки ожиданию бокалы звякнули

очень глухо. Никакого мелодичного звона не получилось.

Валера подошел к окну и долго вдыхал ночной московский воздух. Он не чувствовал, что дышит. Чистый воздух теперь бывает лишь за городом.

«Может, стоит обратиться к психиатру?» — спокойно размышлял Суржик. «А что, в самом деле! Выпишет горсть каких-нибудь таблеток и... все кончится?! Ведь это, всего-навсего какие-то микроэлектрические импульсы в голове! Ими можно управлять!».

Двор был пуст. Только справа, в свете тусклого фонаря от второго подъезда, на детской площадке мерно покачивались качели. Они почему-то всегда раскачивались сами по себе. Без посторонней помощи. Даже если к ним никто не прикасался целый день.

В тот день Суржику стукнуло сорок три года.

Обычно Валера отмечал свой день рождения с большой помпой. На сорокалетие закатил такой банкет, у администраторов и гардеробщиков челюсти отвисли. Целиком снял ресторан Дома литераторов и обзвонил всех друзей-приятелей. По записной книжке. От А до Я. Народу набежало как на московский международный кинофестиваль. И все смешалось в тот вечер в Доме на Никитской улице. Почвенники и западники, распри забыв, за одними столами пили, ели и завлекали заумными разговорами длинноногих манекенок, коих Валера привез целый автобус.

— Во мне уже сидит стакан! — с озабоченным видом, переходя от столика к столику, докладывал поэт-парадист Александр Иванов. Чем, естественно, никого

не мог удивить. Во многих уже сидело и по два. В иных и более.

На минуту объявился Евгений Евтушенко. Выставил на стол четыре бутылки какого-то экзотического вина для именика. Пообещал прочесть, написанные в его честь стихи и исчез. И больше почему-то не появился.

Кто-то врубил на всю катушку портативный магнитофон, и множество пар затопталось, затолкалось на всем пространстве буфета и между столиками ресторана. Низкорослый детективщик Билл Белов обнял обеими руками за талию длинную манекенщицу, выше его на две головы, и качался, склонив ей голову на грудь в узком проходе из буфета в зал ресторана. В том же проходе переводчик Валя Крымко что-то шептал на ухо маленькой и толстой редакторше из «Вечерних новостей». Гейдар Занзибаров чинно и торжественно вертел в разные стороны в центре ресторана длинную девицу, со знакомым и злым лицом. Кажется, ведущую молодежного развлекательного шоу на телевидении.

Танцевали все! Ну, или почти все. Кто хотел и кто мог.

Финалом торжества, эдакого литературно-ностальгического идиотизма, явился хор цыган из московского театра «Ромэн». В то время Валера и в нем ухитрялся преподавать актерское мастерство. По приглашению главного цыгана СССР Николая Сличенко.

«К на-ам... прие-ехал... к на-ам прие-е-ехал... Валер-р-р Владимыч да-ара-агой!!!», под неистовые переборы гитар пели черноокие красавицы, ученицы Суржика.

И трясли всеми местами. Кстати, приехал не он, а они. Причем, с большим опозданием.

Короче, в тот вечер по залам и коридорам Дома литераторов гулял материализовавшийся дух великого булгаковского романа.

С утра Валера Суржик попал в аварию. Неплохое начало для дня рождения. Хотя, авария – сильно сказано. Так, слегка помяли друг друга с «четверкой» жигулевского разлива. За рулем оказался тот самый бородатый мужик в темных очках, с которым они один раз вместе ехали в лифте на Кронштадтском бульваре. Суржик тогда никак не мог вспомнить, где его видел? Лицо, вроде, знакомое. Если бы не темные очки и борода, возможно.... Нет, тогда Суржик не мог вспомнить, где виделись. Теперь вспомнил...

Виноват явно был бородатый. Слишком резко тормознул. И тут же подал назад. «Нива» и «четверка» встали на узком перекрестке где-то в районе Мещанских улиц. Заднее сидение «четверки» было забито огромными клетчатыми сумками. В таких челноки возят товары. Суржик и бородатый одновременно тяжело вздохнули. Одновременно вылезли из машин. Хмуро поглядывая друг на друга, начали мысленно прикидывать ущерб.

У «четверки» бородатого помят задний бампер и разбит фонарь. У «Нивы» Суржика помят передний бампер, разбита левая передняя фара. Фифти-фифти.

— Будем ГАИ вызывать? — с тоской спросил Суржик. — Или разойдемся миром?

Оба, не сговариваясь, вздохнули и одновременно полезли за бумажниками. Оба достали по одной зеленой купюре. Протянули друг другу. И одновременно засмеялись.

— А мы знакомы? Ты Дергун! Продюсер «Мальвины», — улыбнулся Суржик.

Бородатый дернулся, улыбка мгновенно сползла с его лица. Он поправил темные очки, быстро оглянулся вокруг. Потом уставился на Суржика. За темными очками разглядеть глаза было невозможно. Но Валера мог поклясться, в них пульсировал страх.

«Бедный мужик!» — подумал Суржик. «От собственной тени шарахается!»

— Вы что-то путаете! — жестко сказал бородатый.

— Да-а, ладно тебе. Сам когда-то на эстраде горбился. Тексты писал. Не бойсь, я тебя не выдам. И вообще! Я чужие проблемы в голову не беру. Меня можешь не опасаться, — беззаботным тоном начал Суржик. — Своих не выдаю.

— Говорю вам, обознались! — ответил бородатый в темных очках.

— Твое дело. Не настаиваю. Сколько тебе должен?

— По-моему, я тебе должен.

— Мы с тобой как Чичиков с Маниловым. «Позвольте вам этого не позволить!».

Бородатый едва заметно усмехнулся. Это еще больше убедило Суржика в том, что он не ошибся. В эстрадных кругах Дергун слыл знатоком классической литературы. Большим любителем Гоголя. По памяти мог цитировать целыми кусками. Нет, Суржик не ошибся.

Перед ним стоял Игорь Дергун собственной персоной. Продюсер скандально-известной группы «Мальвина». Теперь маскировался под какого-то занюханного челнока. Маловероятно, что ему хоть что-то известно о Наде. Хотя, чем черт не шутит...

— Чем твоя Мальвина занимается? Где она сейчас? — как можно беззаботней, нейтральным тоном поинтересовался Суржик.

— Ты тупой, да? — напрямик спросил Дергун. — К вашей поганой эстраде я не имею никакого отношения. Понял?

— Понял, — усмехнулся Суржик. — Только не надо так волноваться. Спокойнее!

— Моя проблема, волноваться или нет! — повысил голос Игорь Дергун. — Жене своей в постели указывай: «Спокойнее! Спокойнее!».

— Зачем же сразу хамить? — сдерживаясь, спросил Суржик.

— Держи сотню и попутного тебе во все места!

— Засунь ты себе свою сотню...

Некоторое время они пререкались в этом духе. Потом разом замолчали и, внимательно взглянув, друг другу в глаза, усмехнулись. Похлопали друг друга по плечам и пожали руки. Потом сели в свои машины и разъехались в разные стороны.

Если бы все мелкие дорожные аварии оканчивались подобным образом? Какая бы гармоничная, радостная, человеческая жизнь пошла! Мечты, мечты.... А ведь всего-то и надо. Встряхнуться и на секунду вспомнить. Ты — человек, существо высшего порядка. Рожден

для лучшего. Вокруг тебя такие же существа высшего порядка. Сотворенные Создателем по образу и подобию Его. Тебе предоставлена уникальная возможность, развить лучшее в себе и задавить худшее. Мелкое, ничтожное. У тебя только одна жизнь. Другой не будет. Спешి делать добро! Конечно, у каждого своих проблем выше крыши. Но облика человеческого терять нельзя. Ни под каким давлением обстоятельств.

Нет, мы трясемся от ярости, глядя в ненавистное лицо такого же нерасторопного или просто задумавшегося дурошлепа, как мы сами. Готовы растоптать его, уничтожить, расстрелять из «Калашникова», закатать в асфальт и проехаться по этому месту на своей машине несколько раз взад-вперед, чтоб и памяти об этом человеке не осталось. И еще долгие дни, недели, месяцы мысленно придумываем изощренную казнь для этого нерасторопного бедолаги. Что с нами творится, братцы!? Куда мы едем? Куда мчим?

«Русь! Куда несешься, дай ответ? Не дает ответа!»

Перед тем, как разойтись по машинам, Дергун дал Суржику адрес своего автослесаря. И даже подробный план на бумажке нарисовал. Как проехать и все такое.

Суржик все-таки не удержался и еще раз тихо спросил:

— Значит, не знаешь, где теперь Мальвина?

Дергун опять оглянулся по сторонам и отрицательно помотал головой.

...Надя и Суржик сидели в ресторане «Али Баба и сорок разбойников». Зал был стилизован под кубрик

пиратского корабля. Круглые иллюминаторы, за которыми плавали диковинные рыбы, по стенам дырявые рыбацкие сети, вместо столов и стульев бочки различных калибров. Официанты были наряжены самыми натуральными головорезами. У каждого черная повязка на каком-нибудь глазу, огромные пистолеты за поясом и угрожающего вида черные усы.

В углу на миниатюрной сцене маячил лохматый нетрезвый тип. В драной тельняшке, с мутными глазами. Широко расставив ноги в шлепанцах на босу ногу, он сидел на бочке, и с яростью терзал гитару. И без устали орал в микрофон дурным голосом блатные песни. Про зону, про волю, про любовь и про колючую проволоку.

Надя и Суржик морщились, но покидать «пиратскую малину» не собирались. Оба к середине дня устали и были рады хоть такому приюту. Обоим приходилось напрягаться. Разговаривать телеграфным стилем. На повышенных тонах. Преодолевать шум.

— Я приготовил тебе подарок, — глядя ей прямо в глаза, сказал Суржик.

— Отвали! — улыбаясь, ответила Надя. — Последнее время не люблю подарков, сюрпризов. Всего добилась сама. Теперь мне не нужно ничего.

— Мой тебе понравится, даю слово.

— Ну!

Надя достала пачку сигарет, щелкнула зажигалкой, жадно закурила.

— Теперь твоим продюсером буду я. погоди, не перебивай. помолчи и послушай. Ведь ты меня совсем не знаешь. То есть, знаешь, конечно, но с другой сторо-

ны. Твой этот Дергун был неплохим продюсером. Но он птица мелкого полета. Тебе нужен, такой как я. Жаль, что мы не встретились раньше. Я очень пробивной человек, у меня куча знакомых. В том числе, на твоей долбаной эстраде.

«Ты жива-а еще моя-я старушка-а! Жив и я! Привет тебе-е.... Приве-е-ет!» — завел новую серию из своего репертуара лохматый тип в тельняшке.

— Валентин Юдашкин, знаешь такого?

— Слышала. Краем уха. Лично общаться не имела счастья, — язвительно ответила Надя. И добавила. — Знакома только со Славой Зайцевым.

— Так вот, солнышко. Валентин Юдашкин — мой друг!

— Мне что, встать и поклониться?

— Погоди, не злись!

— Изрекаешь это таким тоном...

— Он открывает собственный театр. Денег у него — не меряно! «Театр Моды и Песни Валентина Юдашкина». Костюмы, стихи, песни, все сразу, все вместе...

— «Смешались в кучу кони, люди...» — опять съязвила Надя.

— Ты можешь помолчать? — начал злиться Суржик. — Помолчать и секунду послушать! Он меня подбивает быть постоянным автором. Соображаешь?

— Тусовочный треп.

— Ничего похожего! Ты просто не в курсе. Он уже пригласил режиссерами Романа Виктюка и Андрея Житинкина. Представляешь, уровень?

— Специфический. А тебя, значит, автором?

— Слушай, давай обойдемся без этих бабских шпилек. И гнусных намеков. Меня в чем угодно можно обвинить, только не в голубизне!

— Это ты сказал. Я ни о чем таком и не думала. Было бы глупо с моей стороны.

— Между прочим, дело очень серьезное. Масштабное и перспективное.

— Я не могу вернуться на сцену, — помолчав, сказала Надя.

— Почему?

— Потеряла голос. Вернее, отдала, — жадно затянувшись сигаретой и не глядя в глаза Суржику, ответила Надя. — Вернула долг. Я брала его напрокат. На время. Пришло время вернуть долг. Тебе этого не понять.

Надя раздраженно поморщилась и демонстративно отвернулась от Валеры. Уставилась на поющего типа в тельняшке. Якобы, ей стало очень интересно.

— Ну и черт с ней, с эстрадой! — легко согласился Суржик. — Мы снимем сериал. Я напишу для тебя сценарий. Сам буду продюсером. Ты снимешься в главной роли. Я уже и название придумал. «Рыжая из шоу бизнеса». Как тебе? Гениальное название! Кассовое и интригующее, все сразу. Между прочим, Карен Шахназаров....

— Тоже твой друг? — спросила Надя.

— Представь себе, солнышко! Не перебивай. Карен мне звонит каждую неделю. Просто за горло берет. Чтоб я писал для него сценарий. И не только он. Слава Говорухин! Ты ведь знаешь его фильмы, видела? У него теперь свое объединение на «Мосфильме». Мне доста-

точно сказать ему одно слово.... Что ты опять смеешься?
Не веришь?

— Да нет. Просто смешно все это...

«Пишу-ут мне-е... Што ты тая-а... тревогу-у.... Загрустила шибко-о... обо мне-е!» — надрывался, шумно дыша в микрофон, лохматый тип на сцене.

— Не понял, солнышко! Я тебя не всегда понимаю. Когда ты шутишь, когда говоришь серьезно. Ты хочешь вернуться на сцену?

— Невозможно.

— Сняться в кино в главной роли?

— Заманчиво...

— Это и есть мой подарок! — удовлетворенно улыбнулся Суржик. И, скрестив руки на груди, горделиво выпрямил спину. Ожидал восторженной реакции.

Но никакой восторженной реакции от Нади не последовало. Она отрицательно мотнула головой и опять улыбнулась. Своей загадочной улыбкой.

— Ты опоздал, милый. На несколько лет.

— Почему? Ты хочешь? Да или нет?

— Не дави на меня, — слегка поморщилась Надя.
— Вопрос не в том, хочу или не хочу. Вопрос в том, могу или нет.

— Солнышко! Перестань комплексовать! Черная полоса в твоей жизни кончилась. Мы с тобой завоюем весь мир! Канны у нас в ногах валяться будут! Я из тебя Лайзу Минелли сделаю! У меня полно гениальных идей. Через два-три года мы с тобой, взявшись за руки, будем топтать по красной ковровой дорожке на Берлинском кинофестивале...

— Твоими бы устами...

— Представляешь, ты будешь снисходительно махать ручкой зрителям, и щуриться от вспышек блицев фотокорреспондентов. А я, плестись рядом, чуть поотстав, во фраке и с бабочкой на шее. На тебе будет шикарное, элегантное платье...

— Отвали-и! — опять улыбнулась Надя. И выпустила струю дыма ему прямо в лицо. Суржик, недовольно морщась, разогнал дым ладонью.

— Почему ты мне не веришь? На каком основании? Ты актриса. Незаурядная талантливая личность. Подумаешь, обшкабнулась с продюсером! Со всякой может случиться. От этого никто не застрахован. Еще не повод чтоб вовсе бросать сцену. У меня тысячи друзей. По большому счету ты меня совсем не заешь. Думаешь, так... — Суржик повертел пальцами в воздухе. — Заурядный болтун. Пудрит мозги девушке, завтра сам не вспомнит про что молотил.

— Именно так я и думаю.

— Знаешь, солнышко! С первой секунды ты не перестаешь меня удивлять. Постоянно меняешься. Прямо на глазах. Утром ты одна, вечером другая, ночью третья. У тебя даже цвет глаз меняется. В зависимости от места. И настроения.

— Все женщины такие, милый, — неопределенно протянула Надя.

«Не ходи-и... ты больше на дорогу-у.... В старомодном ветхом зипуне-е-е!» — заливаясь пьяными слезами, рыдал бедолага в тельняшке.

— У меня просто такая внешность. Крайне несерьезного человека. Многие так ко мне и относятся. «А-а, Суржик, с этим все ясно! Врун, болтун и хохотун!»

— Я так не думаю.

Надя еще раз жадно затянулась, подняв голову к потолку, выпустила вверх струю дыма и раздавила сигарету в пепельнице.

— Все! — весело объявила она. — Последняя сигарета! Я бросила курить!

Суржик и Надя еще довольно долго обсуждали грандиозные планы Валеры. Но ни до чего и не договорились. Суржик был убежден. Впереди у него еще масса времени. Он еще успеет уговорить Надю. Еще не вечер...

Шел третий день их знакомства.

Сергей Кострюлин, бывший личный шофер и охранник эстрадной «звездочки» Мальвины последний месяц не вылезал из гаражного бокса. Свою старенькую «копейку» он довел почти до совершенства. Выглядела, будто только что с конвейера. Теперь предстояло продать ее за максимальную сумму. Вернуть долги родителям. Купить бабушке Ксении Федоровне новый телевизор, новый холодильник и что-нибудь из шмоток. Бывшие ученицы, навещавшие бывшую учительницу, бросали на Сергея укоризненные взгляды. Вконец обносились старушка. «Оренбургский пуховый платок!».

Покупатели шли косяком, но все не те. В основном, перекупщики. Таких Сергей определял с первого взгляда. Сходу отказывал:

— Продана, дорогой!

Подойдя к гаражу Кострюлина, Суржик невольно вздрогнул. С лобового стекла «Копейки» ему улыбалась Мальвина. Валера открыл, было, рот, но почему-то удержался от расспросов. В конце концов, мало ли портретов Мальвы красуется на лобовых стеклах грузовиков, Рафиков, «Жигулей». У кого президент Путин, у кого вождь всех времен и народов Сталин, у кого Мальвина. Каждому свое.

— Ты говорят, знаток лошадиных душ? — поинтересовался Суржик.

Высокий худой парень выпрямился, смерил Валеру оценивающим взглядом.

— Какие проблемы?

— Вон, бампер помял. Выправить сможешь? Еще фару заменить. И работает с перебоями. Может, бензин плохой?

— Может быть. Открой капот. Крутани! — распорядился Сергей.

Валера влез за баранку, завел двигатель. Сергей несколько секунд, наклонив голову, слушал. Потом, поморщившись, махнул рукой. Дескать, все ясно.

— Зажигание сбито. И третью свечу забрасывает.

— Осилишь?

— Без проблем. Оставь до завтрашнего вечера.

— Что мне это будет стоить?

— Не бойся, меньше не возьму, — усмехнулся Сергей. Он достал из кармана миниатюрный калькулятор, покусывая губы, потыкал в него пальцем. Потом показал Суржику сумму на маленьком экране.

— По-божески, — согласился Валера. И неожиданно для себя предложил, — Давай, организуем автосервис? Ты будешь машины починять, я клиентов находить. И деньги подсчитывать?

— Не получится, дорогой! — усмехнулся Сергей Кострюлин. — Я в армию возвращаюсь. Контрактником. Ты мой последний клиент.

— Не вписался на повороте в новую жизнь?

— Что здесь у вас хорошего?

— Свобода, демократия, рынок... — усмехнулся Валера.

— Знаешь, дорогой! Там... — Сергей неопределенно мотнул головой куда-то в сторону, — ...все проще. Есть они, есть мы. Они враги, рядом — товарищи, друзья. А здесь у вас что? Кто друг, кто враг? Кому верить?

— И куда? — непроизвольно вырвалось у Суржика.

— На мой век «горячих точек» хватит.

Суржик смотрел на этого совсем еще молодого парня и вдруг почувствовал себя опять тем же самым толстым и неуклюжим Валериком. Маленьким мальчиком, которому ни за какие коврижки не перегнуть остальных, не пересечь первым заветную черту у леса на некошеном лугу.

«Ведь он одного возраста с моим Игорем!» — мелькнуло у него в голове. «Ведь я, как минимум, вдвое его старше!».

На следующий день Суржик заберет свой «Форд» у Сергея Кострюлина. Расплатится, поблагодарит. И оба разъедутся в разные стороны. Чтобы больше никогда не встретиться.

Если бы Суржик всего лишь поинтересовался происхождением фотографии на лобовом стекле «Копейки», спросил: откуда она, и все такое. Он был бы ошарашен! Сергей, вполне возможно, назвал бы ему нынешнее местопребывание Нади. И Суржик, очертя голову, ринулся бы туда.... Но ни одному из них даже в голову не пришло, что они оба «ушиблены» одной и той же рыжей девушкой.

Для чего-то эта встреча была нужна. Какой-то в ней был смысл.

В жизни не бывает случайностей.

Засыпая на диване в своей огромной и в одночасье ставшей неудобной квартире на Фрунзенской набережной, Суржик услышал.... Где-то этажом выше гремел телевизор...

«Румба-а, хороший танец!

Румба-а, танцуют все!»

...Ах, как ОН и ОНА танцевали на палубе теплохода «Федор Шалапин»! Многочисленные пассажиры не раз награждали их аплодисментами. Светились и мигали разноцветные фонарики на всех поручнях и мачтах белого теплохода.... Кружились на темном небе звезды над головами танцующих Весь мир, все мироздание качалось в едином ритме под звуки неистовых гитар и аккордеона....

После заключительных аккордов небольшого оркестра из двух гитаристов, ударника и аккордеониста, пассажиры устроили им бурную овацию. Ее слегка вспотевшее лицо светилось неподдельным счастьем. ОНА

поклонилась и сделала книксен. ОН не остался в стороне, щелкнул каблуками, как заправский гусар и, заложив левую руку за спину, отвесил несколько четких поклонов на все четыре стороны. Оба до такой степени тонко чувствовали друг друга, так были пластичны, выразительны, темпераментны, никому из пассажиров и в голову не могло прийти, что ОН и ОНА впервые танцуют вместе. У всех сложилось абсолютное убеждение, они имели счастье наблюдать двоих победителей какого-то международного конкурса бальных танцев.

«Румба-а, поет испанец!

Румба-а, на корабле!»

На теплоход «Федор Шаляпин» они попали совершенно неожиданно. Медленно катили на «Форде» по Ленинградскому шоссе мимо Северного речного порта, возвращались из за города. Надя, случайно повернув голову, увидела сквозь зелень деревьев гирлянды разноцветных фонариков, которыми были украшены обе палубы и мачты. Она, не отрывая взгляда от пришвартованного теплохода, положила руку на плечо Суржика. Он притормозил, и до них донеслись звуки «Румбы» с верхней палубы.

После зажигательного танца они долго сидели на высоких стульях в баре, тянули через соломинки коктейль, почему-то под названием «Леопард» и угрожающе рычали друг на друга. Яростно, выпучив глаза, шипели и скалили зубы, как пара диких животных, из породы кошкообразных, тигроподобных. Такой меж ними состоялся диалог. Кто кого перерычит! Кто кого запугает до смерти!

Один раз ОНА с яростным шипением даже потянулась к его лицу своими выпущенными когтями. ОН отшатнулся и упал с высокого табурета. Со стороны они вполне могли сойти за парочку сумасшедших. Но большинство посетителей бара видели их зажигательный танец на палубе, понимающе кивали головами и улыбались.

Вообще, пассажирам «Федора Шаляпина» не было никакого дела друг до друга.

Поздней ночью, сквозь шум безобидных речных волн, доносящийся из открытого иллюминатора, сквозь гул двигателей теплохода, шепот в каюте:

— Не бойся. Ничего не бойся. У тебя все будет хорошо.

— Ты – единственный человек, которому я верю в этой жизни...

— Все будет так, как должно быть. Как предрешено. Господь щедр, если одной рукой отбирает, другой дарует...

— Я не крещеный...

— Это неважно. Господь все видит, все знает... Ничего не бойся...

Теплоход предоставлял обеспеченным парочкам возможность провести ночь на свой вкус. Покупай билет, получай ключ от двухместной каюты и делай что хочешь. Хоть на голове стой всю ночь, занимайся йогой. Спиртное и ужин стюард доставит прямо в каюту. Можешь всю ночь просидеть в ресторане и дегустировать все подряд напитки. Или стоять со своей девушкой на носу теплохода до посинения и, раскинув руки в сторо-

ны, вдыхать упругий речной воздух, ощущая себя героями «Титаника».

Под утро сонных и еще не трезвых пассажиров поднимет мелодичный звон колокола, извещающий о прибытии в Северный речной порт...

8

«Внимание! Розыск! Надежда Соломатина, 23 года, рост 68, была одета...». Ксерокопии с афиш Мальвины бросались в глаза Суржику возле каждого отделения милиции. Он морщился и отворачивался. На них Надя была похожа на кого угодно, только не на саму себя. Прошло больше месяца, и Валера с ужасом вдруг понял, что начинает забывать ее лицо. Проклятие какое-то!

Несколько раз на улицах Суржик, заметив со спины в толпе, как ему мерещилось, Надю, бросался следом и, схватив за руку очередную девушку, резко поворачивал к себе. И каждый раз потом долго извинялся, просил прощения и сокрушенно качал головой. Девушки, быстро взглянув ему в глаза, почему-то сразу понимали, – ЧТО происходит с этим, уже немолодым, полноватым, лысоватым мужчиной. Сочувственно кивали и шли дальше по своим делам. Изредка оглядывались.

Время лечит, гласит народная мудрость. Дни шли, за ними недели, но никакого облегчения Суржик не чувствовал. Более того, возникло странное ощущение, будто из груди выпала, куда-то подевалась большая часть его души. И в том месте образовалась пустота. И ничем ее невозможно было заполнить. Это место непо-

нятным образом ныло, болело, подчас не давало свободно и легко дышать.

«Я начинаю сходить с ума!» — постоянно твердил себе Валера. «Это болезнь. Так дальше не может продолжаться. Безвыходных положений не бывает. Всегда есть выход!».

«Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой».

Татьяна заявила в квартиру Леонида Чуприна на Кронштадтском бульваре ранним утром. Он еще и глаза продрать не успел. Челкаш вообще не соизволил подняться с тахты. Спали они, естественно, вдвоем. В обнимку. По спартански. Без простыней. Под одним байковым одеялом. Чуприн в одних трусах проковылял на гипсовой ноге в коридор и, не глядя, распахнул дверь. Опять был уверен, это соседка Наталья.

Но это была не Наталья. Татьяна привычно и решительно вошла в квартиру и, будто не было никакого недельного перерыва, сходу изрекла:

— У тебя могло сложиться обо мне превратное представление! Должна сказать сразу...

— Какое-какое? — не понял Чуприн.

— Превратное. Искаженное!

— А-а... Понял, — сказал Леонид. И зевнул. — Ты чего в такую рань?

— Хочу, чтоб ты знал. Я ни о чем не жалею.

— Я тоже. Было бы глупо... — поддержал ее Леонид. Не успев понять, о чем речь.

— У меня было счастливое детство. Не скрываю. И не стыжусь. Я была юной пионеркой. И активной комсомолкой.

— Да, да.... Не Лариной она была, — пробормотал Чуприн. — Ты проходи, проходи.

Они прошли на кухню. Татьяна осталась стоять в дверях. Леонид налил в чайник воды из-под крана и грохнул его на плиту.

— Меня неоднократно награждали почетными грамотами. Однажды даже отправили в Артек пионервожатой. Я видела живого Гагарина. Он к нам приезжал....

— Сколько ж тебе тогда было лет? — удивился Чуприн.

— Нас построили на линейке, — не слушая, продолжила Татьяна, — Он шел вдоль шеренги, возле меня почему-то остановился, посмотрел на меня так... улыбнулся своей знаменитой улыбкой и... пожал мне руку...

Татьяна неожиданно всхлипнула, опустила на табуретку возле холодильника и достала носовой платок.

— Куда все это ушло!?! — со слезами в голосе воскликнула она. — Комсомол, всесоюзные стройки, пионерские костры.... Гагарин, Космос, Патрис Лумумба...

— Анжела Девис... — в тон ей добавил Леонид Чуприн.

Татьяна вдруг тряхнула головой, бросила на Чуприна враждебный взгляд.

— Демократы вшивые! Все зло от них! — жестко сказала она.

— Я-то здесь при чем!? — изумился Леонид.

— Разрушили прекрасную страну, растоптали светлые идеалы. Что дали взамен?

— Возможность спекулировать квартирами, — пожал плечами Чуприн.

— Не по своей воле занимаюсь этой пакостью! — повысила голос Татьяна. — Жить на что-то надо. Если никому не нужны писатели с их книгами, думаешь, кому-то нужны критики с их статьями? Критики оказались на помойке раньше писателей.

— И поделом. Поделом! — злорадно вставил Леонид. — Ты завтракала или как? Чай будешь пить? Вчера соседка купила. Натуральный, цейлонский.

— Ты садист! Хуже моей дочери. Здоровенная кобыла, до сих пор сидит на моей шее. Я вынуждена перепродавать квартиры! Понимаешь, вынуждена! Единственное, что у меня хоть как-то получается. Началось то все дуриком.... Когда разогнали все наши редакции, приватизировали, сволочи, я оказалась совсем на мели... Счастье, что после отца осталась большая квартира. Я, как и ты, решила ее продать, купить меньшую. Ко мне со всех сторон посредники набежали... бывшие аспиранты, доценты, мужики и совсем девчонки... Я посмотрела, посмотрела.... Думаю, чем я хуже?

— Ты лучше. Могу подтвердить под присягой. Минуту! — подняв вверх палец, неожиданно сказал Чуприн и, прихрамывая на ногу в гипсе, вышел в «кабинет».

В большой комнате он быстро согнал недовольного Челкаша с тахты, застелил ее покрывалом. Натянул на голое тело тренировочный костюм, убрал со стола в

ящички все рукописи. Вернувшись на кухню, он застал Татьяну в той же воинственной позе. С прямой спиной и взглядом, устремленным в окно. Куда-то вдаль. Не иначе, в светлое прошлое.

— Я тебя перебил. Извини, пожалуйста! — изысканно-вежливым тоном сказал он. — Перейдем в мой «кабинет»? Там как-то привычнее, просторнее...

В «кабинете» Леонид поставил в самый центр стул и жестом пригласил ее присесть.

Потом подошел к Татьяне вплотную, положил ей руки на плечи. Точнее, не на плечи. Положил руки ей на шею.

— Послушай меня, красотка!

— Убери руки с моей шеи. Если хочешь меня задушить...

— Не волнуйся. Если б хотел, сделал бы это в первую ночь.

— Что тебя остановило?

— Твой музыкальный храп.

— Что-о!?

— Ты очень музыкально храпишь во сне. Заслушаешься!

— Ты лжешь! Как всегда!

— Спроси у Челкаша. Мы с ним все ночи глаз не смыкали.

Некоторое время оба молчали. Татьяна раздувала ноздри и сверкала глазами.

— Что ты хочешь мне сказать? — помолчав, выговорила она.

— Завтра я снимаю гипс.

- Поздравляю!
- И начинаю новую жизнь.
- Чтоб начать новую жизнь, необязательно было ломать ногу.
- Очень смешно! Чтоб начать новую жизнь, мне нужно было уложить на обе лопатки «черного человека».
- Ты постоянно говоришь двусмысленности! Это пошло!
- Только начало. Скоро перейду на трехсмысленности, четырех и так далее.
- Убери руки! Иначе я буду кричать!
- Ха-ха! В три строчки! Можешь хоть горло сорвать, никто из соседей не чихнет.
- Тем не менее, Леонид опустил руки с ее шеи, подвинул себе другой стул, присел прямо напротив Татьяны. Внимательно рассматривал ее лицо, волосы, глаза...
- Ты сказала, критик Марк Кречетов – это ты? Марк Кречетов – твой литературный псевдоним? Почему ты подписывалась мужским именем?
- Просто так. Захотелось, — с вызовом ответила она.
- Это не ответ.
- Женский каприз.
- Точнее сказать, маскировка!
- От кого мне прятаться? Да и зачем? Я всегда писала только то, что думала. Что чувствовала, что считала необходимым, полезным...
- Полезным... кому!? — поморщился Чуприн.

— Литературе! В самом высоком смысле этого слова! — четко, как на допросе, ответила она, — Великой русской литературе. Если претендуешь на место в ряду классиков, будь любезен – соответствуй!

Леонид не выдержал, вскочил со стула, начал, прихрамывая, бегать по привычной траектории. Взад-вперед, взад-вперед...

— Ты служила не великий русской литературе! Ты служила партии! Выполняла Указы КПСС! — с презрением в голосе, начал кричать Чуприн. — Ты – КПССесовка-а!!!

Татьяна покачала головой, обречено вздохнула и отвернулась к окну.

— Посмотри мне в глаза! — заорал Чуприн. — В глаза, в глаза-а!

— Что за тон!? — возмутилась Татьяна. — Тоже мне, интеллигент, литератор...

— Отвечай! Спецпак получала в райкоме вашей партии? Спецпайки, спецполиклиники. Квартиры в престижном доме вне очереди. Заграничные поездки, дублировки по сходной цене, продуктовые заказы.... Было?

— Было. И ты бы на моем месте...

Чуприн резким взмахом руки прервал ее.

— Ты сказала, моих книг никто не читает. Так вот, красотка! Мы с тобой одного поля ягоды. Твоих критических доносов тоже никто не читал. Кроме меня! Я тоже – единственный твой читатель!!!

— Доносы!? — возмущенно вскинулась Татьяна.

— А ты думала, продолжаешь великие традиции Писарева, Белинского!? Дурочка-а! Ты была верной ов-

чаркой вашей партии. Теперь за ненужностью тебя выбросили, как старую собаку на мороз. Скажи спасибо, не усыпили.

— Я всегда с колыбели поступала, как мне подсказывала совесть!

— И партийная дисциплина!

— Да! Да! — закричала Татьяна и даже вскочила со стула. Глаза ее засверкали привычным воинственным огнем. — Была! Есть и буду членом коммунистической партии Советского союза! И свой партийный билет, в отличие от твоего карьериста и приспособленца Марка Захарова, на телевидении сжигать не собираюсь!

Леонид Чуприн оглушительно захлопал в ладоши. Как какой-то озверелый фанат Большого театра в финале оперы «Борис Годунов». Или балета «Лебединое озеро».

— Bravo! Долгие и продолжительные! Все встают!

На шум «долгих и продолжительных аплодисментов» в дверях «кабинета» появился Челкаш. Несколько секунд он с тоской смотрел на хозяина и черноволосую. Потом вдруг задрал морду вверх и... завыл. Протяжно, тоскливо, прикрыв глаза и слегка покачиваясь.

Так воют на луну долгими зимними ночами одинокие волки. Волки, как известно, однолюбы. Если теряют подругу жизни, до конца дней остаются в гордом одиночестве.

Тоскливый протяжный вой заполнил всю квартиру, выплыл через распахнутую дверь лоджии на улицу и поплыл над зелеными дворами Кронштадтского бульвара. Над ракушками и беседками, над заасфальтиро-

ванными тропинками и детскими площадками. В соседних домах люди высовывались из окон, выходили на балконы и лоджии, и недоуменно переглядывались. Такого в их микрорайоне еще не слышали.

В то утро Суржик долго лежал на диване и смотрел в потолок. Потом откинул одеяло, медленно встал, натянул джинсы. Достал из шкафа чистую белую рубашку, перед трюмо надел ее на голое тело. Тщательно застегнул все пуговицы. Секунду подумал и расстегнул две верхние. Вышел из квартиры, спустился на лифте, вышел во двор. Подошел к «Форду», отключил сигнализацию, открыл багажник. Долго копался, бесцельно перекаладывал с места на место разное барахло, коим набит багажник каждого второго автолюбителя. Наконец нашел то, что искал. Синтетический буксировочный трос. Длинный, гибкий, мягкий. Сложил его в полиэтиленовый пакет, достал из ящика с инструментами отвертку, тоже сунул в пакет. Захлопнул багажник и вернулся в квартиру.

Выбрал самый крепкий стул, поставил его на стол. Взобрался на стол, потом на стул. Осторожно отверткой отсоединил провода от люстры. Так же осторожно снял люстру с крюка, опустил ее на стол. Спустился на пол, снял люстру со стола и отнес в угол гостиной. Поставил ее между тумбочкой с керамической вазой и торшером. Вернулся к столу, достал буксировочный трос, сделал на конце его внушительную петлю. Вскарabкался на стол, потом на стул, привязал другой конец троса к крюку под самым потолком. Пару раз подергал трос, убедился в

его прочности и надежности. Крюк должен был выдержать около трехсот килограмм. По крайней мере, так утверждали рабочие, когда делали евро-ремонт в его квартире. Буксировочный трос выдерживал полторы тонны. Так утверждала инструкция. Надел петлю на шею и начал про себя считать до десяти. Твердо решил, как только в голове вспыхнет цифра «десять», он сделает шаг вперед и... все кончится. Он почувствует, наконец-то, облегчение. Освободиться от немыслимой тяжести в груди.

«Один... два... три... четыре...».

Прервал это увлекательное занятие резкий телефонный звонок. Валера нелепо засуетился, снял с шеи петлю, неловко начал спускаться со стула на стол. Потерял равновесие и чуть не грохнулся на стол. Но удержался на ногах, прыгнул на пол.

Как только поднес трубку к уху, услышал знакомый голос Леонида Чуприна. Тот, в обычной своей манере, что-то жевал:

— Привет! Где пропадаешь? Почему не звонишь?

— Долго рассказывать, — сильно выдохнув, ответил Суржик.

— Бросил лучшего друга, с одной ногой. Даже не поинтересуешься, как он там?

— Как ты там? — поинтересовался Суржик.

— Ты чем сейчас занят?

— Люстру починяю, — подумав, ответил Валера.

— Исчез куда-то... — недовольно бормотал Чуприн.

— День рождения замотал. Я звонил, звонил. Ты где был-то? Уезжал что ли?

- Собрался уехать, — ответил Суржик.
- Какие новости?
- Никаких.
- Надо повидаться.
- Ты гипс снял?
- На днях. Самому уже осточертело. Заезжай, когда будешь свободен. У меня тут небольшие изменения.
- Еще одну бродячую собаку подобрал?
- Приедешь, увидишь. Приезжай!

Валера положил трубку на рычаг и долго смотрел на аппарат. Потом перевел взгляд на буксировочный трос, закрепленный под потолком на месте люстры. Петля, висящая точно по центру стола, выглядела какой-то нелепой театральной пародией на реальность. Бред! Подобную глупость с буксировочным тросом он видел в спектакле какого-то авангардного новомодного режиссера из Прибалтики. Эти всегда пыжата бежать впереди паровоза.

Суржик проходил мимо старинного трюмо, когда вместо своего отражения, увидел... Надю. Она, скрестив руки на груди, стояла напротив и насмешливо его разглядывала. Именно насмешливо и даже с какой-то брезгливой гримасой.

- Зачем веревка? — усмехнулась она.
- Угадай с трех раз.
- Слабак! Вот уж не думала.
- Мое личное дело. Никого не касается. Даже тебя.
- Это не решение проблемы. Это вообще не решение! — сказала Надя.

— Я начинаю тебя ненавидеть. Появилась, поманила в дали светлые...

— Ничего я тебе не обещала, — покачала головой Надя. — Не обнадеживала.

— Только сегодня утром все понял. Ты мстишь. Тебя когда-то предали. Растоптали, унизили. Теперь ты мстишь всем мужикам. Меня выбрала первым объектом.

— Ты глуп. Так ничего и не понял.

— Я ездил в твой «Журавлик». Тебя в двенадцать лет изнасиловал участковый милиционер. С тех пор ты мстишь всему роду мужскому. Подсознательно.

— Дурак! С тем участковым, кстати, его тоже звали Валера, у нас были чисто платонические отношения. Мы с ним даже не целовались.

Суржик долго молчал. Всматривался в лицо Нади. Когда весь ее облик начал как-то странно колыхаться и мутнеть, как на экране старого телевизора, он спохватился:

— За что ты меня так? Я тебя ищу, ищу.... Начинаю сходить с ума.

— Обойдется. У тебя все будет хорошо.

— Не могу я без тебя, рыжая! Ты где? Или тебя уже нет?

— Я ближе, чем ты думаешь, — усмехнулась Надя. И исчезла из зеркала. На ее месте опять возникло его собственное отражение. В последние дни оно только раздражало.

Суржик подошел к столу, ухватился обеими руками за трос и изо всей силы рванул на себя. Как и следовало

ожидать, крюк вылетел из потолка. Как и следовало ожидать, рабочие, делавшие ремонт, обманули. Закрепили крюк для люстры на соплях. Буксировочный трос упал на стол. На голову Суржика хлопьями снега посыпалась штукатурка.

Через час он поднимался в скрипучем лифте на третий этаж знакомого дома на Кронштадтском бульваре. Как обычно, поднялся до пятого, потом спустился на третий.

Суржик застал в квартире своего закадычного друга умильную картинку, почти семейную идиллию. Незнакомая черноволосая женщина на кухне в домашнем фартуке жарила оладьи. Челкаш, разумеется, находился неподалеку от плиты и бдительно контролировал каждое ее движение. В квартире на окнах появились веселенькие занавесочки и элегантный половик у двери. Его друг Леня Чуприн сидел в своем «кабинете» за столом перед новеньким компьютером. Брал с тарелки горячие оладьи и отправлял их в рот. Указательным пальцем другой руки неумело тыкал в клавиатуру.

— Привет! — кивнул он Суржику. Будто они расстались полчаса назад.

— Берешь уроки? — поинтересовался Суржик.

— Таня-а-а!!! — неожиданно заорал во все горло Чуприн. На пороге «кабинета» мгновенно возникла слегка испуганная черноволосая женщина.

«Стало быть, ее зовут – Таня!» — мысленно усмехнулся Суржик.

— Какого хрена он опять сам размер увеличил!? — раздраженно спросил Леонид.

— Господи, Ленечка! Я же тебе показывала.... Нажми вот на эту кнопку! — виноватым тоном, оправдываясь, ответила она.

«Ленечка! Танечка!» — пронеслось в голосе у Валеры.

— Ты где пропадал? — мрачно спросил Чуприн, не отрывая взгляда от монитора.

— Да так. Везде и нигде.

— Дела?

— Ничего интересного, — ответил Суржик, усаживаясь на тахту.

Из кухни опять появилась Татьяна. Улыбнулась Суржику. Валера мгновенно все понял. Увидев эту улыбку, его друг Леонид Чуприн, естественно, тут же забыл все свои клятвенные заверения насчет женского рода.

Бедняга! Многие женщины еще и не такое умеют. От рождения.

Татьяна подложила Чуприну в тарелку еще оладьи. И поставила стакан киселя.

— Валера! — повернувшись к Суржику, улыбаясь, спросила она. — Вам со сметаной? Или с вареньем?

— Ему, того и другого! И побольше! — распорядился Леонид, запихивая в рот очередную, наверняка, десятую по счету, оладушку.

Татьяна кивнула. Вышла на кухню и мгновенно вернулась. Принесла и протянула Суржику небольшой поднос, на котором красовалась горка оладьев на та-

релке, стакан киселя. И даже чистая накрахмаленная салфетка.

— Нет слов! — пробормотал Суржик, принимая поднос с яствами. У него, и, правда, не было слов. Просто очень хотелось пожрать. Именно оладьев.

Некоторое время друзья с жадностью поглощали оладьи. Чуприн за столом, не отрывая глаз от монитора компьютера, Суржик на тахте. Оба ели с такой скоростью и аппетитом, что у Челкаша, изредка заглядывающего из кухни в «кабинет», возникло подозрение. Оба поставили себе целью оставить его голодным.

— Тебя с какой-то рыжей девицей видели, — с полным ртом, не прожевав, пробормотал Чуприн. — Кто такая?

— Ее больше нет, — ответил Суржик. И сам испугался своих слов. — Исчезла куда-то. Как сквозь землю провалилась,... — поправился он.

— Говорят, совсем девчонка? Ей сколько лет?

— Двадцать два, — задумчиво бросил Валера. — Или двадцать три.

— Комплексуешь? — мрачно поинтересовался Чуприн.

— В смысле?

— Если мужчина нашего возраста связывается с девчонкой, он погряз в комплексах.

— Оставь в покое мои комплексы. Мне с ними хорошо. Отлично уживаюсь. Я их люблю, холю и лелею! И потом! Это совсем не то, о чем ты подумал. Мальва — это любовь. Как ни пошло и банально это звучит.

— Мальва? — переспросил Чуприн.

— Только встретив ее, понял, я никогда и не любил. Даже не нюхал этого чувства. Все мои предыдущие бабы... А-а, что там... — обречено махнул рукой Валера.

Эти слова Суржик произнес каким-то застенчивым, извиняющимся тоном. Чуприн оторвал взгляд от монитора, повернулся к нему и долго, нахмурившись, смотрел на своего закадычного друга. Будто тот внезапно превратился в негра. Или на голове у него вдруг выросла копна густых рыжих волос. Или еще что-то в этом духе.

— От тебя какие-то странные флюиды исходят.

Суржик развел руками в стороны, виновато пожал плечами. Леонид Чуприн кожей почувствовал, лучше не лезть со своими ироническими комментариями.

— Какая она? — как бы, невзначай, спросил он.

— Она? Она... вся... светящаяся! — вздохнув, пробормотал Суржик. Смотрел при этом в окно. Почему-то не мог смотреть в глаза Чуприну. — Да ты ее знаешь. На эстраде выступала. Группа «Мальвина». Солистка. Эффектная такая блондинка.

— Ты говорил, рыжая. Теперь, блондинка! — вернулся к привычному подозрительному тону Чуприн. У него эти переходы всегда были внезапными. Непредсказуемыми.

— Это тебе кто-то другой говорил. Моя Мальва абсолютно рыжая. На сцене выступала в блондинистом парике. Имидж такой. Ты ее должен знать.

Чуприн, не отрывая глаз от экрана, отрицательно помотал головой.

— А я говорю, знаешь!

— Не знаю.

— Знаешь, знаешь, — твердил Валера.

— Понятия не имею!

— Вечно споришь! Все ее знают, один он не знает!

Сам того, не подозревая, Суржик был абсолютно прав. Только не в том смысле...

...Десять лет назад у Лени Чуприна, действительно, был фантастический, безумный роман с «Лолитой». Точнее, Надей Соломатиной. Ей тогда было всего четырнадцать, она в первый раз сбежала из Волоколамского детдома. Леониду было чуть больше тридцати, он пребывал в творческом кризисе. Судьба столкнула их у гаражей, где Леонид строил собственными руками катер под названием «Бармалей». То был «Бармалей 1». Его короткая биография была трагична. Он затонул при первом же спуске на воду.... Впрочем, это совсем другая история. К рыжей Мальвине, Наде Соломатиной не имеет отношения...

— Не знаю я никаких рыжих Мальвин! — раздраженно бросил Чуприн.

— Видел, видел! — настаивал Суржик. — Хоть одним глазом, да видел.

— Терпеть не могу эстраду. На дух не переношу.

— Должен был видеть по телевизору. Ее все знают! — настаивал Суржик, запихивая в рот очередную оладью.

— Я никому ничего не должен! — отчеканил Леонид. И на секунду оторвавшись от экрана, грозно посмотрел на Суржика. — И телевизора у меня нет. Во-он

он... — Леонид кивнул в угол комнаты, — ...все руки не доходят выбросить. Твою Мальву я не знаю.

Закадычные друзья и не подозревали, что говорят об одной и той же рыжеволосой девчонке. Просто судьба сталкивала их с ней в разные годы. В разные периоды их жизни. Если бы Суржик и Чуприн чуть подробнее обсудили эту проблему, чуть откровеннее рассказали друг другу о «своих рыжих», (каждый о своей!), наверняка, сообразили бы, речь идет об одной и той же.

И их многолетней дружбе мгновенно пришел бы конец.

Но сейчас им было не до этого. Оба с упоением и даже страстью поедали оладьи. Черноволосая Татьяна умела их печь! Даже привередливый лохматый брат Челкаш трескал их за обе щеки. Хотя не был любителем мучного.

— Тряхнешь стариной? — спросил Суржик.

Он достал из дипломата и положив на стол рукопись новой книги.

— Мое условие в издательстве, оформлять книгу должен ты.

Оба насытились и, не сговариваясь, откинулись передохнуть. Леонид на спинку кресла, Суржик на пуфик тахты. Чуприн рассеянно листал рукопись, быстро пробегал глазами страницы. Он всегда так просматривал рукописи. Чем постоянно вызывал недовольство друзей. Только двое-трое самых близких, (Суржик в их числе!), знали, это обычная манера Чуприна. Приступая к работе ему было важно ухватить первое впечатление от

рукописи. У творческих людей первое впечатление, как известно, самое верное. Детали, уточнения, подробности – все потом.

— А ты изменился, — пробормотал Чуприн. Бросил на друга быстрый взгляд и опять углубился в рукопись.

— Просто очень устал, — ответил Суржик.

Валера сидел в нижнем кафе Дома литераторов в компании малоизвестных актеров из московского областного ТЮЗа. Детский драматург Ким Мешков устроил банкет по поводу премьеры своей очередной, уже со-той или двухсотой, пьесы сказки. Он перехватил Суржика в гардеробе и почти насильно затащил за стол в надежде, что тот будет тамадой, заводилой и все такое. В Доме литераторов Суржик давно превратился в некий талисман банкета. Если он будет за столом, стало быть, все пройдет на высшем уровне. Настроение у Валеры сегодня было «не банкетное», он долго отнекивался. Потом согласился с условием, что через полчаса незаметно, «по-английски», исчезнет.

Веселье актеров только-только достигло апогея, когда в зале появился гардеробщик Гриша. Протиснулся между сидящими и, наклонившись к самому уху Валеры, сообщил. В вестибюле его спрашивает женщина.

— Молодая, рыжая? — заволновался Суржик. Он мгновенно вскочил на ноги, опрокинув при этом фужер с минеральной водой прямо в «Столичный салат».

Гардеробщик Гриша отрицательно помотал головой и исчез в табачном дыму. Суржик выбрался из-за стола. В вестибюле у зеркала на банкетке сидела Вера.

В первое мгновение Суржик не узнал жену. Давно не виделась, она перекрасилась, изменила прическу и напялила какой-то совершенно незнакомый элегантный костюм. Средних лет красивая женщина с огромными бездонными глазищами. На такой женщине взгляд сам собой задерживается.

«Все-таки, вкус у меня есть!» — машинально отметил Суржик.

Вера сидела совершенно неподвижно и смотрела прямо перед собой в одну точку.

— Что стряслось? — нахмурившись, спросил Валера. Он присел рядом и оглянулся по сторонам. Вестибюль был почти пуст. Только в самом углу у кассы две девицы старательно изучали афишу мероприятий Дома литераторов.

— Ты совсем забыл свою семью! — заготовлено произнесла Вера. — Тебе абсолютно наплевать на сына. Ты — законченный эгоист!

— Каждый раз, одно и то же, одно и то же...

— Стыдись, Валера! Как мальчишка! — все больше заводилась Вера. — О твоих похождениях с рыжими девицами вся Москва судачит! На малолеток потянуло?

«Во-он где собака зарыта-а!» — уныло подумал Суржик. «Уже донесли!».

Девицы отошли от кассы и начали взад-вперед прогуливаться по вестибюлю. Бросали при этом любопытные взгляды на Суржика и Веру.

— Не сейчас и не здесь! — поспешно сказал он.

— Игоречек! Бедный сыночек мой! — неожиданно начала плакать Вера.

— Господи! Что на этот раз?

— Заболел.... Подцепил какую-то заразу! Врачи говорят, приготовьте себя к самому худшему.... Я тебе звонила весь день...

— Что-о!? — нахмурившись, переспросил Суржик. Ему почему-то показалось, что он оглох. Вера продолжала что-то говорить, губы ее беззвучно шевелились, но слов Валера разобрать не мог, как ни напрягался.

— Что-о!? — еще раз переспросил Суржик. — Какой диагноз? Что говорят врачи?

— Инфекционный гепатит... — всхлипывала Вера. — Он в Боткинской больнице...

Молнией вспыхнуло яркое воспоминание. Десять лет назад, еще при строительстве «Титаника», Суржик потащил сына в только что налаженный душ. Решил преподать урок закаливания. По собственному опыту знал, сохранить здоровье можно только холодной водой. Двенадцатилетний Игорь рос худым, болезненным ребенком.

Суржик раздел мальчика догола и сунул под ледяные струи душа. Обычно молчаливый и застенчивый ребенок, прижав к груди руки со стиснутыми кулачками, широко раскрыв рот, орал на весь писательский поселок:

— А-а-а-а-а!!!

Он кричал, словно все льды Ледовитого океана.... Все айсберги Гренландии.... Все торосы Антарктиды... навалились на его худенькие плечи, грудь и стиснули в таких судорожных объятиях, что не выжить...

Его долгие годы, в самые неподходящие моменты жизни, перед глазами Суржика будет возникать бледное лицо сына, его расширенные от ужаса глаза и его тонкий, прерывающийся голос:

— А-а-а-а!!!

— Бедный мой Игоречек! Это надо же, гепатит! За что!?

Вера, закусив губы и прикрыв глаза, покачивалась на банкетке из стороны в сторону.

Сын Игорь всегда без спроса брал «Ниву» и катал на ней всех своих многочисленных друзей. Таких же балбесов, как и сам. Возвращая машину, всегда умудрялся поставить ее перед подъездом своеобразно, перегораживал выезд со двора сразу всем соседям.

— Ты козел, да!? — зверея, любопытствовал Суржик. — Не можешь машину нормально поставить, да!? Нет, ты козел!?

— Сам ты, козел! — в тон ему, начинал звереть Игорь. В эти мгновения он был особенно похож на него. Только чуть моложе. Суржик это видел и злился еще больше.

Игорь взял от него и от Веры всего поровну. Ума, таланта, темперамента. Как и Суржик, мог по любому пустяку завестись в пол-оборота. Взвиться до небес. Как и Суржика, его тоже, (О, Господи!), любили женщины.

— Позвони мне завтра с утра! — всхлипывая, сказала Вера. Она вытерла слезы, быстро поднялась и направилась к выходу. Суржик поспешил за ней.

Вера шла по Никитской улице от Дома литераторов в сторону Садового кольца. На метро. Она шла, высоко

подняв голову, легкой, стремительной походкой. Со стороны никому и в голову не могло прийти, что у этой женщины большое горе. Суржик стоял в дверях Дома литераторов, смотрел ей вслед и чувствовал, что у него опять начинает дико болеть голова. Следовало бы отвезти жену домой на машине или, хотя бы, проводить до метро. Но Вера наотрез отказалась...

...Через полгода Суржик продаст своего «Титаника». Как ни странно, за очень большие деньги. Найдется любитель экзотики, из новых русских. Все баксы Валера бросит на излечение сына. Вдвоем с Верой, рука об руку, будто и не расходились вовсе, они будут носиться по больницам, показывать Игоря ведущим специалистам, доставать новейшие импортные лекарства. Поднимут на ноги пол-Москвы, всех друзей-знакомых. Валера мобилизует все свои связи, продаст «Ниву» и уже будет готов продать и просторную квартиру на Фрунзенской набережной, а сам переселиться в пятиэтажную «хрущобу» на окраине Тушино. И они, стиснув зубы, вырвут сына Игоря из лап этой страшной, почти неизлечимой болезни...

— Ты козел, да!? Не можешь нормально машину поставить, да!? Ты козел!?

— Сам ты козел!

Вечером в гостях у Чуприна за традиционными оладьями Суржика ожидал сюрприз.

— О какой Мальвине речь? — поинтересовалась Татьяна.

— Певица. На эстраде. Рыжая какая-то. Она хоть способная? — оторвавшись на секунду от компьютера, морщась, спросил Леонид.

— Как-то ты небрежно об актрисе, которую даже в глаза не видел, — укоризненно покачал головой Суржик.

— Я вашу Мальвину хорошо знаю, — неожиданно сказала Татьяна. — Оформляла ей квартиру.

— Ты!? — чуть не подавившись, спросил Суржик.

— Что тебя так удивляет? — в свою очередь удивился Чуприн. — Она ведь риэлтер. Покупка — продажа квартир, ее бизнес. Со многими знаменитостями работала. У нее слабость к знаменитостям. Верно, я говорю? — подмигнул он Татьяне.

— Когда ты ее в последний раз видела? — равнодушным тоном спросил Суржик. И даже отвернулся к окну, чтоб не выдать своего волнения.

— Кажется, полгода назад... — наморщив лоб, произнесла Татьяна. — Да, ровно полгода. Я ей и деньги помогла пристроить в надежный банк.

— Большие деньги? — спросил Леонид.

— Приличные. Треть она оставила на своем счете, треть положила на имя сестры. Еще треть перевела на счет монастыря.

— Монастырь? Ты в этом уверена? — спокойно спросил Суржик.

— Кто у нее сестра? — опять встрял Чуприн. — Тоже на эстраде поет?

— Нет! — улыбнувшись, помотала головой Татьяна. — Сестра совсем еще ребенок. Несовершеннолетняя.

— Зачем вообще-то деньги на монастырь переводить? Глупость какая-то! — пожал плечами Чуприн.

— Она теперь там...

— Где!? — быстро спросил Суржик.

— В Светло-Посадском монастыре. Она давно мечтала.... Где-то у меня адрес есть...

Через полчаса Валера садился в свой «Форд». В руке он сжимал бумажку с адресом. В первое мгновение, услышав ошеломляющую новость, он почему-то совсем не удивился. Оказалось, внутренне был готов к чему-то подобному. Только со стороны ее поступок мог показаться экстравагантной выходкой.

В машине внезапно, порывом ветра, на него навалилась чудовищная усталость. Как на стайера, который наконец-то пересек заветную финишную черту. И теперь, согнувшись пополам, без сил стоит на дорожке и никак не может успокоить рвущееся из груди сердце. Суржик долго вертел перед глазами записку, написанную ровным, четким почерком Татьяны. Будто хотел что-то прочесть между строк, разгадать затейливый ребус.

В квартире на третьем этаже Леонид по-прежнему, сидя за столом, глазел в монитор компьютера, изредка стучал одним пальцем по клавишам. Татьяна сидела поблизости на стуле, готовая в любой момент прийти на помощь.

— Не понимаю, — задумчиво пробормотал Леонид.

— Что?

— Все актрисы как с цепи сорвались, — продолжил Чуприн, не отрывая взгляда от монитора. — Пачками уходят в монастырь.

Татьяна не ответила, вздохнула и пожала плечами.

— Катя Градова, которая в «Семнадцати мгновениях весны» снималась, помнишь? Гобзева.... Эта, как ее? Васильева... Дурехи! Мода, что ли?

— Женщины в монастырь уходят от несчастной любви.

— Только без угроз! — сказал Леонид Чуприн.

9

Валера опять гнал свой «Форд» по прямой как стрела трассе Москва – Санкт-Петербург. И это загородное шоссе было совершенно пустым. Что неудивительно. Это в Москве пробки, гарь, духотища. Достаточно отъехать километров на сорок и можно расслабиться. Дави на газ и хоть ногу на ногу закидывай.

Перед его глазами вспыхивали сцены предстоящей встречи с Надей...

...Он снимет целиком местное кафе-стекляшку. Часа на два. Больше не потребуется. В этой чертовой дыре, Светлый Посад, тоже должно быть какое-нибудь кафе-стекляшка. Их сейчас в любой, самой захудалой деревушке понатыкали предприимчивые кавказские люди. Он заплатит хозяйке «без базара» любую сумму и потребует, чтоб ни одна живая душа им не мешала. Хозяйкой накроет в центре зала шикарный стол. С цветами и шампанским. Он развесит по стенам афиши. Хо-

— Нормальная русская речь! — возразит он. — Можно подумать, ты никогда на своей эстраде ничего такого не слышала.

— Терпеть не могу эту гадость! Тьфу! Прости меня, Господи!

— Да-а! — прищурившись, скажет он. — Не та-ак представлял я себе нашу встречу!

Он подойдет к столу, жестом пригласит ее. Она, немного поколебавшись, вздохнув, тоже подойдет к столу. Он галантно подставит ей стул. Сядет напротив.

— Что-то у нас не клеится... на сухую! Надо врезать! — решительно скажет он. И возьмет в руки бутылку шампанского.

— Без меня! — тихо, но твердо скажет она.

— В вас там... еще и сухой закон!?

— Само собой, — пожимая плечами, ответит она.

— Ни капельки, ни граммулечки... втихаря от начальства, нет!?! — спросит он.

Он откроет шампанское, стрельнет пробкой в потолок и, не обращая внимания на ее запрещающие жесты, нальет полные бокалы пенящегося напитка.

— Скукотища у вас там, небось? — сочувственно спросит он, — Свет гасят рано. И мужчин нет. Кстати, был у меня один знакомый попик. Между прочим, кого хочешь мог перепить. На спор...

— Я прошу! Не надо, — с какой-то прямо-таки укоризненной материнской интонацией скажет Надя.

— Хорошо! — усмехаясь, согласится он. — Первый тост!

— И последний! — очень грозно предупредит она.

— Без самодурства! Здесь нейтральная территория!

— Шампанское, цветы.... Деньжищ, небось, прорву высадил.... К чему это, Валера?

— Считай, я временно сошел с ума.

— Это «временно» у тебя тянется уже четвертый десяток! — скажет она.

Они, не чокаясь, глядя, друг другу в глаза, отопьют из бокалов по глотку.

— Все-таки, я нашел тебя! — торжествующим тоном скажет он. — Знала бы, чего мне это стоило!

— Мог бы не стараться. Пустые хлопоты, — ответит она. И отхлебнет еще глоток.

...Выбил Суржика из мечтательного состояния оглушительный рев клаксона ярко-красного «Феррари». Низкий приземистый спортивный автомобиль сидел на хвосте его «Форда» и непрерывно сигналил, требуя уступить ему дорогу. Размечтавшись, Суржик не заметил, что занял крайнюю левую полосу, снизил скорость и едва плелся по ней. «Феррари» мигал фарами и истерично гудел на все лады клаксоном. Суржик поморщился и, включив мигалку, перестроился в правый ряд. «Феррари», грозно гудя авиационным двигателем, помчался вперед и через минуту превратился в яркую красную точку. Потом и вовсе исчез в том месте, где шоссе упиралось в линию горизонта.

«Где эти хозяева жизни деньги берут на такие машины?» — подумал Суржик. И сам себе ответил: «Как и прежде, в закромах Родины!».

Перед его глазами опять возникло лицо Нади, сидящей, напротив, за столиком кафе...

— Ты бы хоть одним глазом на свои афиши взглянула! Для тебя старался, под расписку вырвал у твоей помрежки Норы. Она тебя помнит, любит, переживает и все такое. Очень надеется на твое возвращение.

— Что было, прошло. Похоронено и забыто...

— Решила убежать от сложностей жизни? — наивно поинтересуется он. — Спрятаться в монастыре, как улитка в раковину? Не думал, что ты до такой степени труслива! Хоронить себя заживо, лишать себя всех радостей жизни... это... выше моего понимания!

Тут, конечно же, Надя не выдержит! Глаза ее за сверкают праведным гневом.

— Каких радостей!? — заорет она со всем пылом незаурядного актерского темперамента. Может, даже ударит кулаком по столу? Хотя, вряд ли, не ее стиль!

— Ваш мир погряз в жестокости, лжи и насилии! — прямо ему в лицо станет она швырять, одно за другим, жестокие, но справедливые слова. — Тысячи, миллионы униженных и оскорбленных, тысячи бездомных детей, обманутые, оплеванные старики, униженные и растоптанные старушки! Встряхнись, милый! Взгляни хотя бы на ваше хваленое телевидение! Потоки грязи и убийств! Насилия и похоти! Растление малолетних уже стало проявлением доблести! Похабные дикторши наперегонки сообщают: там, изнасилование, там, три трупа, там, сексуальное извращение! При этом ты посмотри внимательно на их лица! Они испытывают восторг и упоение! Чем страшнее, тем упоительнее восторг! Ваш

мир катится в пропасть! И никто из вас не спасется!! Никто!!!

— Кроме тебя, — вставит он. И добавит. — Аминь!

— Бог даст... — прошепчет она, закатив глаза к потолку. — Бог даст...

— Стало быть, назад дороги нет? — спросит он.

— Добровольно!? — вскричит она, как в древнегреческой трагедии. — В ваш свободный мир со звериным лицом? Никогда-а! Лучше в прорубь башкой!

Тут он остановится посреди кафе и начнет... аплодировать. И одобрительно кивать.

— В чем дело? — подозрительно прищурив глаза, спросит она.

— Ты в блистательной форме! Как я и думал. Появились новые драматические нотки.

Он резко перестанет аплодировать, сунет руки в карманы джинсов. И скажет:

— Если думаешь, что меня хоть на секунду тронула вся эта ахиня, которую ты так вдохновенно городила... сексуальные трупы, растление дикторш на телевидении... то ты глубоко ошибаешься! Я тебя насквозь вижу. Выбрала себе новую роль? Не самую удачную, между прочим. Не хватало только выкриков. «Бесноватые демократы! Оголтелые коммунисты! Чума на оба ваши дома-а!».

Тут на сцену выступит хозяйка кафе. Она выйдет из-за полиэтиленовой занавески и, улыбаясь, подплывет к их столику.

— Можно у вас попросить автограф? — спросит она Надю.

— Меня!? — удивится Надя. Лицо ее так и вспыхнет затаенной радостью. Актриса, она и в монастыре — актриса.

— Я вас сразу узнала! Вы — Мальва! Мои девчонки с ума от вас сходят! Все диски ваши собирают. Не поверят, что я вас видела вот так... живьем!

— Ты недооцениваешь свою популярность! — с нажимом добавит он. — Тебя знают на каждом посту ГАИ. Все подряд задают только один вопрос, когда ты опять появишься на сцене, на телевидении?

— Ждут меня, не дождутся, — проворчит Надя.

— Подпиши, что тебе стоит. Для тебя пустяк, для девчонок праздник души.

Надя небрежно, не глядя, распишется на собственной фотографии. Хозяйка исчезнет.

— Честно говоря, ты поразительно изменилась.

— Естественно, — насторожившись, подтвердит она.

— Совсем недавно от тебя просто волны шли. Волны.... Все мужики сразу стойку делали. А теперь... — вздохнув, добавит он. — Ничего не ощущаю.

— Совсем? — помолчав, спросит она.

— Нет, слегка есть.... Но очень мало. Ты стала какая-то... никакая. Обуздание страстей — дело, конечно, хорошее. Но не до озверения. Раньше была пылкая, взбалмошная, красивая молодая женщина. Способная послать к черту все условности и с головой нырнуть...

— Встань, пожалуйста! — неожиданно с затаенной злостью попросит она.

— Зачем?

— И повернись ко мне спиной.
— Не понимаю, зачем?
— Тебе трудно? Повернись спиной, всего-навсего.
— Хочешь отшлепать меня? — остроумно спросит он.

— Хочу нажать на кнопку, — сдерживаясь, скажет она. — Ведь где-то должна быть кнопка, которая тебя выключает!

— В любом случае она находится не сзади, — еще более остроумно ответит он.

— Чего ты хочешь? — закипая, поинтересуется она.

— Тебя-а-а!!! — выпалит он.

— Идио-о-от!!! — заорет она. И спохватившись, испуганно перекрестится. — Прости Господи меня, грешную!!!

...Неожиданно Суржик изо всей силы нажал на педаль тормоза. Стаей диких кошек взвизгнули тормоза «Форда». Прочертив всеми четырьмя колесами длинные черные полосы по мягкому асфальту, машина встала как вкопанная. Если б кто-то ехал сзади, наверняка, не успел бы среагировать, разбил бы машине весь зад. По счастью шоссе в этот час было абсолютно пустым.

Суржик сидел в машине и с яростью стучал ладонями по рулю.

«Идиот! Идиот! Ничего этого не будет! Опять придумал прелестную картинку!? Если и будет, то совсем не так! По-другому! Не так! Кремлевский мечтатель!» — стиснув зубы, бормотал Валера.

Последний эпитет был из лексикона Леонида Чуприна. «Кремлевскими мечтателями» он крестил неда-

леких, безобидных, абсолютно непрактичных и нереалистических людей. Романтиков, одним словом. Хотя, по всеобщему мнению, сам являлся типичным представителем этого славного, вымирающего племени. Он всегда с большой охотой бичевал собственные недостатки в других.

Хозяйка придорожного кафе «Ландыш» Лариса Загоруйко скучала. Постоянно, беспросветно и уже даже как-то привычно. Редкие посетители из местных алкашей или случайно заехавших дальнобойщиков не могли пробудить, дремавшую до поры, в ее душе лавину чувств. Три года назад она держала такое же кафе на окраине Москвы. Рядом с Окружной кольцевой дорогой. Хотя, «держала» сильно сказано. Та «Фиалка» и эта «Ландыш» принадлежали кавказскому человеку по имени Беслан. Еще там, в «Фиалке» Беслан дважды подкатывался к ней с предложением «познакомиться поближе». И оба раза получал «атанде!». По полной программе. У Ларисы Загоруйко были свои принципы. Без любви, без чувств, и не думай и не мечтай. Будь ты хоть тысячу раз хозяин. За подобную принципиальность неприступная Лариса и была сослана за двести километров от столицы в кафе «Ландыш».

В деревне Светлый Посад всего две достопримечательности. Светло-посадский женский монастырь и Светло-посадская женская колония. Ничего особенно «светлого» в округе не наблюдалось. Почему деревню называли именно так, никто не знал. Редкие приезжие контингент сплошь специфический. Посетители осуж-

денных, в основном, матери, сестры или подруги. Да посетительницы монастыря, иностранные туристки из всяких феминистических или религиозных организаций, приезжающие раз в месяц на автобусе «Икарус». Мужчин нет и в помине. Будто вымерли все. Правду говорят, последнего мужика подстрелили в Афгане еще при отступлении наших войск. Местные алкаши, разумеется, не в счет.

Лариса дважды была замужем. И оба раза крайне неудачно. Кроме двух детей, девчонок — «спиногрызок», никаких радостей. Теперь она все дни проводила, облокотившись на подоконник. Наблюдала, пустую деревенскую улицу.

В тот знаменательный день Лариса увидела на деревенской улице грязный до невозможности «Форд». Он лихо объезжал лужи и, поднимая клубы серой пыли, медленно продвигался в сторону монастыря. Проехал мимо «Ландыша», преодолел небольшой подъем и остановился прямо у массивных деревянных ворот. Из машины вылез полноватый, лысоватый мужик в потертых джинсах и куртке защитного цвета. Он решительно подошел к огромным деревянным воротам и принялся дубасить в них кулаками.

«Ща-ас! Разбежались они тебе отпирать!» — почему-то злорадно подумала Лариса. Всей округе был известен крутой нрав матушки настоятельницы. Еще ни одна мужская нога не ступала на территорию монастыря. Многие из местных под предлогом помощи по хозяйству пытались. Не выгорело ни у одного. На особо

рьяных или беспробудно нетрезвых спускали крупных кавказских овчарок.

Мужчина в куртке потоптался около ворот, попытался заглянуть в какую-то щелку. Потом плюнул, сел в машину и поехал явно в сторону кафе. Лариса вернулась за стойку, поправила кофточку, поправила прическу. Грязный «Форд» остановился прямо под окнами. Хлопнула дверца машины. Потом скрипнула входная дверь.

Лысоватый мужчина в куртке защитного цвета с дипломатом в руках появился на пороге и вдруг... замер, будто его ударило током высокого напряжения.

— Краса-авица-а! Богиня-я! — прошептал он, выпучив на Ларису свои большие выразительные глазищи. И даже дипломат из рук выронил на пол от изумления.

Разумеется, Лариса Загоруйко знала свои многочисленные достоинства. Как впрочем, и недостатки. Какая женщина устоит перед таким наглым, прямо в лоб, комплиментом!

Естественно, Лариса улыбнулась. Всеми своими многочисленными золотыми зубами. Мужчина в куртке еще больше обрадовался. Покачивая головой, заулыбался.

— Коня на скаку... раз плюнуть! В горящую избу... без проблем! — сказал он.

— Ладно вам! — сказала Лариса.

Валерий Суржик, (разумеется, это был он! Кто еще!), подошел к стойке, достал бумажник и выложил веером перед Ларисой несколько зеленых бумажек. Крупного достоинства. От волнения Лариса Загоруйко

облизнула губы. Вопросительно посмотрела на Суржика. Тот не спеша, вернулся к двери, подобрал с пола дипломат, вернулся к стойке.

— Как зовут? — строго поинтересовался он.

— Лариса! — поспешно кивнула хозяйка «Ландыша».

— Превосходно! — констатировал Суржик. — Имя и облик сливаются в единое целое. Очень удачно дополняют друг друга. И производят неизгладимое, я бы сказал, незабвенное впечатление.

— Ладно вам...

— Красавица-а! Богиня-а! С умными и на редкость выразительными глазами. Как жизнь, любовь, романы, приключения?

— Какие здесь любовные приключения. Скажите тоже. Тоска зеленая. Только по телевизору и видишь...

— Чтоб у такой эф-фектной особы и не было хоть одного любовника!? Ни за что не поверю!»! Хоть на куски режь!

— Есть один, — не выдержав, улыбнулась Лариса. — Только он не в счет. Редко наезжает.

— Ясно! Шофер. Дальнобойщик! — подмигнул Суржик. И запел, проникновенно, с большим чувством. — «А дорога длиною лентою вьется.... Слева поворот... Осторожней, шофер!». Знаешь, один раз на юге собственным глазами объявление видел. «Водитель! Будь осторожен в местах, откуда могут появиться дети!».

Суржик громко и несколько нервно захохотал. Лариса сдержанно поддержала.

— Ладно вам...

— Зато, небось, жуть, какой пылкий? Дальнобойщик этот.

— Ладно вам...

— Лариса-а! — повысил голос Суржик. — Сосредоточься, пожалуйста. Очень прошу.

Валера решительно пододвинул в направлении Ларисы все зеленые купюры. Та мгновенно смахнула их со стойки, сложила и спрятала в карман фартука.

— У меня здесь серьезная встреча намечена. Крайне серьезная. Можно сказать, дело всей жизни. Ты меня понимаешь? Всю ночь за рулем по нашим дорогам, на такой подвиг идут только в самом крайнем случае! Ска-терть чистую можно?

— Если надо... — пожала плечами Лариса.

— Необходимо. Во-первых, сделай так, чтоб сюда часа два никто не совался. Ни одной посторонней пьяной рожки.

— Без проблем. Алкашей на дух не переносу.

— Этот стол поставь сюда, на самую середину. У тебя иконы нет?

Лариса, изумленно вытаращила глаза, покачала головой.

— Самое модное нынче украшение. В нашей православной религии есть нечто... величественное и торжественное. И в то же время, скромное, неброское.

— Она... кто? — не выдержав, полюбопытствовала Лариса.

— Проснулась! Наконец-то! — усмехнулся Суржик. — Она? Женщина она! С большой буквы! Судьба, крест, испытание.... Все сразу.

— За растрату мотает или убила кого?

Суржик резко повернулся, с искренним недоумением смотрит на Ларису.

— Ты о чем?

— За что сидит-то? — пояснила Лариса. — Тут у нас два объекта. Женская колония и монастырь.

— Хрен редьки не слаще! — усмехнулся Суржик. — В монастыре она.

— Видела в окошко, — с готовностью кивнула Лариса. — Я что подумала. У него или жена в колонии, или любовница. В монастырь тыркается, чтоб ее с Богом связать.

— У тебя там, какие связи есть? Кто-нибудь из знакомых?

— Ну... если подумать...

— Чеши в монастырь и под любым предлогом вытащи ее сюда! Одна нога здесь, другая там! Ты поняла, Лариса! Дело всей жизни.

— Она там кем? — продолжала любознательная хозяйка кафе.

— Послушницей, я думаю. До больших чинов дослужиться не успела, — усмехнулся Суржик. — Любуйся! Ты ее наверняка видела по телевизору.

Он достал из дипломата несколько ярких глянцевых афиш, начал их так и эдак примерять на стенах. Лариса, взглянув на афиши, только тихо охнула. На каждой из них в разных ракурсах была запечатлена Надя Соломатина. Мальва, Мальвина. «Звездочка» шоу бизнеса. Радостная, взволнованная, ликующая.

— Если не получится? Вдруг, не выпустят ее? — нахмурилась Лариса.

— И думать не моги! Вот тебе еще...

Суржик выложил на стойку еще несколько зеленых купюр. Лариса смахнула и их в большой карман своего маленького передника. На ходу поправила перед зеркалом пышную прическу и исчезла за порогом.

Суржик стоял спиной к двери и делал вид, что смотрит в окно. Наверняка, при этом он очень эффектно выглядел. Стоящий у окна, широко расставивший ноги, мужчина. Он даже не смотрит в сторону появившейся любимой женщины. Так или приблизительно так, представлял себе Суржик ситуацию со стороны. В этот момент он был чертовски доволен собой. Наконец-то...

— Солнышко! Наконец-то я нашел тебя... — не оборачиваясь, сказал Суржик.

— Ты дядя Валера? — прозвучал за его спиной тонкий детский голос. Валера вздрогнул и резко обернулся.

На пороге кафе стояла маленькая девочка. Худое бледное личико. Лет семь, восемь. Большие светлые глаза. Под глазами синие круги. Вся какая-то бестелесная, почти прозрачная. Белый, аккуратно обмотанный вокруг головы и тонкой шеи платочек. Длинное до пят черное бесформенное платье. Из под подола платья выглядывали такие же бесформенные ботинки. Явно на два размера больше. Она держала руки за спиной и сверлила Суржика любопытными глазами.

— Дядя Валера? — повторила маленькая «монашка».

— Абсолютно! — в некоторой растерянности ответил Валера. — А ты кто?

— Даша-а... — протяжно ответила «монашка». И улыбнулась. — Надя не придет. Матушка настоятельница не велит. Грех это.

— Что... грех? — не понял Суржик.

— Выходить за ворота. Не положено.

— Порядки тут у вас... — пробормотал Суржик. — Как в концлагере.

Валера несколько секунд задумчиво кусал губы. Потом решился.

— Вот что, красавица! — решительно сказал он. — Прошу!

Суржик подошел к столу, галантно отодвинул стул, жестом пригласил маленькую «монашку» составить ему компанию. Она, поколебавшись, нерешительно подошла к стулу, аккуратно присела, расправила платье, сложила руки на коленях.

— Грех это! — не поднимая головы, прошептала «монашка» Даша.

— Что... грех? — опять не понял Суржик.

— С мужчиной... в ресторане... — ответила Даша. И вздохнула.

— Даю слово, будем вести себя прилично. Никаких пьянок, битья посуды и стриптиза на столе не будет.

Суржик сделал знак Ларисе, та мгновенно поставила на стол перед Дашей тарелку с десятком пирожных и огромный бокал «Пепси колы». Маленькая монашка обречено вздохнула и принялась с фантастической ско-

ростью уничтожать пирожные. Обеими руками. Суржик с Ларисой в изумлении только головами покачивали.

— Ты, правда, писатель? — прожевывая, поинтересовалась Даша.

— Еще какой! — усмехнулся Суржик. — Очень-очень знаменитый.

— Сказки умеешь писать?

— Ну! — кивнул Суржик. — Только этим и занимаюсь.

— Про что?

— Про любовь.

— Про любовь нам нельзя, — строго сказала «монашка» Даша. — Любить надо только Бога. И еще ближних своих.

— То нельзя, это нельзя! — возмутился Валера. — Чем вы там вообще-то занимаетесь?

— Хозяйство у нас, — строго сказала «монашка» Даша. — Гуси, утки, теленки, поросенки, коровы.... За всеми уход нужен. Глаз, да глаз!

— Однако-о! — протянул Суржик. — Вы там явно не бедствуете!

— У нас и пекарня своя, и библиотека... — не переставая жевать, докладывала Даша. — Меня на курей поставили. С утра на колодец сходи, потом курям корму задай.... Потом молитва.... Потом опять по хозяйству...

— Надя тебе кто? — спросил Суржик.

— Сеструха, — кивнула девочка. И тут же поправилась. — Сестра. Старшая.

— Строгая она у тебя?

— Не-ет! — помотала головой девочка. — Надя очень добрая. Ласковая. Никогда даже по голове не стукнет, не накажет, ничего....

— За что тебя наказывать?

— Я очень грешная, — вздохнула Даша. — Матушка настоятельница говорит – «исчадие ада».

— Это почему?

— Плохо старших слушаюсь, — начала на пальцах загибать «исчадие ада». — Сладкое очень люблю. Жить без конфет не могу. И лентяйствовать люблю. Все это грех.

Суржик стоял на пороге «Ландыша» и смотрел вслед Даше. Она торопливо семенила по разбитой деревенской улице, аккуратно обходя еще не просохшие лужи, и постоянно спотыкалась в явно непривычном для себя длинном одеянии. Ее худенькая фигурка во всем черном становилась все меньше и меньше.... Вот, она на ходу сорвала какой-то цветок, понюхала и отбросила в сторону.... Вот, придерживая подол длинного черного платья, перепрыгнула через небольшую канаву.... Вот, поднялась по деревянным ступеням к массивным воротам и постучала условным стуком.... Дверь в воротах сразу открылась.... Суржику показалось, он даже услышал скрип ржавых петель. Но этого не могло быть. Расстояние до монастыря было значительным. Да и вороны на деревьях кричали оглушительно, как на кладбище во время похорон.

Суржик прищурился, напряг зрение...

Вот, сейчас она войдет внутрь... и все! Все кончится!

Прощай, Надя! Звездочка шоу бизнеса! Мальва! Мальвина! Недостижимый идеал тинейджерок! «Рыжее солнышко!». Мечта солдатиков дембелей, шоферов дальнобойщиков, гаишников и всех мужчин, носящих на плечах погоны...

Нечаянная любовь моя, подарок судьбы, последний привет уходящей молодости...

Прощай! И Прости!

Вот и пришёл конец увлекательной трилогии. Но, как известно, конец — это всегда ещё и начало, начало чего-то нового. И оно ждёт вас в новых произведениях Анатолия Чупринского в Библиотеке профессиональных писателей. Милости просим!

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!